

10.335
1966

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

10.335

24

11

1966

10.333
1966

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЛИТЕРАТУРНАЯ Грузия

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ
ГОД ИЗДАНИЯ ДЕСЯТЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ

79.490

11

Н О Я Б Р Ь

1 9 6 6

Навстречу славному пятидесятилетию	3
В юбилейные дни	5
МИХАИЛ ЛУКОНИН. Слово о друге	18
РЕВАЗ МАРГИАНИ. Тур. Антверпен. Зоосад. На старой квартире. Седина. Стихи. Перевод с грузинского М. Луконина	20
РЕВАЗ ИНАНИШВИЛИ. Кто-то опаздывает на автобус. Повесть. Перевод с грузинского А. Абуашвили	22
ГЕОРГИИ ШАТБЕРАШВИЛИ. Солнце на календаре. После спектакля. Стихи. Перевод с грузинского Е. Николаевской	27
ХУТА БЕРУЛАВА. Портрет друга. Чудо. Два голоса. Стихи. Переводы с грузинского Евг. Винокурова, Е. Николаевской и Арк. Штейнберга	28
ГЕОРГИИ САМХАРАДЗЕ. Светицховели. Я хотел бы... Стихи. Перевод с грузинского Г. Павловской	30
ДАВИД КВИЦАРИДЗЕ. Марина, где ты?... Роман. Перевод с грузинского Д. Мгеладзе	31
ОТАР ЧИЛАДЗЕ. Снег. Женщина лежала на песке... Памяти Галактиона Табидзе. Стихи. Перевод с грузинского Вл. Лугового	63
ГЕОРГИИ ДЗУГАЕВ. Земля. О, радость — быть поэтом!.. Стихи. Перевод с осетинского Р. Казаковой	64

ПОЛВЕКА ОКТЯБРЯ

РИММА КАНДЕЛАКИ. Колхида 65

КРИТИКА

ГЕОРГИЙ МЕРКВИЛАДЗЕ. Заметки о современной
грузинской прозе 69

ИСКУССТВО

ЭТЕРИ ГУГУШВИЛИ. Шалва Гамбашидзе 74

800 ЛЕТ РУСТАВЕЛИ

ИЛЬЯ РУРУА. На палестинской земле 83

Хроника 17, 81

На 2-й стр. обложки фрагмент панно
«Великий Октябрь». Работа художника
Н. Игнатова.

Главный редактор **МИХАИЛ МРЕВЛИШВИЛИ**

Редакционная коллегия:

И. АБАШИДЗЕ, **Б. ГАСС** (ответственный секретарь),
Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ (заместитель главного редактора), **М. ЗЛАТКИН**,
А. КУЗЬМИЧЕВ, **В. МАЧАВАРИАНИ**, **Р. ТВАРАДЗЕ**, **Э. ФЕЙГИН**,
Н. ЧАВЧАВАДЗЕ, **Д. ШЕНГЕЛАЯ**.

Адрес редакции: Тбилиси, 8. Улица Ленина, 5, телефон 9-06-59.

Навстречу славному пятидесятилетию

Каждый год нашей жизни приносит много нового и значительного. Но этот год особенно насыщен знаменательными событиями. Радостно начался он и для нашей республики, отмечавшей в феврале свое сорокапятилетие. За успехи, достигнутые во всех сферах хозяйственной и культурной жизни, Грузия была награждена вторым орденом Ленина.

Накануне ноябрьских праздников эта высокая награда была вручена трудящимся республики, незадолго до этого чествовавшим своего далекого предка, великого витязя поэзии Шота Руставели, 800-летний юбилей со дня рождения которого они подняли на исключительную высоту, продемонстрировав солидарность прогрессивных сил мира.

1 ноября на торжественном собрании в тбилисском Дворце спорта приехавший в Грузию для вручения ей ордена Ленина Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев сказал:

— Сегодня получает высокую награду — орден Ленина — Советская Грузия. Это заслуженное признание большого вклада, который вносит грузинский народ в наше общее дело — созидание первого на земле коммунистического общества.

В преддверии руставелевских торжеств грузинские писатели собрались на своей очередной, VI съезд, обсудивший насущные вопросы литературной жизни Грузии, наметивший задачи на будущее.

Так, с богатым урожаем хозяйственных и культурных достижений, которые находятся в тесном взаимодействии и взаимно влияют друг на друга, встречаем мы сейчас 49-ю годовщину Великого Октября. Страна вступает в юбилейный, 50-й год Октябрьской социалистической революции. Эту знаменательную дату все советские люди и вместе с ними труженики Советской Грузии стремятся ознаменовать новыми победами. В одном ряду с ними — и грузинские писатели, которые работают сейчас над своими новыми произведениями, посвященными этой исторической вехе, отражающими жизнь нашей республики на различных этапах ее развития, рисующими образ нашего современника — строителя коммунизма.

Недаром такое большое значение наша партия придает деятельности творческих союзов, в том числе Союзу писателей, столько заботы проявляет о наших литераторах, всегда помня слова Ленина о том, что талант — это редкость, его надо беречь, поддерживать и воспитывать. А это как раз и призваны делать творческие союзы, чтобы не обмануть ожиданий читателей, ждущих от нашей литературы новых значительных произведений, «которые покорила бы глубиной и правдивостью отображения действительности, силой идейного пафоса», «активно содействовали дальнейшему укреплению связи художественного творчества с практикой коммунистического строительства», как об этом сказано в передовой статье «Правды» от 27 октября этого года.

Это большие, огромной важности задачи, и о них надо полагать, и пойдет серьезный и откровенный разговор на предстоящем IV Всесоюзном съезде писателей, который состоится в декабре. К нему готовятся сейчас все писатели нашей многонациональной Родины, в том числе и грузинские литераторы.

Великое значение литературы в жизни человеческого общества не подлежит сомнению. Недаром еще восемь столетий назад Руставели признал, что «стихотворство род познания, возвышающего дух». Только при этом условии литература сможет выполнить свое назначение.

Наша жизнь, наше время, наши современники ставят высокие требования перед тружениками пера, перед советскими писателями.

В преддверии IV Всесоюзного съезда писателей октябрьские Призывы ЦК КПСС обращаются к деятелям литературы и искусства:

— Боритесь за партийность и народность, высокую идейность и художественное мастерство произведений. Ярче отображайте величие и красоту героических дел советского народа, его пламенный патриотизм, борьбу за победу коммунистических идеалов!

ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

От участников объединенного пленума правлений Союзов писателей
СССР и Грузии

Советские писатели, собравшись дружной многонациональной семьей на объединенный пленум правлений Союза писателей СССР и Союза писателей Грузинской ССР, посвященный 800-летию со дня рождения Шота Руставели, шлют из столицы Советской Грузии свой искренний и самый сердечный привет ЦК КПСС.

Вместе с братским грузинским народом мы чествуем великого мастера поэтического слова и выдающегося мыслителя, возвестившего из глубины веков бессмертные идеи гуманизма и дружбы народов.

Мы, наследники и хранители всего самого передового и немеркнущего в культуре прошлого и одновременно строители нового коммунистического мира, отмечаем сегодня наш большой общий праздник народов СССР — яркое проявление торжества ленинской национальной политики и осуществления ленинских заветов о бережном отношении к сокровищнице культуры, накопленной человечеством.

Находясь в преддверии нашего Четвертого Всесоюзного съезда, мы повседневно ощущаем заботу Центрального Комитета о развитии нашей литературы, о создании наилучших творческих условий для писателей и благодарим за эту заботу.

Советские писатели были, есть и будут помощниками Коммунистической партии в ее великой созидательной деятельности по построению коммунистического общества, по претворению в жизнь решений XXIII съезда партии, неустанной борьбе за мир и счастье народов.

КОМИТЕТУ ПО ПРАЗДНОВАНИЮ 800-ЛЕТИА ШОТА РУСТАВЕЛИ

Дорогие друзья!

Всемирный Совет Мира шлет свои сердечные поздравления в связи с 800-летним юбилеем вашего выдающегося соотечественника Шота Руставели. Творение Руставели — классика грузинской и мировой литературы — широко известно во многих странах, и люди повсюду отмечают вместе с вами эту знаменательную дату как праздник мировой культуры.

Выдающаяся поэма «Витязь в тигровой шкуре» проникнута гуманизмом и стремлением к справедливости, и сегодня это созвучно с чувствами миллионов тех, кому дорого дело мира. Дружба между арабом Автандилом, индийцем Тариелом и муглазансарцем Фридоном — героями поэмы — отвечает идеалам нашего движения, которое стремится к объединению всех сил и усилий людей доброй воли на борьбу за мир и дружбу между народами.

Мы желаем новых успехов советским литераторам и деятелям других областей культуры в развитии благородных традиций Шота Руставели, в их творческом труде на благо мира во всем мире и прогрессивного человечества!

Всемирный Совет Мира

В юбилейные дни

Как известно, нынешний 1966 год был годом Руставели. Он явился как бы преддверием руставелевского юбилея, продемонстрировавшего миру неизмеримо возросшую в последнее время популярность великого поэта. Это тем более отрадно, что именно в наш «космический» XX век, век невиданного взлета науки и техники, век завоевания космоса, а в итоге — век торжества человеческого разума, человеческой мысли, Шота Руставели — певец Человека, преодолев путь в восемь столетий, шагнул к нам из XII века как наш современник и, «как живой с живыми говоря», завоевал всемирное признание. Сложенная им сотни лет назад величественная песнь свободе, добру и справедливости, любви и дружбе, мужеству и отваге на протяжении многих веков в силу особых исторических судеб грузинского народа звучала только на нашей земле. Теперь она звучит на многочисленных языках нашей Родины, на языках Востока и Запада. А точнее — Руставели переведен на 73 языка народов Советского Союза и более 40 языков мира! Что ж, действительно, цифры порой красноречивее слов. Ныне слава поэта получила всемирный резонанс. Его высоко гуманистические идеи, облеченные в совершенную поэтическую форму, нашли отклик в миллионах сердец наших современников на всем земном шаре. Чтобы выразить свою любовь и признательность народу, подарившему миру гениального автора бессмертного «Витязя в тигровой шкуре», в Грузию, на родину поэта, на его юбилей, отмечавшийся по решению Всемирного Совета Мира, приславшего в эти дни свое приветствие на имя Всесоюзного юбилейного комитета, прибыли посланцы из всех республик Советского Союза и из 45 зарубежных стран.

Собственно, со встречи гостей, прибывших на руставелевские торжества, и начался юбилей, продолжавшийся с 25 сентября по 2 октября. Первая группа гостей прилетела в Тбилиси уже 23. Среди них были индийская поэтесса Амрита Притон, вьетнамский поэт Те Лан Виен, английские писатели Эванс Кросли-Холайд и Эмрис Хьюз, польские поэты Леопольд Левин и Ежи Загурский, профессор Краковского университета Вацлав Кубатский, венгерские писатели Антал Гидаш, Тибор Дери, Дьюла Ййеш, чилийский прозаик Франциско Колонае, советский поэт и писатель Константин Симонов. А ведь это было только начало. Все последующие дни Тбилиси встречал все новых и новых друзей...

Накануне юбилея, 24 сентября, состоялось заключительное заседание правительственного юбилейного комитета по ознаменованию 800-летия со дня рождения Шота Руставели. На нем были подведены итоги работы, проделанной в подготовительный период. Работы большой, важной, кропотливой и многогранной. Теперь начиналось торжество, вылившееся в большой праздник грузинской культуры, всего советского народа.

Первый день торжеств — 25 сентября — был ознаменован, прежде всего, открытием выставки «Грузинская культура», расположившейся

на территории Выставки достижений народного хозяйства Грузии в Тбилиси. По словам Николая Тихонова, «выставка замечательна, она организована превосходно, умело, с большой любовью к родной культуре и науке. Это грандиозное зрелище, соответствующее духу Руставели».

В тот же день распахнулись двери Государственной картинной галереи Грузии, где разместились экспонаты выставки «Все о Руставели». Это — книги, рукописи, портреты, фотокопии, картины и т. д. Действительно, все, что связано с именем поэта и с его поэзией.

На следующий день, 26 сентября, в театре, носящем имя великого поэта и мыслителя, проходил объединенный пленум правлений Союзов писателей СССР и Грузии, посвященный 800-летию со дня рождения Шота Руставели. Вопреки строгому и официальному названию, это было прежде всего большое и радостное событие, поистине торжество, каким и подобает быть любому дню рождения Человека, а тем более юбилейной дате такого украшения человечества, как гений, воплотивший свой редчайший поэтический дар и мудрость мыслителя в бессмертном шедевре, освещающем духовную жизнь целой нации, да и многих и многих других людей, вот уже несколько столетий.

Не было числа желающим попасть в этот день в Государственный академический театр имени Руставели. Зал, фойе — все было буквально забито людьми. А если учесть, сколько человек сидело в эти часы у телевизоров и радиоприемников, то можно считать, что стены театра раздвинулись неизмеримо.

И без преувеличения можно сказать, что слова секретаря Союза писателей СССР Г. Маркова, который, открывая пленум, сердечно поздравил собравшихся «с большим радостным праздником в нашей Советской стране — 800-летием со дня рождения гениального грузинского поэта и мыслителя, гордости всего прогрессивного человечества Шота Руставели», относились ко всем и каждому, ибо, как сказал выступивший на пленуме кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Грузии В. П. Мжаванадзе, «сегодня... всех нас собрало славное имя Шота Руставели, 800-летие со дня рождения которого с большой любовью отмечают в эти дни все народы нашей страны, все народы мира».

«...Мы воскрешаем наше культурное наследие не только потому, — говорит В. П. Мжаванадзе, — чтобы воздать ему должное, но для того — и это самое главное, — чтобы все великое и бессмертное, что создано народом на протяжении веков, ярко освещало путь самому народу в еще более прекрасное и светлое будущее».

И не только одному грузинскому народу, сыном которого является Шота Руставели. Его гениальная поэма помогает жить — справедливо, мудро и красиво — всем людям на земле, и в этом общечеловеческое значение его творения. «Витязь в тирповой шкуре» принадлежит всему человечеству. Отрадно видеть, что это произведение живет и в нашем двадцатом веке — современный человек прислушивается к поэту как к своему собеседнику». Это — выдержка из доклада «Шота Руставели в мировой литературе», с которым выступил на пленуме председатель Всесоюзного юбилейного комитета, секретарь правления Союза писателей СССР Н. С. Тихонов.

Эта мысль перекликается с темой другого доклада, прочитанного на этом же пленуме — «Шота Руставели и современная грузинская литература». Докладчик — секретарь Союза писателей Грузии Б. Женти.

«Грузинская литература — непосредственная продолжательница традиций великого Руставели. И эта преданность традиции выражается прежде всего в том, что нет в Грузии такого более или менее значительного поэта, который бы не посвятил свое лучшее произведение Шота Руставели», — говорит в докладе Б. Жгенти.

Пользуясь таким представительным собранием и таким торжественным случаем, он выразил чувство большой благодарности замечательным мастерам стиха, благодаря творческим подвигам которых Руставели стал достоянием советского народа, вышел на мировую арену. Это — Константин Бальмонт, Николай Заболоцкий, Павел Антокольский, Шалва Нуцубидзе, Пантелеймон Петренко, Микола Бажан.

«Я хочу, — говорит Б. Жгенти, — передать слова глубокой признательности многим и многим переводчикам «Витязя в тигровой шкуре». Хочется вспомнить зарубежных переводчиков — Оливера и Марджори Уордроп, Гуго Гупперта и др., которые вложили много труда в перевод творения Шота Руставели. Благодаря их переводам сокровищница духовных ценностей человечества обогатилась таким неиссякаемым источником мудрости, как «Витязь в тигровой шкуре».

Выступления всех остальных участников пленума — наших дорогих гостей — это гимн светлым идеалам мира, дружбы, любви и справедливости, воспетым великим Руставели. Имена ораторов — это созвездие талантов. Вот они — О. Гончар, П. Бровка, Э. Межелайтис, С. Капутикян, А. Лубан, М. Миршакар, П. Хузангай, Расул Гамзатов, К. Кулиев, Е. Бапрына, Д. Олдридж, А. Притон и многие другие. Слушая всех этих поэтов и писателей, приветствовавших от имени своих народов грузинский народ в день рождения его гениального сына, невольно вспоминаешь мудрые слова поэта о высоком назначении литературы.

Пленум, еще раз продемонстрировавший бессмертие завета Шота о дружбе, принял обращение к Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза, в котором говорится: «Вместе с братским грузинским народом мы чествуем здесь великого мастера поэтического слова и выдающегося мыслителя, возвестившего из глубины веков бессмертные идеи гуманизма и дружбы».

А вечером на этой же сцене перед участниками пленума предстал сам «Витязь в тигровой шкуре» в литературно-драматической композиции театра имени Руставели. Звучали строки поэмы, и, казалось, сам поэт говорит со своими потомками о том, что всегда останется современным, тревожащим и истинным. О любви. О дружбе. О мире. С позиций высокого гуманизма, языком высокой поэзии, к которой по сей день как к живительному роднику припадают страждущие души человечества.

Да, во все века поэзия будоражила умы и души людей, не давая им заостенеть и обрасти жиром. Поэты, как горьковский Данко, овещали своим сердцем путь человечеству. И во все века поэты, как братья, понимали друг друга. Вечер поэзии, проходивший все в тех же стенах руставелевского театра, вылился в поэтическую переключку друзей. Поэт сменяет поэта на трибуне, и на каком бы языке ни звучали их стихи, идущие из самого сердца, они воспринимались как произнесенные на родном. Великая сила дружбы народов, интернационализм людей Земли, о которых говорил в своем вступительном слове председатель правления Союза писателей Грузии И. Абашидзе, как-то особенно сильно проявился именно в этот вечер.

Читаются и свои стихи, и переводы. Мы слышим голоса давнего друга Грузии Николая Тихонова, одного из старейших грузинских поэтов Сандро Шаншиашвили, польского поэта Юлиана Пшибоса, бол-

гарской поэтессы Елисаветы Багряны, переводчика «Витязя» на украинский язык Микола Бажана, народного поэта Азербайджана Сулеймана Рустама; на трибуну поднимаются вьетнамец Те Лан Виен, француз Эжен Гийевик, испанец Рафаэль Альберти... Всех не назовешь.

Почему же так вдохновенно звучали слова выступавших на этом вечере поэтов — и наших, советских, и зарубежных, — обращенные к Шота Руставели и его памяти?

Пожалуй, наиболее точно и полно ответ на этот вопрос сформулирован президентом Академии наук Грузии Н. И. Мухелишвили, открывшим вступительным словом сессию общего собрания Академии наук Грузинской ССР. «Руставели, — сказал он, — поистине национальный поэт, но вместе с тем он является певцом высоких общечеловеческих идеалов, большим гуманистом и мыслителем. Это позволило поэме встать вровень с самыми выдающимися памятниками мировой культуры».

Вот почему такое большое значение приобретает научное изучение поэмы, уточнение биографии ее автора. Председатель республиканского правительственного юбилейного комитета, председатель Совета Министров Грузинской ССР Г. Д. Джавахишвили рассказал собравшимся — видным советским и зарубежным ученым о большом вкладе грузинских руствелологов в научное исследование «Витязя в тигровой шкуре», в установление научно-критического текста поэмы.

Более подробная картина успехов руствелологии в самых различных ее аспектах получила отражение в прочитанных на сессии докладах академиков Академии наук Грузинской ССР А. Г. Барамидзе («Творчество Шота Руставели»), Г. В. Церетели («К изданию научно-критического текста «Витязя в тигровой шкуре») и Г. Н. Чубинашвили («Памятники грузинского искусства эпохи Руставели»).

О народных истоках языка Руставели говорил писатель-академик, лауреат премии имени Руставели К. С. Гамсахурдиа.

Эпоху раннего грузинского Ренессанса охарактеризовал академик Н. И. Конрад.

О большой работе, которую ведут ленинградские ученые-руствелологи, рассказал академик В. М. Жирмуцкий.

Участников сессии приветствовали также вице-президент Академии наук ГДР Л. Штерн, профессор Будапештского университета К. Цегледи, директор Института литературы и лингвистики Академии наук Кубы Хосе Антонио Портуондо, ректор университета г. Осло Х. Фогт и польский картвелолог Я. Браун, выступившие на грузинском языке.

Кстати, Ханс Фогт 35 лет назад учился в Тбилиси. Ему и двум его коллегам — заведующему кабинетом картвелологии Лондонского университета Дэвиду Лэнгу и польскому востоковеду Ананияну Зайнчковскому за выдающиеся заслуги в исследовании грузинской филологии ученый совет Тбилисского государственного университета присвоил в дни юбилея Руставели звание почетных докторов наук.

А встречи все продолжают. Приезжают и прилетают все новые гости — деятели литературы и искусства, журналисты, представители общественности.

29 сентября в столицу Грузии на руставелевские торжества прибыла министр культуры СССР Е. А. Фурцева.

В беседе с корреспондентом «Зари Востока» Екатерина Алексеевна сказала: «Юбилей Шота Руставели еще раз напоминает советским людям, всем народам мира о высоком призвании человека быть актив-

ным борцом за благородные идеи, высказанные гениальным поэтом, идеи гуманизма, человеколюбия, дружбы народов, самоотверженной борьбы за мир, за лучшую жизнь и счастье на земле».

Наверное, потому так единодушно были в признании великих заслуг поэта все участники митинга в Ахалцихе, посвященного открытию памятника Шота Руставели. Под впечатлением этого события, вылившегося в народное празднество, — в нем приняло участие также чуть ли не все население города, — гости продолжили свой путь дальше, к пещерному городу Вардзиа. Этот уникальный памятник эпохи Руставели словно вернул всех приехавших на восемь веков назад... Потрясенные увиденным и пережитым, они покинули места, связанные с именем нашего далекого предка.

...А юбилейное море буршует с той же силой, вбирая в себя все новые реки и ручейки. В воскресенье в Большом зале Тбилисской государственной консерватории состоялась премьера оперы Д. Аракишвили «Сказание о Шота Руставели». В Тбилисской Академии художеств открыт юбилейный вернисаж. Здесь собраны работы художников и студентов за 25 лет. Представлены все 15 факультетов. «Во славу земли Шота» — это сборник произведений сорока руставских поэтов и писателей, участников литературного объединения при Дворце культуры металлургов в Рустави. Продолжают выходить юбилейные издания книг — Руставели и о нем, на грузинском, русском, английском, немецком, французском языках. Юбилейные номера журналов, газет — центральных и союзных. Альбомы иллюстраций к поэме разных художников, серии открыток, буклеты. И все — нарасхват. Плакаты, репродукции портретов Шота. Отовсюду на нас смотрят задумчивые и чуть грустные глаза поэта, воскрешая в памяти легенды вокруг его имени. И все больше о его любви к царице Тамар, его музе, его счастье и горе, его жизни... Всюду глаза ловят слова Руставели, его мудрые изречения, и они уже помимо воли сами живут в нашем сознании.

Город весь принарядился, украсился, как молодая и красивая женщина, которая прихорашивается, торопясь на праздник. Но и без того она хороша — своим неподдельным волнением, радостным возбуждением, ожиданием чего-то неведомого, прекрасного. Так и наш Тбилиси в эти дни. Ясные, теплые, солнечные дни золотой тбилисской осени...

Мягкие лучи раннего сентябрьского солнца окутывают так хорошо знакомую всем тбилисцам фигуру поэта на высоком постаменте. В это утро — 30 сентября — кажется, что он воздвигнут на цветах. Их принесли к подножью памятника Руставели все, кому дорога его память. Здесь тысячи представителей трудящихся, интеллигенции, школьники и студенты республики. Тут и члены правительства и многочисленные гости. Все они пришли сюда почтить память великого поэта. К подножию памятника были возложены венки от имени Президиума Верховного Совета Грузинской ССР и Совета Министров республики, Министерства культуры СССР, правления Союза писателей СССР, грузинских писателей, трудящихся Москвы и Ленинграда, Министерства культуры Грузинской ССР, Академии наук Грузии, делегаций союзных республик.

И на самом гребне юбилейной волны — торжественное заседание. В тот же день, 30 сентября, зал заседаний Верховного Совета Грузинской ССР выглядел необычайно празднично. Всюду цветы, цветы, цветы. На огромном полотнище барельеф с изображением поэта и цифра «800».

Обращаясь к собравшимся на торжественное заседание Центрального Комитета Коммунистической партии Грузии, Президиума Вер-

ховного Совета и Совета Министров республики, посвященное 800-летию со дня рождения Шота Руставели, председатель Совета Министров Грузинской ССР Г. Д. Джавахишвили сказал: «Чем же дорога для нас поэма «Витязь в тигровой шкуре»? Чем заслужила она столь великую любовь народную? Чем объяснить, что Шота Руставели и его творение так привлекают людей и в наши дни?»

Это объясняется тем, что Шота Руставели лучше всех грузинских поэтов сумел постичь дух родного народа, чистоту его помыслов. Смело можно сказать, что Шота Руставели, — это сама Грузия, а «Витязь в тигровой шкуре» — неиссякаемая национальная сокровищница грузинского народа». Сейчас наш народ «в единой советской семье строит новую жизнь. Он вступил поистине в новый золотой век своего экономического и культурного развития и сегодня на обновленной земле Руставели отдает дань своему гениальному сыну». Так закончил свое вступительное слово Г. Д. Джавахишвили, открывая этот представительный форум.

Здесь, в этом зале собрались представители и посланцы почти всех уголков нашей планеты, которых волнуют проблемы мира, насущные вопросы прогресса человеческой культуры. К ним и был обращен доклад председателя правления Союза писателей Грузии, поэта-академика Ираклия Абашидзе. Он задает вопрос: «Что же нам все-таки готовит грядущий день: торжество и победу тех сил, которым одинаково дороги и трехтысячелетние папирусы, найденные на египетской земле, и развалины храмов древних инков, и полотна Пикассо, или он готовит рост темных сил, сбрасывающих ныне бомбы на мирную землю Вьетнама, возврат теней прошлого, мечтающих возродить фашизм, тех, кто одержим идеями безрассудного, губительного реванша, или тех, кто берет на себя исторический грех, пытаясь отгородить трудящихся и строителей нового мира от драгоценнейших духовных сокровищ, созданных на протяжении веков человечеством во славу и во имя человека, кто варварски попирает и топчет достижения культуры и сегодня, в 60-х годах XX века, вызывает в нашей памяти зловещие отблески костров инквизиции?»

И сам отвечает: «Я вовсе не намерен вторгаться в сферу политики, но когда речь идет о кощунственном осквернении высшего смысла существования человечества — о посягательстве на его дух и разум, на его культуру и творческий гений, само молчание оказывается преступным. Правда, еще Руставели учил нас и убеждал, что «долговечно лишь добро», а злу всегда суждено быть поверженным, что «злое дело быстротечно и безжизненно всегда». Но именно Руставели также всегда подчеркивал, что торжество добра находится в прямой зависимости от активности человека, его несущего, что только тот достоин звания настоящего человека, кто всем своим существом восстает против зла и не обретает душевного покоя до тех пор, пока оно еще существует и отравляет воздух, калечит судьбы, разъедает душу и плоть человека и человечества».

Глубоко гражданский пафос доклада И. Абашидзе, особенно наглядно раскрывший причину актуальности поэмы Руставели в наши дни, наиболее ярко выражен в его заключительной части. Вот она: «Мне кажется, в истории мировой литературы буквально по пальцам можно перечесть столь совершенно построенные произведения, как поэма Руставели. Но и это не главное. Главное то, что таким образом задуманная и созданная поэма подразумевает необычайно широкий круг читателей. И «Витязь в тигровой шкуре» всегда был одинаково

близок и дорог как умудренному знаниями человеку, так и простому труженику. Каждый из них находил, вычитывал и обретал в поэме то, что именно ему было близко, понятно и дорого. И каждый воспринимал и постигал идею поэмы, которая сегодня особым светом светит нам, ее читателям, число которых — миллионы. Идея эта проста и велика. Руставели напоминает нам, современникам, что величайшей ценностью мира является человек, и только человек; что человек должен быть прекрасен и гармонически совершенен — прекрасными должны быть его душа и тело, разум, чувства и деяния; что человек призван, а, значит, и обязан выработать в себе такую волю, чтобы и мысли и действия свои направлять только к добру, только к высоким делам.

Но Руставели предупреждает нас и о том, что для подлинного величия человека, для возвышения его до высоты, его достойной, мало созерцательного и пассивного гуманизма, хотя бы самого прекрасно-душного и благого по намерениям. Ведь благими намерениями, как говорится, вымощен даже ад. Лишь активность (и активность, если нужно, героическая и самоотверженная), вечное, непреклонное и неустанное деяние способно поправить на земле зло и гарантировать торжество добра. Афористически это, как мы знаем, звучит так: «Зло повержено вовеки торжествующим добром». Вот что делает человека человеком, вот что гарантирует торжество такого миропорядка, при котором царит подлинная гармония, и, говоря языком Библии, овцы и волки пасутся мирно и вместе в царстве высшей гуманности и воплощенных уже благороднейших идеалов человечества.

Для того, чтобы вызволить из плена Нестан-Дареджан, необходимо было выдержать неимоверные испытания, вытерпеть нестерпимые муки, преодолеть непреодолимые препятствия и совершить нечеловеческие подвиги, почти невысказанные для простых смертных. И в этом сказался нравственный максимализм Руставели, который не унизил своих героев мелочностью задач, трудностей и препятствий. Но если даже оставить в стороне эту символику, заключенную в повести о пленении и освобождении Нестан, и прочесть поэму Руставели в чисто современном и наиболее интересующем нас аспекте, то нам откроется все та же мудрость, которая лежит и в основе любого плана этой многосложной поэмы: зло может быть повержено лишь активной силой торжествующего добра и добро может быть воцарено на земле лишь в его непримиримом и победоносном столкновении со злом.

Вот почему было суждено «Витязю в тигровой шкуре» стать бесценным сокровищем грузинского народа, вот почему поэма эта вечно пробуждала и поддерживала веру человека в свои силы, в торжество добра.

И мы радуемся, что творение Руставели становится органическим и кровным достоянием не только грузин, но и всего человечества. Европейец или сын Азии, американец или африканец могут вычитать в этой поэме, подобно народу, ее создавшему, нечто большее, чем романтическую рыцарскую повесть, блестяще поведенную в стихах. И потому мы еще раз провозгласим во всеуслышание: «имеющий уши да слышит!» Услышьте «Витязя в тигровой шкуре», мудрую и вековую притчу: Тариел — этот воплощенный образ человечества — предался отчаянию, ибо потерял надежду обрести истину, добро и справедливость, низвергнуть господство зла. И как раз тогда, в самый критический момент его жизни является ему Автандил — побратим Тариела, воплощение разума и веры, является, дабы вернуть Тариелу уверенность и надежду, вновь дать ему почувствовать свое могущество и напомнить: «Вне деянья бесполезны все познания мудрецов!»

Вот главное, что хотелось мне сегодня здесь сказать вам, собравшимся на этот величественный форум. Дорогие наши гости! Современный человек, подобно Тариелу, исполнен и мудрости, и знаний, и могущества, но он, подобно тому же Тариелу, перед лицом зла и опасности утратил веру, уверенность в своих силах, он как бы даже отчаялся в самой возможности приложить свой разум к великому делу торжества добра над злом.

Наши дорогие гости!
Явим Тариелу его Автандила!
Вернем человеку веру!»

«Восемь веков назад Руставели сделал вклад в мировую культуру, полный расцвет которой станет возможным при коммунизме», — говорит министр культуры СССР Е. А. Фурцева и, развивая эту мысль, продолжает: «Строя коммунистическое общество, наш народ опирается на все лучшее, что создано человеческим разумом в прошлом. Такую линию в строительстве культуры коммунистического общества выработал Владимир Ильич Ленин. И эта ленинская линия для нас — руководство к действию. Благодаря осуществлению ленинских заветов, в дружеском союзе советских народов расцвела Грузия, обогатилась и выросла ее культура».

Эта же мысль выражена в выступлении министра высшего и среднего специального образования РСФСР В. Н. Столетова.

Поистине поэтично прозвучали слова испанского поэта Рафаэля Альберти, зачитавшего приветствие Всемирного Совета Мира: «Защищать дело мира — долг всех людей доброй воли. И пусть стихи Руставели будут для нас той рыцарской шпагой, на которую мы все положим руки, чтобы дать торжественную клятву — «бороться за сохранение мира во всем мире».

Так от выступления к выступлению расширялись рамки «чисто руставелевские», давая простор мысли, толкая на решение самых важных, самых насущных и общих проблем сегодняшнего дня.

Участвуя в юбилее Руставели, люди разных народов по существу, действительно, как на рыцарской шпаге давали клятву в верности делу мира, прогресса и гуманизма. Среди них и композитор Ф. Амиров, и редактор отдела литературы и искусства газеты «Правда» Н. Абалкин, и ученый, писатель Иракий Андроников, и критик, литературный редактор крупнейшей итальянской газеты «Мессаджеро» Джузеппе Джиронде...

Даже один перечень имен может дать довольно полное представление о том, какой широкий размах приобрел этот юбилей. Свой привет нам в эти дни передали все братские народы нашей страны в лице своих представителей — П. Т. Тронько, заместителя председателя Совета Министров Украинской ССР, А. П. Шапошниковой, секретаря Московского городского комитета партии, Н. Д. Христофорова, секретаря исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся, И. Ф. Климова, заместителя председателя Совета Министров Белорусской ССР, А. С. Садыкова, президента Академии наук Узбекистана, А. Ш. Шарипова, председателя правления Союза писателей Казахстана, Ш. К. Курбанова, секретаря ЦК Компартии Азербайджана, Л. И. Держинскайте, заместителя председателя Совета Министров Литовской ССР, А. В. Коробчану, заместителя председателя Совета Министров Молдавии, П. Я. Страутманиса, заместителя председателя Совета Министров Латвийской ССР, К. К. Каракеева, президента Академии наук Киргизии, М. Назарова, министра культуры Таджикистана, Р. Г. Хачатряна, секретаря ЦК КП Армении, К. Сайтлиева, министра

культуры Туркмении, В. И. Клаусона, председателя Совета Министров Эстонии и других.

На заседании выступили также многие зарубежные поэты и писатели. Среди них Сунита Кумар Чаттерджи из Индии, Эмрис Хьюз из Англии, М. Бор из Югославии, Иван Скала из Чехословакии, Карло Леви из Италии, Те Лан Виен из Вьетнама, немецкая писательница Анна Зегерс. Бельгийский ученый, профессор Лувенского университета Ж. Гарит, английский карвелолог Д. Лэнг и французский ученый Р. Лафон приветствовали участников торжества на грузинском языке.

Выступивший от имени Всесоюзного юбилейного комитета по ознаменованию 800-летия Руставели Н. С. Тихонов, пожалуй, выразил мнение всех участников этого торжества: «В эти дни в Грузии — большое торжество, в котором участвуют многочисленные гости из разных уголков Советского Союза с пяти континентов мира. От их имени я хочу выразить самую глубокую благодарность братскому грузинскому народу, Коммунистической партии и правительству Грузии за ту заботу и поистине грузинское гостеприимство, которое оказывается нам». И еще он сказал: «Этот праздник объединил всех нас в едином желании мира и творческого созидания».

А вечером, после заседания, в Тбилиском академическом театре оперы и балета имени З. Палиашвили был дан большой юбилейный концерт с участием лучших сил грузинского искусства. Снова звучали бессмертные строки Руставели, лилась музыка великих композиторов мира. Одним словом, снова был праздник, но на этот раз праздник искусства. Он продолжался и на следующий день во Дворце спорта. Театрализованное представление «Ода о Руставели», прозвучавшее гимном поэту, продемонстрировало многочисленным гостям искусство мастеров грузинской сцены.

И наконец, 2 октября, как апофеоз юбилея, на тбилиском стадионе «Локомотив» состоялся большой спортивный праздник, посвященный 800-летию Шота Руставели. Все свои лучшие достижения, все свое мастерство продемонстрировали в этот день спортсмены Грузии. Массы зрителей, заполнивших не только трибуны стадиона, но и окрестные холмы, были свидетелями древних грузинских игр «лело» и «цхенбурти», массовых упражнений и спортивных представлений, в которых жил дух героев Руставели.

Праздник шагал также и по дорогам Кахетии, Месхетии, Имеретии, где радушно и гостеприимно встречали гостей, прибывших на юбилейные торжества.

Полной мерой воздал народ хвалу своему любимцу. Имя поэта — бессмертно.

Руставелевскими торжествами, вылившимися на родине поэта в подлинно народный праздник, не завершился юбилей, посвященный 800-летию Шота Руставели. Они лишь перекинулись в столицу нашей Родины — Москву, на российскую землю. Здесь эти торжества начались с дней грузинской поэзии в России. Они открылись большим вечером в Концертном зале имени П. И. Чайковского. Затем грузинские поэты читали свои стихи студентам МГУ, посетителям библиотеки имени В. И. Ленина, рабочим московских заводов. Выезжали они также в Рязань и Ленинград. Группа грузинских писателей побывала в селе Константиново, на родине Есенина, где его сестра Екатерина Александровна преподнесла в дар гостям из Грузии принадлежавшую поэту книгу — первое на

русском языке издание поэмы «Витязь в тигровой шкуре» с автографом Сергея Есенина, под которым стоит дата «1917 май».

19 октября состоялась встреча редколлегии журнала «Дружба народов» с участниками дней грузинской поэзии в РСФСР, которые завершились прошедшим с большим успехом заключительным вечером грузинской поэзии в Центральном Доме литераторов в Москве. Это было 24 октября. Встречу грузинских поэтов с москвичами открыл Иракий Андроников. Он говорил о редких достоинствах бессмертной поэмы Руставели, в честь 800-летия со дня рождения которого и был проведен этот праздник поэзии. На вечере звучали не только стихи известных мастеров грузинского поэтического слова, но и переводы их произведений на русский язык.

21 октября торжества переместились в стены Института мировой литературы имени А. М. Горького. Здесь проходила юбилейная сессия, в которой приняли участие А. Петросян, А. Барамидзе, Р. Самарин, Б. Жгенти, В. Шадури и другие, соснувшие в своих выступлениях различных сторон и аспектов жизни и творчества великого поэта, всемирного значения его творения.

Празднично, нарядно и оживленно было 25 октября в Георгиевском сквере на Большой Грузинской улице. На открытии памятника Руставели сюда пришли представители партии и правительства, члены делегации Грузинской ССР, писатели, артисты, художники, учащиеся, студенты, многочисленные труженики столицы. Развевается знамена, звучит музыка... Митинг, посвященный открытию памятника Шота Руставели, открывает первый секретарь МГК КПСС Н. Г. Егорычев.

— Сооружение в Москве, столице нашей Родины, памятника Шота Руставели, — говорит он, — служит дальнейшему укреплению и развитию братской дружбы между русским и грузинским народами... Рожденная великим Октябрем дружба народов Советского Союза проверена опытом истории, самой жизнью. Она умножает наши силы в борьбе за коммунизм, она помогает бурно развиваться каждой союзной республике.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев разрезает красную шелковую ленту, и под звуки государственных гимнов Советского Союза и Грузинской ССР спадает белое покрывало, обнажая величественный бронзовый монумент на четырехгранном постаменте из красного полированного гранита. На лицевой стороне постамента слова —

«Шота Руставели —
великому грузинскому
поэту и мыслителю»,

на боковых — два руставелевских афоризма:

«Зло сразив, добро пребудет
В этом мире беспредельно»

и

«Кто себе не ищет друга,
Самому себе он враг».

— Памятник Шота Руставели воздвигнут сегодня на том месте, где особо подчеркнута временем единение грузинского и русского народов, — звенят в осеннем московском воздухе слова Н. С. Тихонова. — Здесь само название места свидетельствует о пребывании грузин в Москве с давних времен.

— Здесь, — продолжает он, — столетия назад уже звучали стихи Шота Руставели, здесь жили и работали грузинские ученые и писатели. Здесь известный историк и географ Вахушти составлял описание грузинского царства, здесь Сумхан-Саба Орбелиани писал свои знаменитые басни, здесь чудесный поэт Давид Гурамишвили слагал стихи о дружбе грузинского, русского и украинского народов.

Из самого сердца идут слова старшего мастера автозавода имени Лихачева, Героя Социалистического Труда В. К. Кокошка, выступившего на митинге от имени трудящихся столицы:

— Мы, рабочие, как и все трудящиеся Москвы, рады и горды тем, что здесь, в столице нашей Родины, установлен памятник великому поэту и мыслителю Грузии. Пусть стоит он здесь века, символизируя собой вечную дружбу русского и грузинского народов, всех народов Советского Союза, храня в сердцах людей память о великом поэте, философе, мыслителе — Шота Руставели.

Митинг закончился выступлением И. В. Абашидзе.

— Шота Руставели, — сказал он, — был одним из тех, кто столетия назад провозгласил высокие общечеловеческие идеалы человеколюбия, дружбы, равенства, за торжество которых боремся мы вот уже на протяжении полувека... Вместе с этим надо сказать, что ни одна другая эпоха не делала столько, как наша, для того, чтобы Руставели был возведен на высоту, достойную величия совершенного им подвига. И это естественно и закономерно. Мы высоко вознесли имя Руставели и провозгласили его на всех концах земли, на всех континентах именно после Великого Октября. Знаменателен тот факт, что открытие памятника Руставели в Москве, столице великой страны, совпало с годовщиной Октябрьской революции и что этот величественный памятник воздвигнут на русской земле, в самом сердце Родины всех пятнадцати республик, в городе, где жил и будет вечно жить основоположник и провозвестник нового мира великий Ленин.

Под звуки гимна Советского Союза к подножию памятника Шота Руставели, сооруженного по проекту грузинского скульптора М. Бердзенишвили и московского архитектора И. Ловейко, медленно ложатся венки. От ЦК КПСС, МГК КПСС и Моссовета, от ЦК Компартии Грузии, Союза писателей СССР, от трудящихся столицы.

В голубоватом воздухе ясного осеннего дня гордо возвышается бронзовая фигура певца Человека, которому был посвящен и состоявшийся в тот же день в Большом театре Союза ССР торжественный вечер. Да, это был поистине торжественный вечер. В прославленном зале царило приподнятое, праздничное настроение.

— Наше сегодняшнее торжественное собрание, — говорит, открывая его, Н. С. Тихонов, — посвящено большой знаменательной всемирной дате. В эти дни все народы Советского Союза, все прогрессивное человечество празднует 800-летие со дня рождения великого сына грузинского народа, большого поэта и мыслителя, создателя бессмертной поэмы «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели... Образы ее стали народными, стихи ее перешли в пословицы, в афоризмы, в поговорки. Во всех видах искусств: в живописи, в графике, в скульптуре, в музыке, в сценических воплощениях, в народных сказаниях, в песнях нашла она свое отражение. В самое последнее время мы имели такие, посвященные Шота Руставели, большие произведения, как выдающаяся поэма Ираклия Абашидзе «По следам Руставели» и блестящая оратория Отара Тактакишвили.

— Шота Руставели с нами рядом сегодня! Он в рядах тех, кто го-

ворит в будущем, кто защищает мировой прогресс и многовековую культуру человечества от новой угрозы темных сил.

Эти вдохновенные слова Н. С. Тихонова перекликаются с пламенной и взволнованной речью И. В. Абашидзе, основной пафос которой — в утверждении прогрессивного значения творчества великого поэта, и сегодня своим бессмертным творением призывающего людей отстаивать мир и добро на земле.

— Я хочу, — говорит он, — говорить о поэте, который верил, что долговечно лишь добро, что злу не суждено торжествовать: «Злое дело быстротечно и безжизненно всегда»...

Да, «злое дело быстротечно». Но злое зачастую, тем более в наш бурно развивающийся век, за короткое свое существование успевает натворить столько бед, что требуются неимоверные усилия сил добра, годы напряженного труда для восстановления разрушенного. Это мы на себе испытали в последнюю войну, а сейчас наблюдаем в многострадальном Вьетнаме. И поэтому мы, представители сил добра, борющиеся за прогресс и мир на планете Земля, не должны дать восторжествовать злу даже на кратчайший срок, где бы то ни было... Видимо, нам сегодня, как никогда, нужна сплоченность. От чистого сердца говорим мы это. Что же касается нас, советских писателей, мы будем стоять выше мелких обид и не пошадим сил для укрепления дружеских уз с прогрессивными силами Запада и Востока.

И как радостно, что юбилей Шота Руставели, этого величайшего проповедника дружбы, добра, гуманизма, превратился в демонстрацию сплоченности сил, борющихся за мир и прогресс, в высокий форум представителей прогрессивной интеллигенции, писателей, ученых всех пяти континентов, в праздник великих принципов гуманизма. И это, думается, увидел весь мир.

Накал мыслей и чувств первых двух ораторов как бы послужил камертоном для последующих выступлений. И Микола Бажан, и Кайсын Кулиев, и Сильва Капутикян, и Ежи Загурский, и Ираклий Андроников говорили о Руставели так же страстно, искренне и горячо. И слушая их, мы чувствовали, что высокие человеческие идеалы «безвестного месха» действительно дороги и близки им и в их лице народам, которые они представляют, что он сегодня — рядом с нами, в рядах борцов за мир и прогресс.

— ...Всюду в нашей стране любят, чтят и читают стихи человека, родившегося очень давно, чтоб не умереть, чтобы живым жить среди живых, человека, имя которого стоит наряду с такими бессмертными светилами человечества, как Эсхил и Данте, Калидаса и Шекспир, Низами и Навои, Пушкин, Шевченко и Мицкевич, Ян Райнис и Горький.

Этим словам Миколы Бажана созвучна мысль, высказанная Кайсыном Кулиевым:

— Мудрость и справедливость, талант и бесстрашие непобедимы, как рассвет. Вот чему учит нас урок Руставели. Как урок Мицкевича и Шевченко, как урок Горького и Гарсиа Лорки.

— Месх из маленького Рустави перешапнул границы родной Грузии. Он сделал то, чего не могли сделать многие цари и владыки, — он завоевал почти весь мир. Поэзия Руставели покорила сердца многих миллионов людей, — говорит Сильва Капутикян.

Признанием звучат слова Ежи Загурского:

— Трудно забраться на поэтическую вершину Кавказа. Но на этом трудном пути я следую примеру советских переводчиков, чей замечательный труд меня постоянно вдохновляет.

И наконец, емкое и короткое, как афоризм, определение значения поэмы Руставели в устах Ираклия Андроникова:

— Все повелось в грузинской литературе от великой книги «Витязя в тигровой шкуре», которой сопутствовала полная величия судьба!

Вот как она сложилась, по словам оратора, за последние 50 лет: до 1917 года поэму читали в основном грузины. В России ее знали понаслышке. И символично, что ее первый перевод на русский язык появился после революции. Не прошло и полувека — и «Витязя» знает весь мир.

— Вот как, — восклицает Ираклий Андроников, — в нынешнем юбилее поэта отражается грядущий полувековой юбилей нашего государства.

Вечер закрывает Николай Тихонов. Он говорит, что этот торжественный вечер в Большом театре Союза ССР, посвященный 800-летию Руставели, стал событием всенародным, событием историческим.

А на следующий день, 26 октября, в Кремлевском Дворце съездов в честь великого поэта был дан большой концерт мастеров искусств Грузии. На этот раз о Руставели и его поэме, о народе и стране, сыном которой он является, было рассказано языком искусства. Этот концерт — заключительный аккорд руставелевских дней в столице нашей Родины, со свойственной ей душевной щедростью почтившей память гения мировой поэзии — Шота Руставели. Отныне и навечно он прописан на ее доброй земле. Слегка склонив голову, в глубокой задумчивости, стоит он с драгоценным свитком в руке. Великий Шота, «безвестный месх» — на Большой Грузинской в Москве.

Хроника

79.430

**МИКОЛА БАЖАН И НИКОЛАЙ ТИХОНОВ —
ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ИМЕНИ РУСТАВЕЛИ**

Как известно, первыми лауреатами премии имени Шота Руставели были четыре представителя грузинской литературы и искусства — поэт Ираклий Абашидзе, писатель Константин Гамсахурдиа, художник Ладо Гудиашвили и скульптор Резо Амашукели. Ныне эта премия присуждена двум крупным деятелям нашей многонациональной советской литературы. В дни юбилейных торжеств в Москве, посвященных 800-летию со дня рождения Шота Руставели, 25 октября, стали известны имена новых лауреатов. Грузинский республиканский комитет по премиям имени Шота Руставели на этот раз решил удостоить этой высокой награды известного украинского поэта Бажана Николая Платоновича за перевод на украинский язык поэмы Ш. Руставели и выдающегося русского поэта — большого и давнего друга нашей республики и грузинской литературы — Тихонова Николая Семеновича за стихи о Грузии.

Теперь семья лауреатов, носящих это почетное звание, пополнилась и стала многонациональной, символизируя дружбу грузинского, русского и украинского народов, дружбу народов, воспетую поэтом, чей профиль высеен на значке, который они носят на груди.

От всей души поздравляем наших дорогих лауреатов!

Известному грузинскому поэту Ревазу Маргиани исполнилось пятьдесят лет.

«Литературная Грузия» поздравляет поэта с юбилейной датой и помещает статью Михаила Луконина о Р. Маргиани, а также новые переводы его стихов.

Слово о друге

Принято почему-то считать неудобным говорить или писать о товарище. Признаюсь сразу, что грузинский поэт Реваз Маргиани мой товарищ, я люблю и его поэзию, и его самого. Люблю его поэзию не потому, что он мой друг, а дорожу его дружбой, потому что поэзия его близка мне и сопредельна по духу.

У Реваза Маргиани есть что сказать людям и есть слова и краски для этого, он человек жизни. Он чуток и отзывчив, зорек и взволнован — проще говоря, — одарен тем, что называют талантом.

Но и этого мало для большого творчества. Бывает, к сожалению, осекаются таланты, уходя в себя. Маргиани всегда обновляется, растет, с каждой строкой крепнет и разветвляется, как хорошее стойкое дерево.

Еще давным-давно — почти двадцать лет назад мы встретились на Первом совещании молодых писателей, созданном Центральным Комитетом комсомола, мы тогда пришли с войны и были молоды. Рядом сидели — Семен Гудзенко, Алексей Недогонов, Александр Межиров, Вероника Тушнова, Виктор Урин, Платон Воронько, тогда мы впервые и услышали захватывающую динамику незнакомой речи грузинских свер-

стников Реваза Маргиани и Иосифа Нонешвили. Это не просто воспоминание. Это переключка талантов: Гудзенко и Недогонов умерли молодыми, их достигла война, но одотомники этих поэтов стоят в строю нашей поэзии. И все самое яркое, что прозвучало тогда, тоже теперь в передовом строю. Нас называют сейчас иногда поэтами войны. Да нет же, мы поэты мира и жизни, только мы, наше поколение, получили в боях закалку характеров и знание людей, все то, что необходимо стихам боя и стихам о любви — в одинаковой мере.

Реваз Маргиани привлек нас сразу необычной природой Сванетии, красками, добродушными характерами горцев, жизнелюбием и щедростью своих стихов. Он пригласил птиц на праздник урожая, воспевал молотильные токи, изобилие осени, славил простую работу человека и его самого. От его стихов становилось хорошо на душе, тепло и весело.

Но это было начало.

Я возвращусь к сказанному — мало и этого для большой дороги творчества, да, бывает — осекаются таланты. То увидет соблазн шумного успеха и начнется заигрывание с публикой и хождение на поводу у аплодисментов, то,

глядишь, забылся человек и вот уже утратил связь с жизнью и перешел на подножный корм мелких временных тем. Молодые поклонники зреют, а поэт отстает от них и становится неинтересным. Бывает, что нервозное желание правиться уводит молодежь от себя — к моде, к искусственному «деланию» формы, к позе — такая искусственность тоже подрывает силы.

Нельзя сказать, что и у Реваза Маргиани все шло гладко. Автор тонкого и умного послесловия к книге Маргиани, о которой мы говорим сейчас, критик Г. Маргвелашвили отмечает целый период, когда внутренние импульсы в творчестве поэта были отеснены заданными, внешними, когда, как выразился Маргвелашвили, «стало преобладать некое «слишк» общее, «общедоступное, среднестатистическое» решение темы».

Через это прошли многие поэты моего времени.

Но Реваз Маргиани преодолел этот период без больших потерь, потому что и это заблуждение было вызвано не желанием быть на виду, а чисто художественным просчетом и доверчивостью к призывам критики того периода.

Реваз Маргиани никогда не бежал вперед своих книг, не заискивал перед успехом. Настоящий мужской характер помог ему, отсутствие суетности и жадности к литературному мельтешенью дало ему время на спокойное размышление о жизни и поэзии.

Перед нами новая книга произведений Реваза Маргиани в переводах на русский язык — «Горы тянутся ввысь» — книга большая, многообразная и емкая. Когда вспоминаешь, что это пятая книга Маргиани на русском языке, то сразу становится хорошо от сознания такой прочной связи наших национальных литератур. Среди переводчиков — имена известных русских поэтов: Николай Тихонов, Н. Заболоцкий, А. Межиров, В. Бокор, В. Соколов, В. Тупшова, П. Шубин, В. Звягинцева, Е. Евтушенко — все эти большие мастера проявили чуткое понимание Реваза Маргиани, достойно и бережно перевели его стихи, «озвучили» на русском.

Эта большая книга — целая дорога. В ней много воздуха, солнца, любви, воспоминаний. В ней много людей — я люблю именно такую поэзию: от людей — к людям. Читаю эту книгу, встречаю знакомое и новое и во всем узнаю жизнь, судьбу целого времени, все это мне близко и волнующе родственно от тех первых стихов, которые услышал двадцать лет назад, до совсем новых — я вижу и знаю Маргиани, он мне тем и интересен, что оставался всегда самим собой — совсем один и со всеми вместе, со своей страной, с временем, историей.

Читателям этого небольшого слова о поэте я не решаюсь анализировать от-

дельные стихи, цитировать строки — это мало что даст для представления в целом мире этой книги. «Горы тянутся ввысь» издана недавно, — возьмите ее с книжной полки и пусть она станет вашей книгой, вы многое найдете в ней необходимого для себя.

За годы, пока складывалась эта книга, нашу поэзию сильно шатало, она переживала немало увлечений, поддавалась многим соблазнам. То на поверхность всплывала риторика и славословие, то модой становилась некая символика, вроде «голубей мира», которая была той же риторикой, завернутой в конфетную бумажку.

Потом появилось новое увлечение, рожденное противопоставлением тому слабому, что предшествовало недавно, — эта поэзия стала популярной за счет того, что дошла до альковного шепота, семиструнной гитары, она расплодилось в магнитофонных лентах, на эстраде, поехала за границы, представляя нашу поэзию, и оттуда привезла еще большую самоуверенность и резвость.

Сейчас наблюдается очень развитая красноречивость и красивость в нашей молодой поэзии. Лишенная эмоциональной силы, не способная взволновать, такая поэзия действует фразой, «остротой» постановки вопроса, — видимостью остроты.

Да всех увлечений не перечесть. Было много модного и, очевидно, будет еще много модного.

Но развивалась и крепла, закрывавшаяся иногда тенями моды, та поэзия, которая рождена жизнью, посвящена жизни. Одним из свидетельств этого и является творческий путь Реваза Маргиани.

Стих Маргиани не кичлив, он точен. Не красноречив, а эмоционален, силен самой главной силой поэзии — способностью волновать; он вооружен всеми современными средствами поэтичности и художественности. Стихам Маргиани свойственна пространственная протяженность и высота, они способны дарить тень, за каждой строкой слышится горное эхо.

Стихи Маргиани современны. Это жизнеутверждающее, здоровое искусство. Природа, краски гор и лугов, чувство родины и ощущение времени, все, чем дышит книга, — это и есть народность и современность поэзии Маргиани.

Хочу в заключение сказать о еще более важном — я знаю новые стихи Реваза Маргиани, уже переведенные, но еще не опубликованные на русском, и хочу сказать, что творчество Маргиани сейчас находится в расцвете, оно становится еще более глубоким и щедрым. Я радуюсь и предвкушаю ваши новые встречи с этим большим взволнованным грузинским поэтом.

Михаил Луконин

Реваз МАРГИАНИ

ТУР. АНТВЕРПЕН. ЗООСАД

Что ты делаешь здесь? Как попал ты сюда?
 Я от снега устал — не согрею ладони.
 Как свободу ты потерял и когда,
 Вольный тур —
 Украшение Кавкасиони?
 Ты ведь гордый, я помню, —
 прославлен в веках,
 Ловок. Быстр и стремительно великодушен,
 А трава твоя, как молоко в ледниках,
 По краям запорошенных снегом отдушин.
 Неужели смирился и пленником стал,
 В рабстве Терек забыл, где обрывы
 нависли?
 Или нет —
 Все еще среди ущелий и скал,
 На свободе еще твои чувства и мысли?
 Сквозь решетку глядит на тебя детвора,
 Ребятня иностранная в шуме и гаме.
 Ты выкатывал солнце ногами с утра,
 Ты же нянчил луну по ночам
 меж рогами!
 Почему покорился чужим голосам
 И стоишь по соседству с прожорливой
 зеброй.
 Не тоскуешь теперь
 По дремучим лесам,
 По ключам,
 Поддающимся силам подземным.
 Я в Грузию завтра
 улетаю в свой срок,
 За эти недели здесь сердце устало.
 Девять раз
 мнил мне материнский платок,
 Девять раз
 Ушба наша
 во снах возникала.
 От родимой земли ничего не таю.
 Что скажу? —
 кто подрезал, связал твои
 крылья.
 Сердце не примирилось с сиротством твоим,
 Лучше б пуля туда,
 А не это бессилье!
 Снег и снег на чужбине,
 снег ветрами вздут.
 Я на этом снегу не оставляю и следа.
 Я прощаюсь с тобой,
 Дома ждут меня,
 Ждут
 Мои гордые горы — Гарваши и Шхельда.
 Что приснится тебе этой ночью чужой,
 Ты весь затуманился облаком грусти.
 Едкой горечью — непроходимой межой,
 Отгородишься
 И в свиденья не вступишь.
 Я глядел —

Ты глаза мои вспомнишь не раз,
 Цвет сосновой смолы золотой
 в них искрится.
 Соль, что я протянул тебе,
 Вспыхнет у глаз
 И рассыплется радугой,
 Снова приснится.
 Что с твоими глазами? —
 тускнеют в углу.

Что с коленями? —
 Будто задела проказа.
 А бывало, слетал со скалы на скалу,
 Или в небе стоял — изваянье Кавказа.
 А сердце в прожилках кровавых сетей.
 Где сердце теперь отдохнет после бури.
 Тоскуешь ли ты
 по Арагви своей?
 Тоскуешь ли
 по говорливой Ингури?
 Оплакал свободу? — Смириться готов.
 Неужели привик
 на таком пансионе?

А может быть,
 На парусах облаков
 Взлететь помышляешь на Кавкасиони!
 Ты крестник богини охоты — Дали,
 Как мне рассказать о судьбе твоей
 горькой.

Ты тучка от неба,
 Земли песчинка
 От хлеба —
 Отстал ты пожухлою коркой.
 Сколько скал и расщелин осталось в горах,
 Рассеченных характером нетерпеливым,
 Так чего же взнуздal тебя

трепет и страх,
 Узник,
 Ставший зоологическим дивом?
 Может, снег, может, снег...
 Может, радует снег,
 Лучше думается в темноте снегопада,
 Ты глаза заслоняешь заслонками век,
 Может, просто
 И воспоминаний не надо.
 О, какую тоской заразил ты меня!
 Вот дрожат на ресницах

все слезы, все боли
 Всех,
 Не знающих больше ни ночи, ни дня,
 Всех оторванных,
 Всех заточенных в неволе.
 Жить не стоит, страна,
 если мне на горбу
 Ярмо перевалов носить не придется,
 С тобой не делить дорогую судьбу,
 И не видеть вокруг
 Ни свободы, ни солнца.

Кто-то опаздывает на автобус

П О В Е С Т Ь

Перевод с грузинского А. Абуашвили

Автобус осторожно проехал между других машин, отыскал себе свободное место и остановился. Эленэ встала, поправила воротник плаща, разгладила рукой измявшиеся у колен полы, потуже затянула пояс, взяла сумку, обождала, пока все сойдут, а потом сошла и сама. Здесь вовсе не было дождя, она глубоко вздохнула и с наслаждением оглянулась по сторонам. «Какая прелесть — асфальт, свет, чистота!.. А вдруг его нет в Тбилиси?!»

Что-то покалывало в груди. Да и не только сейчас — и вчера, и позавчера, и две недели назад. «Неужели это сердце болит? Вот еще сумасшедшая! Болит, ну и пусть себе болит, что теперь прикажешь делать?!»

Ее соседи, супруги Элисбар и Даро, стали дожидаться такси — у них было много вещей. Эленэ извинилась, с улыбочкой попрощалась с ними и пошла к подъему Элбакидзе. Сделав два-три шага, поняла — как-то некрасиво она идет. Повесила сумку на плечо, заложив руки в карманы плаща и изменила походку. Она шла, опустив голову, будто увлеченная рассматриванием собственных туфель; время от времени поднимала глаза, и тогда... Она чувствовала, что глаза у нее были красивые — усталые, в тяжелой кайме длинных ресниц, лучившейся каким-то глубоким потаенным светом.

У начала подъема Элбакидзе она на минуту остановилась. Сперва поглядела вверх по улице, освещенной фонарями, зыбко мерцавшими в облачках то ли дыма, то ли тумана, потом посмотрела на мост. «Пойду пешком, может, дорогой его встречу». Она бросила взгляд на свои туфли, снова разгладила помявшиеся полы плаща. «Волосы плохо лежат... В троллейбусе будет тепло. Нет ничего лучше тепла. И света. А в трамвае всегда холодно. Особенно во время войны. Неужели в войну были такие

жуткие морозы? Может, это только казалось?»

В начале подъема остановки не было. Она повернула к Куре, перешла мост и стала дожидаться троллейбуса напротив колонн здания книжной палаты. В этой части города все, даже двигаясь и вращаясь, дышало спокойствием: «Как хорошо, что запретили гудки». Над фасадом книжной палаты в черном небе горела голубая надпись: «Приобретайте и читайте книги. Книга — источник знаний». Тут же была изображена раскрытая книга; казалось, в этой книге было что-то написано. «Кому теперь в Тбилиси нужны такие надписи? Интересно, во сколько обошлась эта реклама? Да разве только эта?.. А что если в один прекрасный день взять и вывесить такую надпись: «Эй ты, легче на поворотах! Осторожно ступай по земле: кто знает, может, эта пыль под твоими ногами — останки пленительного тела и чарующих глаз какой-нибудь красавицы...»

На остановке стояли две девочкошкольницы и старушка. Потом подошел какой-то парень. На нем был черный костюм с иголки, мокасины на слишком высоких каблучках и кричащие, в красно-желтую полоску, носки. Парень с головы до пят оглядел девочек, посмотрел и в сторону Эленэ и наморщил лоб; левой рукой он оперся о стену, а правую время от времени подносил к губам, дымя сигаретой. Затянется, выпустит клуб дыма и сплюнет, снова затянется, пыхнет дымом и сплюнет. «Была бы я с ним знакома, надавала бы ему прямо по губам, или разодрала в клочья этот его новенький пиджак. И он, наверно, старается понравиться какой-нибудь красивой девочке, да не одной — может, тысяче девочек, фу!»

Парень, не дожидаясь пока троллейбус остановится, прыгнул на ходу и встал у дверей. Последней вошла в трол-

лейбус Эленэ. В троллейбусе и в самом деле было тепло и горел приятный свет. Пассажиры ехали молча. «Почему они сидят так тихо?» Кондуктор заладила: — Получайте билеты! Получайте билеты! Молодой человек, возьмите билет!..

Но скоро умолкла и она.

«Если бы все время вот так — город и... тишина, тишина...»

Рядом с Эленэ сидел низенький толстый мужчина. Пальцы у него были короткие, пухлые. Он читал «Тбилиси». Другие пассажиры тоже читали «Тбилиси». «Вот газета, которая может собой гордиться. За два часа до ее выхода у киоска выстраиваются очереди. Почему мы ее в деревне не получаем? Ни школа не выписывает, ни библиотека. Смотрите новый фильм — «Римские каникулы». Что это значит «Римские каникулы»? Скоро — «Испытательный срок». Мужчина с обиженным лицом, какой-то документ с печатью. Ясно уже, что там будет... Интересно, какой фильм идет сейчас у нас?»

Толстый мужчина сложил газету и сопя запахнул ее в карман. «Вот ужас — сопит, как буйвол! Хотя... Почему мы так говорим? Буйволы вовсе не сопят. Это только у людей так противно получается. Буйвол — странное, милое животное. А какие у него добрые, печальные глаза. Кто это писал, что у буйвола чудесные глаза? Кажется, Гамсахурдиа. Да, Гамсахурдиа любит такие вещи: не то Арабия похож на Тамар, не то Тамар — на Арабию... «Дорогая Тамар! Помнишь, как в Музее Грузии я показал тебе палимпсесты. Ты невнимательно слушала меня в тот день. Палимпсест это такой пергамент, на котором когда-то что-то написали, потом стерли и написали что-то другое. Если посмотреть на свет, можно увидеть и старую и новую надпись... Вот и наша душа такой же палимпсест. Кто-то приходит, пишет и стирает, пишет и стирает...» Ах, как хорошо читал мне Сулхан! Что с ним произошло, почему он разлюбил этого большого писателя?!» Она тут же удивилась себе — за весь путь только сейчас вспомнила о Сулхане! Здесь ей надо было уже ходить. «А вдруг он куда-нибудь уехал и я его не увижу?! Что за глупости».

Она сошла у магазина минеральных вод. На тротуаре не протянулись было от вечерней голы. Тяжелые ковбойские шаги, черные костюмы, светлые китайские плащи, смех, папросы, короткие цветные пальто, прически под Бриджит Вардо, крашенные волосы, узконосые туфельки на тоненьких каблучках, гроздь воробьев на ветках платанов, прозрачнейшие нейлоновые чулки, высокие ноги....

«Нет, что ни говори, а туфли у всех девушек должны быть хорошие. Не просто новые, а изящные, нарядные. Вот как у этой. С чем можно сравнить ее походку — ступает, как... как кто? Как лань? А как ступает лань? Этого-то я и не знаю. Да и девяносто девять процентов гуляющих здесь, наверняка не знают... В городе у многих красивые ноги... в деревне редко когда увидишь... Разве что у нашей Наргизы Саамашвили. И та — окончит в этом году школу и... Матико ни за что не поставит ей пятерку. Бедная Матико. Может, она потому и невзлюбила Наргизу, что у той красивые ноги, а у самой Матико...»

В Доме офицеров шел «Великий Каруз», в клубе имени Дзержинского — «Новый Дели».

«Такое впечатление, что все индийские фильмы делает Радж Капур. Индия... О, с каким восхитительным спокойствием сказано у Тагора: долг травы — всеми корнями впивать соки земли, чтобы вырасти травой на своем месте. Она не стремится стать банановым деревом, потому и покрывается земля таким чудесным зеленым ковром... Неужели никто из этой армии псевдоквобвео и лжешансонье не читал этих строк?»

На улице Бесики и людей, и света было меньше. У клуба Дзержинского еще крутилось человек двадцать, а дальше почти никого не было — только деревья и тени от них. Она шла по подъему, все так же с сумкой через плечо, опустив голову, спрятав руки в карманы.

«Тины, наверно, нет дома. Сегодня ведь суббота. Интересно, чему ее учит эта чокнутая Клавдия Исаевна. Хотя что же! Может, я сама такой буду в ее годы. Кто знает! Сидит десятки лет одна и...»

Из-за угла вышли двое. Они почти бежали по спуску. Эленэ сразу узнала их.

«Вот счастливая пара. Для них сейчас никого вокруг не существует. Могут вот так пройти мимо меня и даже не оглянуться. Ладно, я тогда тоже ни слова не проорю. Пускай идут себе — счастливые, прижавшись друг к другу».

Но Заза оглянулся. Они уже почти разминутся, когда он оглянулся:

— Эленэ! — вскричал он удивленно.

— Ой! — быстро вытащила руки из карманов пальто Лили. Она обняла, расцеловала Эленэ, и секунду они постояли так — обнявшись, щека к щеке. Заза сжимал Эленэ пальцы правой руки и с улыбкой смотрел на ее ноги.

— Сапоги больше не носишь?

— Оставила их в деревне.

— Ты правда ходишь в сапогах? — Глаза Лили испуганно расширились.

— А как же!

— Не своди меня с ума! Большие, тяжелые салоги?

— Ну а что ты думаешь! Деревья, грязь.

— Но как ты таскаешь такую тяжесть, тебе же не под силу?! — заволновалась Лили.

— Она специально человека для этого нанимает.

— Да ну вас, бессовестные!

Заза захохотал.

— Что за душечка ты у меня, просто умора.

Эленэ поддразнивала ее, как маленького ребенка.

— Лили, Лили...

А Лили краснела, поворачиваясь то к Зазе, то к Элене.

— Хорошо, ну! Хватит!

— Довольно, Заза! — сказала Эленэ.

— Как живете, что нового на свете?

Как Натела?

— Ты не знаешь? Она за Мераба замуж вышла. В прошлую субботу расписались.

— Да?

— И тебя это не удивляет? Какая ты странная во всем, прямо поразительно! Разве умный человек выйдет замуж за Мераба?

— А разве Натела говорит, что она умная?!

Лили восхищенно уставилась на нее, потом снова прижалась к ней щекой:

— Нет, ты все-таки удивительная женщина! — Вдруг Лили дернула ее сумку. — Э, да ты только приехала?

Эленэ кивнула.

— Уму непостижимо, что ты нашла в этой деревне. Небось, на всю жизнь готова себя там похоронить.

— Возможно.

— Тогда уж выходи за какого-нибудь заведующего фермой или тракториста, и дело с концом...

— Можно и так. Почему бы нет?!

— Язва же ты... В общем заходи к нам, не зайдешь — перестану с тобой разговаривать. Завтра мы весь день дома. Знаешь, Заза какую картину написал? Влеск!

— Правда, Заза?

— Да ну, трепатня!

— Не слушай его, он обо всем так говорит. Кобуладзе в восторге.

— Постараюсь завтра к вам заглянуть. А теперь бегите, вы, я вижу, куда-то опаздываете.

— Тетку мою должны навестить.

— Ну нуку?

— Да, Ну нуку.

— Привет ей от меня.

Они засмеялись и так, смеясь, помачали ей на прощанье.

— Завтра ждем! — еще раз обернулась Лили.

— Постараюсь...

С минуту она глядела им вслед, потом снова пошла по подъему.

«Прелестная наивность. Наивность или легкомыслие. Будто большой мотыгой, душистой пуховой прощлись по ее щекам и шее. Во всяком случае ребятам, должно быть, очень нравятся такие. Но Эсма... Эсма хуже. Она, наверное, в жизни и двух книг до конца не прочла... А почему это они ничего не сказали о Сулхане? Надо было спросить, что тут страшного. Просто узнать — здесь он или нет. А вдруг его нет в городе! Только бы увидеть его, больше мне ничего не надо. Только увидать, взять его руку, хоть на секунду — я бы тут же отпустила... Загляну домой, надену другое платье и пойду. Или догадываются, что я, не успев приехать, прямо к нему побежала? Нет, лучше сегодня выдержу характер. Лягу пораньше, а утром пойду. Странная женщина его мать. Не поймешь — хорошая она или плохая. Видно, он по-прежнему ничего не делает, болтается где-нибудь целыми днями. Эсме только того и надо — шататься без дела и хохотать... Интересно, хоть закончил он ту картину?.. Какой страшный мороз стоял тогда, не то в пятьдесят пятом, не то в пятьдесят шестом году! Вот как раз на этом месте я поскользнулась. Потом он весь месяц хвастал, что так ловко меня подхватил. Вообще он любит прихвастнуть... Хотя не разберешь — хвастается он или сам над собой смеется. Вся наша молодежь такая. За исключением наших учителей! Ого! Опять праздничные приготовления! Сколько же именин и дней рождения бывает в году у этих Алавидзеев? И сколько может стоить такой огромный дом? Нам, чтобы несчастную оконную раму сменить, пришлось пятьсот рублей выложить. А этот небось все пятьсот тысяч ухлопал — и хоть бы что. Вот вам и продавец хинкали».

Возле уличного фонаря она посмотрела на часы. Было около восьми.

«Может, Тина уже дома... Да нет, где ей усидеть дома, тем более в субботний вечер! Не иначе как в кино с Этери отправилась. Если застану их, тоже схожу в кино. Между прочим, в деревне идет гораздо больше картин, каждый день новый фильм привозят. Но как их там показывают!.. Откуда они выкопали эту простыню, что висит вместо экрана? Такое огромное село, столько дохода дает кино, и не могут сделать нормальный экран. А звук... И тут все по-старому! Калитка по-прежнему болтается на одной петле. Такого ленивого сома, как этот Тенгиз, на всем белом свете не сыщешь! Маленький сыночек! Возьму завтра молоток и гвозди и сама почию калитку. Вот, я понимаю, люди — дядя Гурген и Сонечка. Сидят себе и попивают чаек. Ни детей, ни внуков — никакого беспокойства. Интересно, как Олина маленькая девочка, поправилась? Ма-

ма, наверное, меня дожидается, мама каждую субботу меня дожидается... Нас столько жильцов, а мы эту лестницу и то не можем отремонтировать, а продавец хинкали Алавидзе строит себе хоромы и пятьдесят раз в году закатывает пир на весь мир...»

Внизу, с первого этажа кто-то вышел во двор. Она узнала по шагам.

«Марго. Тоже хорошо! Обдирает своего несчастного отца и братьев».

Она постучала в дверь.

«Бедная моя мама. Завтра куплю ей теплые ботинки. Куплю Тине сорочку, а маме теплые ботинки. Видно, у нее снова колени болят. Господи, как она ступает! Что же сделать, как же это устроить, чтобы хоть на пару недель отвезти ее в Цхалтубо? Так волнуется, что не может ключа в замке повернуть».

— Эленэ, ты?

— Да. Не спиши. Потяни чуточку вниз и так поворачивай.

— Проклятый замок... ага...

Дверь открылась.

— Девочка моя, доченька.

Мама не доставала ей даме до подбородка. Она сама нагнулась и подставила лицо для поцелуя. «Теперь начнет. Ну вот, уже...» Почувствовала над правой грудью теплую влагу. «Потекло, подлилось...» Она подняла матери голову, улыбнулась ей и упрекнула:

— Что же ты плачешь, мать, вот ведь я пришла, нигуда не уйду.

— Ох, горе мое... Как ты продрогла...

— Ничего я не продрогла, выдумашь тоже! Ну, хорошо, перестань, зачем же плакать-то. А где Тина?

— Тина только что ушла к Этери. Печка-то хоть есть у тебя там?

— Все у меня там есть, и печка, и камин. А это что, когда они фотографировались?

— Седьмого ноября, один товарищ их снимал, а потом увеличил.

— Тина плохо получилась. А что в руках у этой болтушки Циалы?

— Трещотка.

Эленэ положила сумку на стол. Сняла плащ, глянула на себя в зеркало и пошла на кухню мыть руки.

— Погоди, этим полотенцем не вытирайся, сейчас чистое дам, — послепила за ней мать.

— Колени у тебя снова стали болеть, да?

— Так, немножко.

На матери были дешевые черные бумажные чулки и старые стоптанные тапочки Эленэ.

— Говорила же тебе, купи шерстяные чулки и ходи в них.

— Да не болят у меня ноги, доченька, не волнуйся, вот только по вечерам немножко.

— Знаю я, как не болят.

Она пустила воду и сняла кофточку.

«Неужели кто-нибудь, кроме грузинской женщины, способен на такое самопожертвование. Я даже представить себе не могу, что моя мама когда-то была молодой, было ли время, когда она с женским трепетом натягивала чулки и эти отечные ноги с разбухшими венами волновали кого-то. Что фотография — я сама должна помнить ее, когда она была моложе, чем я сейчас. А я всегда знала ее такой, как теперь. Изю дня в день стирка, обед, мытье полов, изю дня в день усталость...»

Она закрыла кран, взяла полотенце и пошла к зеркалу.

«Никто уже давно не носит такую прическу, только я одна осталась. И до чего же худа, господи, прямо пугало какое-то! А глаза?.. На кой черт сдались мне глаза. Это в прошлые века женщину ценили по глазам. Теперь — все больше по спине... Одного хочу, посмотреть бы на себя со стороны. Как я хожу, как выгляжу среди других. Как улыбаюсь, как ем... Что за аромат источала Лили, сплосное благоухание! Розовое масло, оказывается, чуть ли не самая дорогая вещь на свете. Литр розового масла почти равноценен килограмму золота. А я все на этой «Новой заре» сижу...»

В зеркале она видела мать.

— Как Тамрико?

— Хорошо, деточка.

— Тетя ездила в Бреван?

— Ездила, только ничего не привезла, кроме уюга.

— Почему?

— Ничего такого не было.

— Говорила я вам, а вы не верили.

Эленэ положила гребенку и надела халат.

— Суп есть, доченька, горячий.

— Суп так суп, что хочешь, то и давай. Страшно проголодалась. Как же это я ничего не купила по дороге?!

— Зарплату получила?

— Да.

— А что ты должна была покупать, у нас хорошая соленая капуста есть. Такая, какую ты любишь — с морковкой, с лавровым листом.

— Ладно, все сойдет. А завтра приготовим хороший обед... Но не буду же я одна есть? Ты тоже садись.

— Да мы только что обедали, радость моя, — я и Тина.

— Ну и что из этого! Еще немножко поешь. Погоди, ты сядь, я сама принесу. Я видела как-то хорошие половники, не забудь бы купить завтра... Как девочка у Оли?

— Выздоровела, такая обезьянка смешливая... Все тебя спрашивает. Зайдет к нам и словно ищет кого-то. Очень она тебя полюбила.

— Из моих друзей никто не заходил?..

Сердце громко застучало, ей показались, что и мать слышит эти удары.

— Заира была и унесла какую-то книгу. Тина ей дала.

— Из моих книг?

— Да, кажется.

«Что же она взяла? Репарка, должно быть. Нет, Ремарк здесь. Эх... Он так же помнит обо мне, как я... не знаю, даже о ком... Раньше хоть раз в год навещался, а теперь... Теперь он, наверно, ходит уже в той своей диковинной куртке. А идет она ему! Хотя ему все идет — и старое, и новое, и обычное, и необычное. Как же мне плащ-то свой отгладить...»

Она накрыла на стол. Потом забралась с ногами на тахту и закуталась шалью. Медленно подносила она ложку к дымящемуся супу, смотря остановившимся взглядом в одну незримую точку. Мысли наплывали, кружась, сливались в какие-то пятна, пестрые, разноцветные пятна. Не то сквозь дым, не то сквозь туман зыбко мерцали уличные фонари, о чем-то говевали мама, весело хохотали Лили и Заза, дрожали старые, оклеенные обоями стены..

«К таким домам, как наш, надо подгонять бульдозеры и... прямо в Куру! Бог его ведает, когда и кем он построен. Не знаю, как другим, а мне в миллион раз больше нравятся эти дома в Сабуртало, новенькие, белые-белые... Что бы сделалось со мной, если бы вошла я в комнату и вдруг вижу — он сидит тут, у нас? Но было же так однажды. Я из бани, а он здесь сидит. Тогда... А что если сейчас постучится? Хватит ли у меня сил встать? Хватит. Еще бы, я такая сычиха, что меня на все хватит. Все смогу выдержать, кроме... А он, наверно, подумает, что я рехнулась, если в один прекрасный день скажу ему — так, мол, и так, я тебя люблю. Что тогда получится? По-краснеет слегка, потом положит мне

руку на голову, уставится на меня, может, даже поцелует, как взроельные дети делают мальшей, — и на том всему будет конец. Потерю его навсегда. А еще Эсма узнает! Фу, ерунда это все...»

Мать спросила ее о кзыом-то письме — получила его Эленэ или нет? Никакого письма она не получала.

«В прошлом году написал два раза, а в этом...»

— Боря брал у нас твой адрес.

— Какой Боря?

— Маленький Боря, Вольских сын. Обязательно, говорит, ей напишу.

— А куда он уехал?

— В армию.

— Что ты говоришь. Он уже такой большой?

— Деятнадцатый ему пошел, вот его и взяли.

— Славный мальчик. А его сестра? Помирилась с мужем или все еще у родителей живет?

— Куда там мириться, такой скандал был у Володи с ее мужем, чуть не поубивали друг друга.

— Этот Володя тоже не сахар! Знаешь что, давай-ка купим новые занавески, а эти на веранде повесим.

— Что ты, доченька, купи лучше теплый джемпер себе, я добавлю из своей пенсии, ты купи только. Тине подруга привезла бюстгальтеры из Чехословакии, один Тина тебе дает. Она их спрятала куда-то.

— Разве Тинины бюстгальтеры мне годятся?

— Твой поменьше. Говорят, под свитерами и всякими вязаными вещами их хорошо носить. Они вроде как резиновые.

«Кто поверит, что мужская рука еще не дотрагивалась до моей груди. А мне уже скоро двадцать семь. Так что, могу гордиться. Ох-хо-хо!..»

— Почему радио молчит, испортилось?

— Нет, это я выключила. Что-то тарыхтело весь день... Хочешь, включу?

Окончание следует

Георгий ШАТБЕРАШВИЛИ

СОЛНЦЕ НА КАЛЕНДАРЕ

Возьми календарь — и увидишь под датой,
Где буквами — месяц, а цифрами — год,
Минуту рассвета, минуту заката:
Отмечены точно —
«восход» и «заход».

И солнце, и впрямь подчиняясь как будто
Биенью часов
и веленью часов,
Так точно восходит — минута в минуту,
Чтоб точно зайти — и задвинуть засов.

Ликуй же, как мальчик, и света избыток
Поймай
и, как струнам,
звенеть повели!..

Как ниток клубок и как золота слиток,
Ты к сердцу прижми эту радость земли!

Но только ответа никто не находит,
Что ждет нас с восходом: беда? не беда?
Но только кто знает,
восходит, заходит —

Когда, для кого?
Для кого — никогда?..

ПОСЛЕ СПЕКТАКЛЯ

Всего лишь два иль три часа назад
Здесь башня высилась... Вон там, налево...
Теперь же сцена спит. Кулисы спят.
Еще недавно здесь бродила дева
Безумная и, как сквозь забытьё,
Сквозь слезы пела... И мороз по коже
Нас продира... И плакали мы тоже
От песни незатейливой ее...
Та дева пела, плакала, томилась
И — утопилась...

Той призрачной промозглой ночью адской
В накидке черной здесь бродил принц Датский,
Не зная утешения и сна...
Догадкой страшно казнясь и мучась —
Возмездие и честь... Ах, что там — участь!..
Он ранен... Его жизнь завершена.
Его объяла смертная усталость,
И он спросил чуть слышно:

«Что ж осталось?..»

О, что осталось?..

Только тишина...

Потом на сцену опустилась ночь.
Мертв Эльсинор. Как раненая птица,
Чернея в гардеробной на крюке,
Качается еще накидка принца...

А раскатится гром над разливами вод,
И туману случится упасть,
Затаенную силу на помощь зовет
Беспокойства отцовская страсть.

И мне кажется, будто не он, а пророк,
Жезл сжимая, стоит побледнев,
И глубок его голос, и властен, и строг,
И в глазах его сдержанный гнев, —

Если видит: форель уходит из рек,
Равнодушия крепнет лед,
Правда губится — и ни один человек
Против этого не восстанет!..

Хоть минутку оставить про черный день,
Хоть мгновение пустоты!..
Только труд, только труд. Сколько всяких дел!
И укоры: — Да где же ты?

Перевод с грузинского Евг. Винокурова

ЧУДО

Чудеса в нашем веке вошли в обиход,
Как почти рядовое явление.
Их так много рождается из году в год,
Что нет места во мне удивленью..

Лишь в одно только чудо поверить я смог —
Лишь в тебя, лишь в тебя, мое чудо!
Ты — начало и ты — завершенье дорог,
Ты — со мною всегда и повсюду.

Ты улыбкой своей исцеляешь недуг,
Охраняешь от глаза дурного.
Мир твоими глазами увидел я вдруг —
Землю, небо — так живо и ново!

Вдруг с тобою не встретиться выпало мне б!..
Я бы в камень немой превратился!
Я б тогда онемел, и оглох, и ослеп,
Я бы плакать и петь разучился!

Ты не женщина — нет! Ты — как воздух, как свет!
Ты — бессонницы легкие крылья!
Ты прибавила мне столько дней, столько лет,
Столько сил!.. А тебе — что дарил я?

Что дарил? Ведь тебе я обязан одной
Каждым вздохом и каплею крови!
Ты — надежда моя, спутник преданный мой, —
Может, я пред тобою виновен

В чем-нибудь? И пытаюсь грехи замолить
Я, себя мимоходом ругая?
Только знай: мне не может никто заменить
В целом мире тебя, дорогая.

Пусть былые грехи испарятся, как дым, —
Мы на молодость спишем их! Ладно?..
Знай, мне даже под взглядом сердитым твоим
Так порою бывает отрадно!

Ну, а если уж взглянешь чуть-чуть веселей —
Будь я чертвым — воскрес бы мгновенно!..
Несравненное чудо всей жизни моей,
Ты — единственна и неизменна!

Перевод с грузинского Е. Николаевской

ДВА ГОЛОСА.

ОН

Глаз твоих волшебной силой
Я пленен, сожжен дотла.
Но скажи мне:

Кто твой милый,
Ты кого избрать смогла?
Если ж не нашелся лучший,
Между лучшими людьми,
Ты тогда, на крайний случай,
Хоть меня в мужья возьми!

ОНА

Вот венец моих желаний:
Нужен мне смельчак такой,
Чтоб в морской пучине ланей
Добывал своей рукой,
Чтоб сумел в лесу дремучем
Наловить форелей мне
И потрафил взвиться к тучам
На расседланном коне!

Георгий САМХАРАДЗЕ

ОН

Сослужу любую службу,
Глубь морскую расплещу
И во двор твой гору Ушбу
На закорках притащу.
В плуг впрягу я лося
вместо
Круторого быка,
Дом, где станет жить невеста,
Вознесу под облака!

ОНА

Без тебя я пеплом стыну.
Будь росой моим полям,
Раздели со мной судьбину
На две доли —
пополам!
Мы равны друг другу оба,
Словно кровная родня,
И плечо твоё до гроба —
Изголовье для меня!

Перевод с грузинского Арк. Штейнберга

СВЕТИЦХОВЕЛИ

Под солнцем купол тускло серебрится.
Полны загадки камни старых стен.
Светицховели! Гений Арсакидзе
Дошел до нас в бессмертной красоте.

Я думал о великом древнем зодчем,
О славе, о величии труда,
О резчиках, чеканщиках и прочих,
В безвестности ушедших навсегда.

Все пережил собор: землетрясения,
Пожары, войны, вереницы бед, —
И устоял. Как образец терпенья,
Стоит он ныне, через сотни лет.

Взгляни на купол в синеве бездонной,
Остановись! Войди под темный свод.
Прекрасная Хахульская икона
Камнями драгоценными сверкнет.

Кольцо Давида. Царские могилы.
Таинственные фрески на стене...
Здесь ты поймешь, откуда брались силы
В непокоренной маленькой стране.

Поймешь, в какой неистойвой печали
Гурамишвили покидал друзей,
И почему грузины высекали
На камне книгу, меч и голубей.

Здесь ты поймешь, что горькими слезами
Платили мы за каждый мирный час,
Что переписчик «Вепхисткаосани»
Ночами не смыкал усталых глаз.

Поймешь, что в нас пылал огонь извечный,
Что мы его сквозь бури пронесли.
Что нам дороже жизни быстротечной
Свобода исстрадавшейся земли.

Я ХОТЕЛ БЫ...

Будоражат сердца, словно рокот прибора,
Шаири напевные звуки.
Руставели—как сфинкс, и к нему с любовью
Обращаем мы взоры и руки.

Я хотел бы, чтоб он, сединай убуеленный,
Обошел все дороги в мире,
Чтоб из окон Оксфорда и с кафедр
Сорбонны
Зазвучали его шаири.

Чтоб о нашем былом он поведал людям.
О гремевших над нами гвонгах,
И о том, как мы нежно и пламенно любим.
Как с врагом бесстрашны и грозны.

Я хочу, чтоб везде его солнечный гений
Прекращал раздоры, невзгоды,
Чтоб на дымных дорогах вьетнамских
селений
Вдохновлял он борцов за свободу.

Перевод с грузинского Г. Павловской

Марина, где ты?..

Р О М А Н

Перевод с грузинского Д. Мгеладзе

МАСКАРАД

Степенно вступает в город большая река.

Возле холма Мцванеквавилы растекается, разветвляется она, и с грохотом обрушивается мутные волны на каменные устои Цепного моста. Только за Белым мостом успокаиваются бурные воды. Кивнет река приветливо столетним раскидистым дзелквам, что разбежались по склону Габашвилевской горки, и нехотя распрощается с моим Кутаиси.

Тихо шелестят листвою вековые липы в центре города. Они выстроились вдоль улицы и красуются в цвету, щедро разливая вокруг густой пьянящий аромат. Запах цветения, запах весны и возрождения делает этот чудесный майский вечер еще более прекрасным.

Из-за парковой ограды звоном цикад рассыпается смех юношей и девушек. Весна, выходной, праздник... Может быть, потому сегодня здесь особенно весело и многолюдно...

На голубых садовых скамейках тесно уселись рядком и неторопливо переговариваются старики. Им тоже весело в этот вечер. Весна напоминает о молодости — давней, незабвенной молодости — «Вот в наше время...» — и они с улыбкой поглядывают вокруг.

Увядкой спустился вечерний сумрак с окрестных гор, клочком тумана встрепенулся напоследок возле Красного моста и залег в лощине Риони, уgomонился на всю ночь. Вдали, на высокой вершине чеканно четок на фоне розового еще неба черный силуэт: развалины храма Ваграта и купол Святого Георгия. Но уже по-вечернему загустел терпкий запах роз в садах, и прохладный ветерок разнес его над всем городом.

А между тем в отдаленном конце нашего города...

Впрочем, здесь надо сообщить читателю кое-какие подробности.

Городок автомобилестроителей давно уже перестал считаться глухой окраиной Кутаиси. Неразрывными узами связался воедино и сроднился город с некогда безлюдным и пустынным Маглакским полем. Стройка за стройкой, корпус за корпусом, улица за улицей, — вырос здесь район новой застройки, который ничем не напоминал ни старинные городские окраины, ни отдаленный от центра пригород...

...Главная улица этого нового городка. По одному, парами, по несколько человек вместе идут автомобилестроители. Кажется, что на этой улице для пешеходов ввели одностороннее движение. В заводском доме культуры сегодня большое празднество, и все направляются туда.

Отзвенел последний звонок.

Шум постепенно стих.

Липы принаряженные по случаю весны и маскарада тополя остались на опустевшей улице сторожами начинающегося праздника.

...К мраморной колонне перед входом прислонился высокий, чуть согнувшийся в плечах мужчина и курит одну папиросу за другой. Кажется, он нарочно стал так, чтобы колонна укрывала его от чужих глаз. Беспечно и равнодушно оглядывается он вокруг, и не надо особой наблюдательности, чтобы заметить: настроение у него далеко не праздничное.

Дверь дворца отворилась, пропуская мужчину помоложе. Он остановился возле соседней колонны и закурил сигарету. Простая черная полумаска, видно,

Журнальный вариант.

мешала ему, но он все же не снял ее, — таков был порядок, в зал без маски не впускали.

Тот, кто скрывался за колонной, тотчас заметил его. Глубоко затаившись папиросным дымом, перегнулся вперед, наблюдая за соседом.

Из зала все громче доносились веселый шум и взрывы смеха. Играл оркестр. Праздник набирал силу.

Молодой человек не долго оставался на воздухе. Затувив папиросу о край урны, он решительно поправил маску и вошел в зал.

Наблюдавший за ним облегченно вздохнул.

Что беспокоило его? Почему он не вошел вместе со всеми в зал, где уже закружился вихрь первого вальса? Может, стар стал и не под силу ему веселиться с молодежью?

Нет, у Георгия Ломидзе еще немало лет впереди...

Седина в волосах — не всегда старость в душе... А его даже красит эта легкая изморозь в густой черноте волос, — прожитые годы не бесследно исчезли вдаль. Если приглядеться к нему при ходьбе, легко можно заметить, что он прихрамывает на одну ногу. Также памятка жизни. О тех годах памятка, когда тысячи людей головы сложили на полях войны. А он, Георгий Ломидзе, слава богу, прочно стоит на своих двоих. Правда, левая порою напомнит о себе, занеет старая рана. Но прямо и уверенно ходит он по земле, высоко подняв голову. Это ведь самое главное, если ты можешь ходить с поднятой головой.

И бок о бок с ним, плечом к плечу идет по жизни его единственный отпрыск. Сын. Тот самый, который минуту назад скрылся за дверью дома культуры. Такой же прямой и гордый, как отец, честный и смелый. Да, таков он, младший Георгий Ломидзе, Гоги, любимец всего завода.

...Папироса Георгия догорела до картонного ободка и, затлев, погасла. Он не стал закуривать новую и решительно направился ко входу в зал.

Веселые девушки-контролерши вручили ему маску. Георгий улыбнулся в ответ, поблагодарил кивком.

Войдя в зал, он встал у стены. Огляделся.

Мужчины и женщины в маскарадных костюмах и в своей обычной одежде заполнили огромный зал. Многие танцевали. Остальные стояли вдоль стен, наблюдая за ними.

Георгий осторожно протиснулся между ними, мимоходом кивнул кому-то из знакомых и вновь остановился — у другой стены, откуда лучше был виден зал.

Какое-то время ему казалось, что все, кто был здесь — танцующие, музыканты, все-все — глядели только на него. Но очень скоро он убедился, что в этой веселой суматохе до него никому не было дела.

Георгий стал разглядывать окружающих, многих узнавал, — все свои, заводские, а он на заводе не первый год!

Вот этот низенький, с плешью в полголовы, толстый как кубышка человек — это Сандро Мелня, из отдела снабжения. А там вон — Владимир Джуели, секретарь парткома, давний его друг. Поглядите-ка на него, как отплясывает! Что, если и он, Георгий, подойдет к кому-нибудь? Хотя бы вот к той женщине, которая так же, как он, стоит в уединении, — просто подойдет и пригласит на тур вальса? Георгий снова посмотрел в ту сторону, где странно одинокая во всеобщем веселье стояла женщина. Маска мешала ему, он поддел ее пальцем и незаметно приподнял.

Женщина спокойно оглядывалась вокруг. Приметная седина в волосах не старила ее. Она смотрела по сторонам, и, несмотря на маску, казалось, на лице ее можно было прочесть огорчение оттого, что никто не приглашал ее танцевать.

Георгию показалось, что она перехватила его взгляд.

Вот он увидел, как к ней подошел Сандро Мелня, уверенно поклонился и что-то сказал. Женщина кивнула, положила руку ему на плечо, еще раз оглянулась на Георгия и, дождавшись нужного такта, вступила в танец.

Георгий вновь оглядел весь зал, — он хотел разыскать в этом людском круговороте своего сына, но глаза вновь и вновь невольно обращались к Сандро Мелня и его партнерше. Сандро, который был на целую голову ниже своей дамы, растопыренной пятерней держал ее за талию и вертел во все стороны, не очень-то сообразуясь с музыкой и ритмом.

Георгий тряхнул головой.

«Тебе неприятно? Или, может, эта женщина напомнила тебе кого-нибудь?..»

Сознайся, будь откровенен сам с собой. Не пора ли забыть, успокоиться, жить настоящим? Для тебя все уже кончено, кончено давным-давно. Твоя жена, мать Гоги, много лет покоится на кладбище. А другая... Та, что встретила тебе когда-то и скрылась, исчезла без следа, оставив лишь воспоминания?

Много весен отцвело с тех пор. Сейчас ты в своем городе, на своей родной земле, работаешь, трудишься, живешь, и нечего оглядываться назад. Нечего ворошить прошлое...»

Он снова тряхнул головой, отгоняя горькие мысли.

Георгий не сразу заметил, как Сандро и его спутница остановились поблизости от него. Сандро Мелия, как галантный кавалер, поцеловал даме ручку, поклонился, щелкнув каблукками, и с достоинством удалился.

Незнакомка смотрела прямо на Георгия.

Их взгляды встретились. Георгий уже не мог отвести от нее взора. Он хотел прервать молчание, искал, что бы сказать ей, неважно — что, главное произнести хоть несколько слов и в ответ услышать ее голос.

— Почему вы не танцуете?

Георгий почувствовал, что краснеет, как маленький мальчик. Он молчал, не в силах заставить себя произнести хоть одно слово.

— ...Вы не танцуете?

Он не танцует?! Он!

Было время, когда круг за кругом проходил он «Картули», не пригнув головы, не шелохнув раскинутыми руками, не дрогнув вытянутой в струнку ногой. А когда танцевал «Мтнулური», про него говорили, что он не пляшет, а птицей летает по воздуху. А сейчас...

Он не танцует?..

Георгий прислушался: оркестр заиграл знакомый вальс. Узнал — «На сопках Маньчжурии». Где-то в дальнем уголке души дрогнуло, зашевелилось оживая давнее воспоминание. «На сопках Маньчжурии». Мог ли он забыть эти звуки?

— Смее ли я в нарушение всех правил первой пригласить вас? — с девичьим кокетством сказала женщина и, не дожидаясь его ответа, протянула к нему обе руки.

Георгий подхватил ее, привлек к себе.

Звуки вальса забирались все выше и выше, как бы поднимаясь по отвесным маньчжурским скалам, и звали, влекли, вели их за собой. Вот Георгию уже кажется, что он остался один, и только эти глаза таинственно мерцают перед ним в узких прорезях маски. Кругом — только горы да море. И это не белые ленты серпантина выются под потолком, а чайки: над ними, над морем, над миром...

И юные пары, мерно кружащиеся вокруг, подчиненные волшебной власти вальса, — это волны, которые в бесконечном ритмичном приливе вздымают океан...

Георгий позабыл о своей больной ноге, позабыл обо всем на свете. Для него теперь не существует ничего, кроме загадочного и влекущего лица женщины, ее рук, плеч, мерцающих сквозь маску глаз.

Вальс кончился. Оркестр умолк на последней ноте — протяжной и грустной.

Георгий отвел к колонне раздумывавшуюся женщину, кивком поблагодарил ее, хотел даже поцеловать руку, но взглянув на белую узкую кисть, сразу же вспомнил Сандро Мелия и передумал.

Оба молчали. И это неловкое напряженное молчание сближало их, как бы отделив от шумной, гомоящей и хохочущей толпы, которая бурлила вокруг.

Георгий мучительно искал слов, он чувствовал, что должен сказать что-то, но не знал, с чего начать. Достал из кармана платок, скомкал в ладони, отер лоб.

Вот, кажется, найдено первое слово, вот он уже решился произнести его..

Но оркестр грянул новый танец, и кто-то, стремительно подлетев к ним, подхватил и увлек за собой незнакомку.

Георгий Ломидзе, решительно прокладывая себе путь в толпе, направился к выходу. Ему больше не хотелось оставаться в этом душном от многолюдья зале. На волю, на воздух!

Выйдя на улицу, он сразу почувствовал усталость и тяжесть в ногах. Каждый шаг больно отдавался в колене. Сердце стучало часто и неровно.

Идет Георгий по улице медленно, с остановками, чтобы перевести дух, а в глазах все кружится, кружится. Яркие огни праздничного зала... Женщина в белом... Вальс...

Вот он и добрал наконец до своего дома, Потихоньку, с перерывами и передышками взобрался по лестнице. Отпер дверь и сразу же, не раздеваясь, повалился на кровать.

Во всем доме не слышно ни звука. Все там, на празднике, в доме культуры. Недолго лежал Георгий на кровати. «Надо взять себя в руки!» Поднялся, доковылял кое-как до стола, зажег настольную лампу. Потом подошел к окну. Прижался к стеклу, ощутив лбом приятный, освежающий холодок. Толкнул раму, распахнув обе створки, и долго глядел на пустынную улицу с двумя рядами то-

полей — бессменным караулом — по сторонам. Издали то яснее, то тише доносились звуки музыки.

Георгий вернулся к столу, сел, привычно нащупал портсигар, вытянул одну папироску, но не закурил. Забыл. Открыв нижний ящик стола, достал толстую тетрадь в потрепанном клеенчатом переплете.

С чего это вдруг вспомнилось об этой старой, выдавшей виды тетрадке с пожелтевшими страницами? Много пережила она на своем бумажном веку. Много и многих... И дождь поливал ее, и снег осыпал, и ветер трепал не однажды. Довелось услышать ей свист пули и увидеть цвет крови. Но нигде не бросил ее Георгий, пронес с собой по всем путям-дорогам. И вот сколько лет уже она хранится здесь, в нижнем ящике его письменного стола. Казалось, хозяин вовсе позабыл о ее существовании. Почему же сейчас рука сама потянулась за ней и стала осторожно перелистывать одну за другой ее ломкие, высохшие страницы?..

Георгий пересел в кресло, устроился поудобнее, взгляделся в первые цветистые строчки своего старого дневника.

«1940 год...»

Он должен прочитать его. Да, должен. Это так необходимо ему сейчас — перечитать, вспомнить все, что было...

Перед его глазами снова мелькнула белая женщина, улыбнулась загадочно и мимолетно. Признайся сам себе, Георгий Ломидзе, что именно она заставила тебя вспомнить об этой тетради!

Что ж, спасибо ей за это.

* * *

Кончив читать, он поднялся и только сейчас вспомнил о своей незажженной папиросе. Закурил.

В окне виднелась безлюдная, притихшая улица.

Он смотрел и думал...

Да, Георгий Ломидзе, не все в твоей жизни заладилась так, как тебе бы хотелось. Далеко не все. Впрочем, твоя ли только в этом вина?.. Да и грех пожаловаться на судьбу: сегодня ты — человек, известный всему заводу, уважаемый инженер, главный механик огромного предприятия, — начальник большого отдела. Спросите любого из тысячи рабочих, они вам многое порасскажут о Георгии Ломидзе, — каким уважением и авторитетом он пользуется на автозаводе, как считается с ним начальство, какие изобретения и рацпредложения у него на счету.

Все это верно...

Эти опромные корпуса на Маглакском поле выросли, можно сказать, у него на глазах, целый городок родился и подрост, вошел в силу, стал для него таким же родным и до малейшей мелочи знакомым, как и его сын Гоги.

Они вместе работали на заводе — отец и сын, — одно время даже в одном отделе. В этом, конечно, нет ничего необычного: мало ли случаев, когда сын идет по стопам отца и они трудятся рядом. Единственно только, когда директору или главному инженеру случалось вызвать по делу Георгия Ломидзе, оба отправлялись вместе.

Лалиса Беридзе, личный секретарь директора, озорная такая девчонка, откroет, бывало, дверь и, лукаво прищурившись, кричит на весь цех:

— Георгий Ломидзе — к директору!

И все, так и станет, даже не переступив порога. Все, конечно, хохочут. А Лалиса сожмет важно губы, словно и невдомек ей, чем вызвано такое веселье, а потом повернется на одной ножке, подмигнет на прощание кому-нибудь из сотрудников, и вот уже ее каблучки дробно цокают, удаляясь по коридору.

Отец взглянет на сына, сын на отца, и оба разом поднимаются со своих мест.

В дверях заскрежетал ключ. Послышались негромкие голоса. Георгий поспешно вышел в другую комнату — сейчас он не хотел видеть никого, даже сына, тем более что тот был не один, — и прилег.

Дверь открылась.

— Заходи, Марина, отец, кажется, еще не возвращался.

Первым в комнату вошел Гоги. Девушка остановилась в дверях, робко оглядываясь вокруг. Комната была аккуратно прибрана, как всегда.

Марина знает, что в квартире живут только двое мужчин — отец и сын, и больше никого. «Как это им удается держать все в такой чистоте?» — думает она, и в ее больших голубых глазах мелькает улыбка.

Георгию в приотворенную дверь видна стоящая на пороге девушка — стройная, красивая, с густой волной каштановых волос, спадающих на лоб. Рядом

с ней — Гоги, такой родной, знакомый, казалось, даже через стену разглядел бы отец эти рассыпавшиеся в беспорядке волосы, горячие черные глаза, тонкий нос с горбинкой, широкий разлет бровей над ним. Юноша был выше Марины на целую голову.

Они стоят рядом и улыбаются. Им так хорошо друг с другом, и они так хорошо вдвоем, больше им никого и не нужно.

Гоги взял девушку за руку и подвел к буфету.

— Привыкай к нашему дому. О бегстве даже и не помышляй! Пока еще рано, а там глядишь, и отец подоспеет с минуты на минуту. Ну-ка, начинай хозяйничать!

Марина нерешительно открыла дверцу буфета, оглядела полки, достала графин с вином и тарелку с орехами. Гоги тем временем вышел в другую комнату, но тотчас вернулся на цыпочках.

— Там отец... Спит.

— Я пойду, неудобо!

— Что ты! Мы тихо. Выпьем по стаканчику, пожелаем друг другу здоровья и счастья. Надо ведь отметить сегодняшний вечер. — Гоги наполнил два бокала, один протянул Марине.

— Будь здорова!

— Будь здоров, Гоги, будь всегда весел и счастлив, — девушка пригубила вино, поставила бокал на стол и встала.

— Я буду счастлив только с тобой, моя Марина, только с тобой и больше ни с кем! — Гоги одним духом осушил свой бокал.

«Моя Марина...»

Сколько времени знакомы они друг с другом. Сколько раз встречались, гуляли вместе, говорили, мечтали... Но никогда Гоги не называл ее так: «Моя Марина». Никогда ни одним словом не обмолвился о том, что хранилось в душе. Впрочем, этого и не нужно было — девушка и так читала все в его пылком взгляде.

Истинное чувство — всегда молчаливо и не нуждается в словах. Марина все понимала, она давно уже отвечала ему тем же, верила, знала, но... все же ждала, ждала, когда он, Гоги Ломидзе, скажет ей: «Моя Марина».

Сейчас она счастлива.

Счастлив и обрадован и Георгий Ломидзе, который лежит в другой комнате и безуспешно пытается заставить себя задремать, чтобы не быть непрошеным соглядатаем самого сокровенного, не предназначенного для чужих глаз и ушей. Но можно ли заснуть, когда из приоткрытой двери ясно и отчетливо доносятся голоса двух счастливых молодых людей? Разве можно оставаться равнодушным, если один из них — твой сын?

Умолкла Марина. Молчит и Гоги, молчит и нервно теревит край скатерти на столе. Он чувствует, что молчать нельзя, что сказано далеко не все, что надо добавить еще что-то, что запомнится надолго, на всю жизнь, что сделает сегодняшний вечер непохожим на вчерашний, позавчерашний, ни на один из обычных вечеров.

— Марина!.. — начинает Гоги и умолкает.

Марина улыбается, словно хочет подбодрить его, подсказать те слова, которые он ищет так мучительно и никак не может найти.

— Марина, ты знаешь, я теряю дар речи, когда остаюсь с тобой. Но ты ведь поняла, ты все поняла, не правда ли?..

Марина смеется. Конечно, она все поняла, и ей не нужно больше никаких слов. Она смеется, но ничего не говорит в ответ. Ласково глядит на черную копну волос своего Гоги, который сидит опустив голову, и думает:

«Я люблю тебя, Гоги. Я верю тебе, потому что люблю. Верю в искренность твоих слов. Верю твоему честному лицу. Да, не надо больше никаких слов. Потому что я люблю тебя, твое лицо, твою улыбку, люблю твой дом, твоего отца, большого Георгия, который всегда так хорошо и ласково улыбается, увидев меня, люблю все-все твое... Вас все любят — и тебя, и его, — только моя любовь особенная, ни с чем не сравнимая...» Так думает девушка, и ей кажется, что Гоги должен слышать ее мысли, ее слова, которые она хочет сказать ему.

Она поднялась.

Встал и Гоги.

— Я счастлива сегодня, Гоги!

— Марина! — он взял девушку за руку.

— Я должна идти. Проводи меня, — не выпуская его руки, она направилась к дверям.

Улица, тихая и пустынная, была в безраздельном владении ночи. Юноша и девушка молча шли рука об руку, сопровождаемые безмолвным эскортом тополей. На свете больше ничего не существовало, никого и ничего — только влюбленные, тополя и ночь.

— Я тебе должна что-то сказать, Гоги.

Дрогнуло, застучало учащенно сердце Гоги. «Неужели она любит другого и хочет сказать мне?...»

— Не надо, молчи. Я ничего не хочу знать, кроме того, что люблю тебя. Больше мне ничего не надо.

Марина не ответила. И молчание девушки взволновало Гоги еще сильнее.

«Зачем я не выслушал ее? Теперь я бы все уже знал и успокоился. А я сам заставил ее замолчать, помешал говорить!»

Неожиданно даже для самого себя он схватил девушку за локоть, остановил, повернул лицом к себе. Сказал, заглянув в глаза:

— Прости меня, Марина. Расскажи все, что ты хотела, и клянусь, я постараюсь понять тебя правильно. — Гоги казалось, что он произнес эти слова спокойным, ровным голосом. Но разве могла Марина не заметить, как побледнело в ночи его лицо, не почувствовать, как дрожала его рука у нее на плече.

— Завтра, Гоги, завтра... Я хотела рассказать тебе свою короткую жизнь, но сейчас уже поздно. Завтра я тебе все расскажу, а, может быть, и напишу.

Больше между ними ничего не было сказано. Проводив девушку, Гоги тотчас вернулся домой.

* * *

...Легкий стук в дверь разбудил девушку. Она заснула, не раздеваясь. Разгладив смятое платье, Марина подошла к двери. За дверью стоял Гоги.

— Я разбудил тебя, Марина?

Она кивнула головой:

— Заходи.

— Может, мне лучше зайти попозже?

— Заходи, скоро девять.

Марина и Гоги вошли в комнату.

— Я сама не помню, как подкрался ко мне сон, — смущенно оправдывалась девушка, — уже светало, а я все не могла заснуть.

— И мне не спалось всю ночь.

— Отчего?

— Не знаю...

— А я знаю. Это я виновата, расстроила тебя своими глупыми словами.

Гоги улыбнулся.

— Не смейся. Я знаю, что я глупая и злая. Скажи, что я глупая и злая, не то ничего не расскажу тебе.

— Ты хорошая, Марина.

— До вчерашнего вечера, может быть, ты мог считать меня хорошей, но что ты подумал обо мне после тех моих слов! Потом я так жалела и проплакала всю ночь, но что из того...

Гоги внимательно посмотрел на девушку и ничего не сказал.

— Я обещала все рассказать, — продолжала Марина. — Хотела написать тебе, но передумала. Для чего письмо, когда ты здесь и я тебе все-все расскажу.

Я должна начать издали. С того мгновения, когда я вообще помню себя, — правда, очень смутно и неясно, но все же помню, что со мной происходило.

Не знаю даже, сколько мне тогда могло быть лет. Год моего рождения определили здесь, на твоей родине, в Грузии. Нет, не перебивай меня, выслушай до конца.

...Это было очень давно. Я с мамой ехали куда-то. Мама говорила, что мы едем к своим, ждала, что на следующее утро мы доедем до места и нас встретят на вокзале. Я никогда не видела своего отца. Помню, как я удивлялась, почему у меня нет отца, — у всех есть, а у меня — нет. Мама говорила: твой отец в армии, на военной службе, и скоро должен вернуться. Я безгранично радовалась и всем попучикам по вагону прожужжала уши своими разговорами о том, что вот, наконец, я увижу своего папу и посмотрю, какой он из себя, и расцелую его...

Не помню, сколько дней длилось тогда наше путешествие. Вспоминается только то утро, когда я, проснувшись, увидела, как ярко светило солнце в окно — впрочем, может, это было и не утро, просто я проснулась и увидела много солнца в окне. Поезд остановился так резко, что я упала с полки и больно ушибла коленку. Я, конечно, заревела во все горло, все суетились вокруг меня, успокаивали, ласкали, но я чувствовала, что всем им, даже моей маме, было не до меня...

Снаружи доносился страшный шум, кто-то громко просил помощи, что-то грохотало и бухало.

«Так вот она какая, эта военная служба, на которой служит мой отец», — помню, подумала я.

И все. Я даже не испугалась.

В память запало, как мама громко звала кого-то в вагонное окно, плакала и снова звала. Я хотела помочь ей, тоже кричать, звать, что-то делать. Военные зовавшись тем, что на меня никто не обращал внимания, я протиснулась к окну, в надежде разглядеть того человека, которого мама звала на помощь, но я не могла дотянуться до окна и видела только кусочек неба. Я дергала маму за подол платья, пока она не взяла меня на руки, и только тогда я увидела в толпе за окном высокого черноволосого мужчину. Мама ничего не сказала, но я тотчас решила, что это и есть мой отец. Я видела его только одно мгновение, вагон так же резко и неожиданно дернуло, перрон поплыл назад. Этот высокий мужчина остался там. Он бежал за поездом, но догнать не мог. Мама всхлипывала, по щекам ее катились слезы, я громко голосила.

Внезапно снова раздался ужасный грохот. Наш вагон качнуло, он подскочил, словно конь, вставший на дыбы, дрогнул и повалился набок.

Больше я ничего не помню.

Только много позже я поняла, что так началась для меня война...

Придя в себя, я подумала, что снова, как в младенчестве, лежу в люльке и кто-то укачивает меня. Открыв глаза, догадалась, что это, конечно, была не люлька и не наш привычный, обжитой вагон: мы летели на самолете, то и дело проваливаясь в воздушные ямы и ныряя в облаках. Оглядевшись, я нигде не нашла мамы.

Я сидела на коленях у какого-то военного, который ласково поглаживал меня по голове. Я внимательно гляделась в него, но нет, это был не отец...

Слезы подступили к моим глазам, рыдание сдавило горло, но мой плач тонул в ровном гудении самолетного мотора. Не знаю, когда я снова впала в дремоту или сколько времени проспала, но, открыв вновь глаза, я обнаружила, что мы уже на земле. Над головой простиралось чистое ночное небо, сплошь засеянное звездными крапинками. Было тихо, безмолвно и спокойно, как будто нигде не рвались бомбы и не раздавался раздиравший барабанные перепонки свист пуль. Незнакомый военный держал меня на руках, и я только сейчас почувствовала, что, пожалуй, сама идти и не смогла бы.

Где остался тот черноволосый военный? Куда исчезла мать? Я ничего не знала...

Так я попала на твою родину, Гоги. Тбилиси удочерил меня, прижал к своей теплой груди, принял в свои теплые руки.

...Нет, не перебивая меня, дай досказать мою историю до конца, хоть и знаю, что слушать ее совсем невесело.

Меня вместе с другими детьми, в сумятице первых военных дней лишившихся родителей, отдали в детский дом. Ты знаешь, детское сердце забывчиво, и я постепенно смирилась со своим горем и болью, но на моем лице вновь стала появляться улыбка. Я вспоминала о своей беде тогда, когда меня спрашивали о родителях. Но что я могла ответить?.. Я не знала даже названия того города, где нас должен был встретить отец и где я потеряла мать.

Время шло. Война уже близилась к концу. Я радовалась вместе со всеми победе, подступившей уже к самым нашим дверям, но в то же время ждала последнего дня войны еще и как-то по-особенному, не так, как все. Мне казалось, что стоило завершиться войне, тотчас же объявится мой отец и мама быстро отыщет меня и заберет к себе. Но этой мечте не суждено было сбыться, так же как многим мечтам и надеждам, связанным с последним днем войны...

Вскоре после победы одна добрая женщина, которая работала в нашем детском доме, взяла меня к себе на воспитание. Ее звали Дареджан, и она была совершенно одинока. Мой новый дом был в Ваке. Мы с Дареджан привыкли друг к другу так, будто всю жизнь прожили вместе, и я довольно скоро стала называть ее мамой. Я и в самом деле полюбила ее как настоящую мать, да и она меня тоже. У меня до сих пор перед глазами стоит ее доброе лицо, изборожденное морщинами, и ласковая улыбка.

Подшло время мне идти в школу. Училась я хорошо и охотно. Дареджан не могла нарадоваться моим отметкам. Бежал год за годом, мелькал класс за классом. И вот — последний звонок. В аттестате зрелости у меня были одни пятерки. Дареджан настояла, чтобы я продолжала учебу, хотя мне очень хотелось начать работать, — ведь участь я ничем не могла бы помочь этой доброй женщине, которая, несмотря на преклонный возраст, не оставляла службу, иначе нам не на что было бы жить.

Я поступила в университет. Мама Дареджан в ознаменование этого торжественного события устроила праздничный ужин для меня и моих друзей...

Жизнь продолжалась, катясь по привычной своей колее. Но вскоре новое несчастье подстергло меня. Годы взяли свое, и Дареджан, не выдержав, слегла в постель. Слегла и больше не встала.

Могу ли я описать свое горе? Я и сейчас не знаю, откуда у меня взялись силы, чтобы пережить эту потерю. Ведь мама Дареджан была всем в моей жизни, последним родным человеком.

...Смущенно улыбнувшись, девушка добавила:

— Пока я не встретила тебя...

С помощью друзей я как могла, выполнила свой последний долг перед нею, — продолжила Марина свое повествование. — В эти дни рядом со мной были товарищи, соседи, приятельницы Дареджан.

Я не могла больше оставаться в Тбилиси. Не могла представить себе, как я буду жить одна в той маленькой комнатке, где столько лет прожила вместе с доброй, тихой, светлой старой Дареджан. Мне всюду виделось ее лицо, слышался ее голос. Я не спала ночами: казалось, кто-то зовет меня или тихо стучится в дверь.

И я не выдержала, решила уехать из Тбилиси. Взяв из университета документы, я переехала в Кутаиси. Мне давно нравился этот старинный зеленый и какой-то особенно тихий город.

Вот такие дороги привели меня в твой город, Гоги. Я продолжила учебу в нашем педагогическом институте. Поступила на работу. Правда, не легко совмещать учебу и работу, но мне так легче — я всегда на людях, всегда при деле, и это отвлекает от горьких мыслей, помогает забыть. После института меня направили на работу в детский сад автозавода. Вот здесь мы и встретились...

Досказав повесть своей жизни, Марина не смогла больше сдерживаться и отвернулась к окну. Плечи у нее дрогнули и сжались — она плакала.

Гоги сидел растерянный и удивленный. Он не знал, что сказать девушке, чем успокоить ее, как выразить свое сочувствие, понимание. Он не мог найти слов — тех искренних, правдивых и мужественных, которые надо произнести, чтобы девушка поняла и поверила: рядом с нею друг, который не покинет ее. Единственное, что он сумел, это, подойдя к девушке и неловко склонившись над ней, поцеловать в волосы и произнести:

— Знаешь, Марина, я тоже рос без матери.

ОСКОРБЛЕННАЯ И РАЗГНЕВАННАЯ

На город опустился вечер — тихий, прекрасный, весенний вечер. Солнце пожелало земле спокойной ночи и устроилось спать где-то за дальней горой.

И вновь веселыми группами юноши и девушки стекаются к дому культуры.

Снова гремит музыка под сводами дома культуры. Вот появились первые танцующие пары, — это наиболее торопливые, им не терпится, не ждется, они спешат, чтобы не пропало впустую даже маленькое мгновение их молодости. Некоторые натянули припасенные со вчерашнего вечера маски. Праздник продолжался!

Лалиса сегодня не спешит присоединиться к танцующим. Она стоит у входа в зал и внимательно осматривает всех собравшихся.

Гоги нигде не видно.

Девушка обошла все комнаты, заглянула за все двери. Снова вернулась в танцевальный зал. Она встала так, чтобы сразу заметить Гоги, как только он войдет, прислонилась к стене и приготовилась ждать.

Лалиса верила, что Гоги непременно придет и хотя бы сегодня станцует с ней один танец.

Эта надежда и заставляла ее ждать.

Вчера вечером она танцевала все танцы подряд. Дело даже не в том, что танцы вообще ее слабость. Лалисе хотелось, чтобы Гоги заметил ее, обратил внимание, она вплотную подходила к нему, чуть не касалась его плечами. Но все было зря, Гоги за весь вечер так и не отошел ни на шаг от своей девушки.

Тщетно кружилась Лалиса вокруг них. Черная маска надежно оберегала девушку в русском костюме. Она так и не смогла узнать партнершу Гоги, хотя, кажется, уж кто-кто, а Лалиса весь завод знает.

Ей даже нравилось, что Гоги был так верен своей даме вчера, так и надо. Он ведь не чета всяким пустомелям вроде Сандро Мелия, который перетанцевал за вечер чуть не со всеми девушками в зале.

Да, Лалиса оправдывала Гоги. Но сердце все же щемило, перед глазами неоступно стояли Гоги и таинственная маска рядом с ним. Ха, таинственная маска! Небось, какая-нибудь вертихвостка из своих же, заводских. А когда они вдвоем с Гоги ушли из зала, Лалисе показалось, что во всем доме культуры вообще ни одного человека не осталось. Потому и она вскоре после них покинула маскарад,

поэтому и сегодня, не сдержавшись, первой подошла к Гоги и заговорила с ним. Хотя где это видано, чтобы девушка сама подходила к парню, даже если ей нравится?!

Кто-нибудь может спросить, неужели ей так уж нравится этот Гоги Ломидзе? Нравится? Это не то слово. Она влюблена, она любит его.

Не так уж много времени прошло с тех пор, как в ее душе разгорелся этот огонь.

Она всегда встречала Гоги приветливой улыбкой, когда он заходил в приемную директора и главного инженера. Любила поговорить с молодым инженером, перекинуться шуткой. Да и он сам всегда улыбался, открывая дверь ее комнаты. Но так он улыбался всем, безразлично и одинаково доброжелательно. А ей хотелось чего-то иного, особенного, предназначавшегося только ей.

Да и почему бы Гоги Ломидзе не обратить на нее внимания, чем она ему не пара? Красотой ее бог не обидел, уж, кажется, нет такого мужчины, который бы, зайдя в приемную, на нее не заглядывался. Или возьмите ее жизнь, все эти тоды...

Вспоминает Лалиса, все вспоминает, что случилось в ее жизни, хоть, по правде говоря, особенно вспоминать и нечего.

Педагогический институт. После окончания ей предстояло идти в школу учительницей. Но в село не поехала, а в городе устроиться не удалось. И она решила: чем бездельничать да слоняться по улицам день-деньской с друзьями и подружками, лучше уж идти на завод, пусть даже и личной секретаршей к директору. Ну и что ж, у нас любой труд почетен и уважаем!

Директор полюбил ее как родную дочь, нахвалиться не может: и дела все у Лалисы в полном порядке, и бумажка ни одна не залежится без ответа, и бездельничавшей ее не увидишь, словно бы весь этот гигантский завод на ее попечении находится.

Что, мало вам?!

...Уговаривает себя Лалиса, бодрится, но и сама в глубине души знает, что для таких, как Гоги Ломидзе, анкетных данных и деловых характеристик недостаточно.

Однажды утром, как всегда, разбирала она почту, поступившую на завод. Ее внимание привлек один голубой конверт. Так-то, конечно, ничего особенного, конверт как конверт, только написано на нем, в той строчке, где «кому» надо указывать: «Георгию Ломидзе, лично». Вытащила Лалиса конверт, взвесила на руке. Письмо было из Москвы, фамилия отправителя написана росчерком, так что и не разобрать. Зато имя читается вполне отчетливо: «Тамара» и дальше тот росчерк закорючкой. Но и этого одного вполне достаточно для Лалисы. Еле подавила искушение вскрыть конверт и прочесть, что в письме. Но вскрывать не стала. В сердцах закинула конверт в самый дальний угол самого нижнего ящика своего стола.

В тот день Гоги не показывался почти до самого конца дня, но когда зашел он в ее комнату, Лалиса сама почувствовала, как кровь отлила от щек. Глянула украдкой на себя в зеркальце, что припрятано было в среднем ящике, видит — бледная, как покойница. А Гоги — ничего, — поздоровался, улыбнулся приветливо, как всегда, но все равно Лалисе казалось, что ему все уже известно. Девушка решила: отдам ему это проклятое письмо, а там будь что будет. Рука потянулась к нижнему ящику, но... какая-то другая бумажка появилась оттуда на свет божий и чинно улеглась рядышком с другими документами.

Оставшись одна, Лалиса стала ругать себя, потом — оправдывать, потом — строить планы, как исправить совершенное ею преступление. Но к чему теперь все это?..

«Я виновата? Согласна. Не спорю. Только уж пусть лучше эта самая Тамара не суется сюда. Москва велика, что ей там парней не хватает, что ли?»

И только когда очередная почта принесла второй голубой конверт, подписанный знакомой неразборчивой закорючкой, в душу девушки закралось сомнение. Может, эти письма адресованы вовсе не Гоги, а его отцу, Георгию Ломидзе-старшему? Может, это какие-то важные деловые сообщения? Девушке представилось строгое, не улыбочное лицо Георгия Ломидзе, и она зябко поежилась.

Нет, такие письма ему не станут посылать. Поздно.

Лалиса лютый ненавистью возненавидела эту московскую Тамару, ее голубые конверты, ее почерк. И однажды написала уголок на очередном конверте: «Георгий Ломидзе среди рабочих и служащих Кутаисского автомобильного завода не числится».

После этого письма перестали приходить.

Но Лалиса никак не могла забыть о том, что в нижнем ящике ее стола лежат, заброшенные в дальний угол, два голубых конверта. Ей казалось, что там не просто лежат два безобидных листка бумаги с маркой в уголке и аккуратно

надписанными адресами, а сидит взаперти сама эта московская Тамара, неведомая и таинственная. И что придет время, — она выломает стенку ящика и выйдет на свободу. И тогда...

Что тогда?

Она не знала. Но Лалиса так и не вскрыла письма, чтобы прочитать, что в них написано. Она даже не стала уничтожать их, — просто не пришло в голову.

Время шло. А Гоги был так же далек и недосыгаем, как и прежде. И только вчерашняя встреча на маскараде вновь возродила надежды в душе девушки. Хотя, впрочем, никаких особенных причин для этого вроде бы и не было.

Девушка снова оглядела весь зал. Народу заметно прибавилось, но Гоги по-прежнему нигде не было видно. Зато перед Лалисой возник — как обычно неожиданно и неизвестно откуда — Сандро Мелия, и, отвесив изысканный поклон, пригласил ее на танец. Лалиса молча повернулась к нему спиной. Каштановый локоп от резкого движения выбыл из прически и упал девушке на глаза, но она не стала поправлять его. Губы ее дрожали от обиды, — не его приглашения ждала она в этот вечер.

Она чувствовала себя обманутой и оскорбленной. Она решила, что Гоги больше не придет. И теперь ничего не чувствовала к нему, кроме ненависти.

С завистью смотрела Лалиса на веселые, оживленные пары, которые увлеченно неслись по кругу, захваченные стремительным движением. А она... она стоит здесь, возле стенки, и, наверно, все видят, что ее обидели, оскорбили, бросили одну.

Как ей быть?

Уйти, исчезнуть?..

Нет, она подождет еще немножко, вот пока закончится этот танец. А потом уйдет, убежит, не оглядываясь, домой, повалится на кровать и будет плакать, плакать, пока подушка не промокнет насквозь, пока слезы не принесут облегчения...

Двери в зал почти не закрываются. Непрерывной чередой входят юноши и девушки — все такие счастливые, веселые, беззаботные. Все, кроме нее.

Вдруг девичье сердце дрогнуло и учащенно забилося. Рука непроизвольно поднялась и поправила непокорную прядку волос.

Она не могла ошибиться. Это был Гоги Ломидзе. Но он пришел не один. Рядом с ним, едва доставая ему до плеча, шагала Марина. Теперь-то уж Лалиса узнала ее, узнала ту, с которой Гоги танцевал весь вчерашний вечер.

Внимательно оглядела Лалиса девушку. И призналась себе, что она ей понравилась. Одета просто, со вкусом. Так же скромно, не вызываясь, улыбалась, когда смотрела на Гоги. И самое главное... Самое главное, что они очень подошли друг другу!

Лалиса оперлась рукой о стену. Московской Тамары больше уже не существовало для нее, — соперница была здесь, рядом, в нескольких шагах. Слезы подступили к глазам, еще немного, и она не сможет сдерживать их. И тогда все, все увидят... И она, эта горячка Марина, и Гоги, все увидят, что она плачет. Плачет от обиды, от бессилия, плачет оттого, что надо что-то сделать, что-то предпринять, а она ничего не может поделать...

МЕЧТА МОЛОДОГО ИНЖЕНЕРА

...Георгий Ломидзе, удобно устроившись на стуле, что стоял вплотную к широкому директорскому столу, говорил:

— Мы решили побеспокоить вас, Серго, потому что этому молодому человеку, — он ткнул пальцем через плечо в сторону Гоги, который уселся поодаль, — пришла в голову мысль, показавшаяся мне достаточно деловой.

— Слушаю вас, — заинтересованно ответил директор. Он знал, что значила подобная похвала в устах скупого на слова Георгия Ломидзе.

Гоги взглянул на отца и потупился — отец выставлял дело таким образом, будто сам не принимал никакого участия в зарождении идеи, которая по всем законам принадлежала главным образом именно ему.

...Они вдвоем возвращались из Тбилиси на машине. Когда их «газик» стал натажно взбираться на перевал, Георгий кивнул в окно:

— Одни подъемы да спуски... Не позавидуешь тем, кто живет в такой местности.

— Почему, отец? На склонах солища больше и виноградники растут лучше.

— Одним виноградом сыт не будешь, сынок. Человеку еще и хлеб нужен, и кукурузная лепешка... Здесь бы кукуруза вымахала в твой рост, только глина на эти откосы. Как туда доберешься? Разве что мотыгой, да ею в наш век много не наработаешь.

— Конечно, машине под таким углом работать не удовольствие.

— Смотря какой машине! Если бы наши тракторы поманевренней сделать —
 — Поменьше, что ли?
 — Поменьше. Он легче будет и поворотливей — забегает по этим холмам да горкам людям на радость.
 — Поменьше... — снова протянул задумчиво Гоги.
 — Вспомни: горная порода лошадей — низкорослая да ценная, корова горская — тоже приспособилась, невеличка, чуть побольше хорошей козы. Зато в горах лучшей и не пожелаешь, да и дело свое они делают... А маленький трактор по такому рельефу — просто мечта крестьянина. Проходимость отличная, маневренность тоже, неприязнательный, и самое главное — универсальный: на нем и пахать, и прополку вести, и сеять, и жать. Поговори с сельскими специалистами, они тебе расскажут, как ждут жители высокогорных районов такую машину!

Гоги внимательно и заинтересованно слушал отца. Потом обернулся к нему:
 — А почему бы тебе самому не взяться за разработку конструкции такой машины?

Георгий похлопал ладонью по своей негнушейся ноге.
 — Мне ли сейчас по горам козлом скакать? Да и сердце не то. А походить придется. И с людьми посоветоваться, и режим работы будущей машины предусмотреть. Тут ведь не так все просто: тяп-ляп, уменьшил габарит каждой детали и готов горный трактор, пускай его на Казбек землю пахать! Надо переконструировать всю схему, малые габариты — это принципиально новая машина. И ты серьезно подумай, как к такой машине подступиться.

— А смогу ли я? Может, и браться не стоит...
 — Пора тебе свои крылья в самостоятельном полете пробовать. Да и не один ты на свете — есть с кем посоветоваться на заводе, к кому обратиться за помощью...

На следующий день Гоги ехал по направлению к Зестафони. Добравшись до угодий Арветского совхоза, он остановил машину и дальше пошел пешком по узкому проселку.

На высокой горе сквозь зеленые купы деревьев выглядывали краснокрышние дома деревни. Гоги свернул с проселка на крутую узкую тропинку. Едва перевозя дух, добрался до новенького здания арветской школы. К школьному забору примыкала поляна разровненной неспаханной земли с углублением котлована посередине — видать, кто-то собрался строить дом. Площадка была огорожена изгородью. Высокий, моложавый на вид старик опирался на изгородь и молча глядел на пришельца.

— Мир вам! — поздоровался Гоги.
 — Здравствуйте.
 — Так и оставили участок неспаханным?

Старик не удивился неожиданному вопросу и с оживлением заговорил:
 — Почва здесь хорошая, только как ее вспашешь, родимую. Сто потов прольешь, тяпкой намашешься до потери сознания, пока с такой землей справишься.

— По такому уклону быки не потянут, — тоном знатока заметил Гоги.
 Старик усмехнулся, бросил на разговорчивого горожанина внимательный взгляд.

— Да, не потянут, — коротко согласился он.
 — Хочу просить у вас совета, отец.
 — Если смогу чем-нибудь помочь...

— Я инженер с автомобилестроительного. Появилась у нас мысль придумать трактор, маленький такой, юркий и цепкий, чтобы на таком рельефе работать смог.

— Зря стараешься, здесь не то что трактору, козе не за что уцепиться, — не раздумывая ответил старик.
 — Неужели маленький трактор не удержится?

— Бог в помощь, сынок, только за всю свою жизнь я не слышал ни о чем подобном... — старик покачал головой и пожал плечами. Потом пригласил его к себе: не думай, мол, что мы совсем уж бездомные и доброго человека принять не сможем. Гоги вежливо поблагодарил и отказался, так как ему надо было еще разыскать директора совхоза и поговорить с ним. Старик не стал настаивать.

— Мне уже далеко за шестьдесят, сынок, — сказал он на прощание. — Хорошо помню тот день, когда в нашем селе первый трактор появился. Наша радость до небес возлетела. Но что ему было делать на наших склонах и откосах? Так и стоял без дела за конторой, пока ржа не одолела. На таких землях кроме тяпки да мотыги никакая машина не возможна, сынок. Ты говоришь — маленький трактор? Не знаю, не видел. Маленькую лошадь в городе видал, в зоопар-

ке — пони называется. А маленький трактор видеть не приходилось... Так-то дело хорошее, если что выйдет, народ большое спасибо скажет!

— Будьте здоровы, уважаемый!

Гоги был упорен и настойчив — если что вобьет себе в голову... Беседовал он с крестьянами и конструкторами, сельскими механизаторами и технологами, облик нового трактора-малютки все яснее складывался в его воображении и вот уже появился первый чертеж, даже не чертеж, а набросок, эскиз, который он решился показать отцу. Георгию принципиальная схема понравилась, и вот они оба — в директорском кабинете, ватман развернут на письменном столе и прижат по краям пресс-папье и пепельницей. Серго внимательно рассматривает его и задает вопрос за вопросом. Гоги отвечает.

— Что ж, идея интересная, — это говорит Серго, а он просто так не скажет, не подумав, не вникнув в мельчайшие детали и подробности. — Работу надо продолжить. Если нужна какая-нибудь помощь — поможем. Выделим сотрудников, разработчиков, помещение, средства. Да и Георгий, в случае чего, рядом будет, не так ли? Дело нужное — прохладиться и медлить не стоит, — Серго улыбнулся.

— Сам заварил кашу — пусть и расхлебывает ее до конца, — пошутил Георгий.

Директор обнял за плечи отца и сына и проводил их до дверей кабинета.

СКАМЕЙКА, ВЫКРАШЕННАЯ В ГОЛУБОЙ ЦВЕТ

Марина сидит на голубой скамейке и смотрит на детей, которые играют в сквере. Уже октябрь, но тепло, дерьва и трава по-прежнему зелены, и солнце греет как летом. Ребятишки отчаянно визжат все вместе, занятые какими-то своими, необычайно важными делами. Марина привыкла к этому постоянному шуму, к чрезвычайной серьезности ребячьих дел и к постоянно возникающим между ее воспитанниками стычкам. Она наблюдает за всем, что происходит в сквере, и думает.

На лето их детсад выезжал в Боржомское ущелье. Там было чудесно, дети поправились, окрепли, загорели от постоянного пребывания на свежем воздухе. Да и сейчас, в городе, она каждый день выводит свою группу в сквер, где у них оборудована площадка для игр.

В колени Марины с разбегу тычется один из малышей. Он чем-то ужасно расстроен, губы надуты, вот-вот заплачет.

— Тетя Марина, тетя Марина, Гиа сорвал цветок!

— Разве можно срывать цветы? — удивляется Марина. — А ну, пойдем, посмотрим. — Она подымается с места, мальчик цепляется за ее палец и важно предводительствует к месту происшествия.

Гиа, — видит она, по привычке наблюдая за всеми своими ребятами одновременно, — прижал цветок к груди и укрылся за стволом разлапистой ели. Увидев воспитательницу, направляющуюся к нему, он прячет за спину вещественное доказательство своего преступления.

Марина строго сводит брови:

— Цветы рвать нельзя, Гиа, ты большой и сильный, а они маленькие и им больно. Ты их должен беречь и охранять, а не рвать!

— А другие рвут... — маленький правонарушитель не согласен так легко уступать свои позиции.

— Вот ты и будешь защищать цветы от других детей, ладно?

Глаза Гиа наполняются слезами, еще секунда и он заревет, подкютившись к разноголосому хору своих товарищей. Марина ласково треплет его по вьющимся волосам и поворачивается к другому, который все еще не выпускает ее палец. — А ты, Зурико, не должен всякий раз бегать и жаловаться на своих товарищей.

Удивлению Зурико нет предела. Неблагодарность взрослых, с которой ему приходится постоянно сталкиваться, лишает его душевного покоя.

— А что мне было делать?

— Ты бы объяснил Гии, что он поступает дурно. Он бы тебя обязательно послушал — ты ведь уже большой мальчик, на будущий год в школу идешь.

Зурико уже позабыл о коварстве учительницы, он доволен, глазами блестя — еще бы, тетя Марина сказала, что он уже большой и скоро пойдет в школу!

— Хорошо, тетя Марина, хорошо!

— Ну вот и отлично. Продолжайте играть.

Конфликт урегулирован. Можно снова пойти к скамейке, выкрашенной в голубой цвет, и посидеть, пока очередное происшествие не потребует опять ее вмешательства.

Мальши шумят, щебечут, хлопочут вокруг, совсем как стайка воробьев. Пусть ничего не нарушает их веселья и спокойствия. Пусть они всегда будут счастливы.

По вечерам дома их ожидают родители — матери, отцы, они встречают их лаской и теплом. Теплом, которого она, Марина, не помнит. Ее детство проходило по-иному. Да и Гоги не суждено было в полной мере вкусить счастье и тепло домашнего очага... Пусть хоть их дети не будут лишены судьбой этого счастья! Их дети?.. Да, уже можно не стыдиться этих слов, хотя бы наедине с собой, ведь они скоро распишутся и тогда...

— О чем мечтает уважаемая учительница?

Марина вскочила.

Перед ней стоял секретарь заводского парткома Владимир Джугели и улыбался.

— Ой, простите, задумалась и не заметила вас...

— Ничего, ничего, пометать да подумать всегда приятно, если только о хорошем. Ну, раз уж я оторвал вас от дум, то здравствуйте, — он протянул Марине руку и почти силой усадил девушку на скамейку. Сам присел рядом.

Джугели с интересом наблюдал за ребяташками, вмешавшись в их игры, от души смеялся всяким проделкам, что-то кричал... Одним словом, через несколько минут он уже стоял в центре суматошной и шумной детской толпы. Взяв на руки двух мальчиков, он расставил остальных в кружок. Обернувшись, пригласил Марину принять участие в какой-то придуманной им затее.

Мальши сперва притихли, стесняясь незнакомого седоусого дяди, и лишь с интересом наблюдали за ним. Но вскоре освоились, осмелели, загалдели пуще прежнего, весело смеясь, когда он потешно закатывал глаза и щелелявил. Хоровод кружился все быстрее и быстрее, восторгу малышей не было границ.

— Ладно, хватит, ребята, я устал, не могу больше... Отпустите старика! — Владимир задыхался от смеха и усталости, но вконец разошедшиеся малыши никак не соглашались отпустить его. Наконец, ему удалось вырваться и он упал на скамейку, еле переводя дух.

— Хорошо... — проговорил он, когда Марина, утомив своих воспитанников, подошла к нему.

— Да, с ними не соскучишься, — согласилась Марина. — Они такие хорошие и любимые.

— Хорошие и любимые... — повторил Владимир, думая о чем-то. Потом, кивнув седой головой, сказал: — К зиме мы им сделаем хороший подарок — новое здание детского сада, такое удобное и благоустроенное, какого и в столицах нет!

— А успеете к зиме?

— Давци слово — держись... — снова от души рассмеялся Джугели. Потом, хитро прищурив глаз, подмигнул и погрозил девушке пальцем:

— Слыхал я, скоро нам на свадьбе гулять предстоит, а? От парткома ничего не скроешь, так и знай.

Марина покраснела, прижала ладони к пылающим щекам, не знала, куда деться от смущения. Потом, словно внезапно вспомнив о каком-то деле чрезвычайной важности, вскочила и побежала под елку, где играли ее малыши. Немного успокоившись, придя в себя, она вернулась, подняла голову, словно хотела сказать что-то. Но вдруг заметила в конце сквера Георгия Ломидзе. Он шел медленно, слегка прихрамывая, и направлялся прямо к ним. Владимир поднялся ему навстречу.

— Что, Георгий, потянуло нас с тобой к малышам, значит дело уже к старости.

Георгий молча пожал руки Владимиру и Марине и опустился на скамейку. Он привык к шуткам своего старого друга, да и что обижаться, если старость и вправду не за горами?

— Слушай, Георгий, — продолжал Джугели прежним тоном, — Марина мне ничего не ответила, но ты-то уж не скроешь от меня: долго ли нам еще ждать свадьбы да слюнки глотать в предвкушении пира?

Георгий поглядел в сторону Марины, которая стояла опустив голову и, казалось, готова была провалиться сквозь землю. Улыбнулся. Ответил не торопясь:

— Свадьба — это их дело, молодых. А за пиром дело не станет, пусть только скажут, когда баранов резать да заветные кувшины с вином открывать!

Марина боялась, что Георгий и Владимир услышат частый, гулкий стук ее сердца. Особенно взволновали ее последние слова Георгия. Неужели этот человек, который сейчас тут улыбается и шутит, — Георгий Ломидзе, тот самый Георгий Ломидзе, которого весь завод знал как неисправимого нелюдима с веч-

ной грустью в глазах. Многие даже считали его замкнутым человеком. Дарибунда Марина привыкла всегда его видеть таким, хоть и полюбила всей душой. Сейчас... Сейчас его не узнать, словно ожидание приближающегося счастья растопило лед в его душе.

— Уж не разрушили ли мы с тобой запланированную встречу, старик?! Погляди-ка. — Владимир громогласно рассмеялся и указал пальцем на Гоги, который показался вдали. Он как будто просто неторопливо прогуливался по скверу, наполовину скрытый густыми елями, и чем ближе он приближался, тем больше поражало Марину его необыкновенное, какое-то скрытое от нее до этой вот сегодняшней встречи сходство с отцом. У них были не просто похожие лица, одинаковые рослые, крупные фигуры. Что-то внутреннее, духовное роднило их, делало особенно очевидным, что перед вами отец и сын.

Гоги все больше замедлял шаг, словно колеблясь, подходить к сидевшим на скамейке или нет. Наконец, он решился и, поздоровавшись издали с ними, свернул на аллею, где играли дети. Воспитанники Марины, заметив его, с шумом бросились навстречу. Один, самый отчаянный из них — да, конечно, так и есть: это Гиа, отметила про себя Марина, — с разгона взобрался ему на плечи. Двое других повисли на руке. Остальные окружили их тесным кольцом. И сопровождаемый таким конвоем, Гоги, наконец, предстал перед отцом, Мариной и Владимиром Джугели, который поднялся навстречу, приветствуя необычную процессию.

— Завтра завком устраивает экскурсию в Гелати. Я зашел спросить, мы тоже поедем?

— Отчего бы и не съездить, не посмотреть еще раз Гелати, да и свежим воздухом подышать не вредно, — решил Георгий. Марина засуетилась, собирая своих воспитанников, выстраивая их в пары, пересчитывая, разыскивая отставших. В самом конце она силой стащила с плеч Гоги упиравшегося Гию и поставила его в хвост построившейся колонне.

Мальши вразнобой зашагали к помещению десятица, где их уже поджидали родители. Марина, в хлопотах забывшая обо всем на свете, кроме своих питомцев, послесила за ними, Георгий и Владимир, переглянувшись, молча покали руку Гоги и пошли из сквера, который сразу стал необыкновенно пустынным и тихим. Оставались только разлапистые ели на своих извечных постах, да Гоги, который уселся на голубую скамейку и задумчиво закурил сигарету в ожидании Марины.

Гоги Ломидзе вывели из раздумья негромкие голоса. Вернее, даже не сами голоса, а упомянутое в разговоре имя — Сандро Мелия. Гоги оглянулся — двое рабочих в спецовках — видать, только что со смены — стояли под старой елью и тихо беседовали. Собственно, говорил главным образом только один — быстрым, верхнемеретинским говорком он безостановочно ругал Мелия: и жулик он, мол, и пройдоха, человек без чести и совести, отца родного задешево продаст — не постесняется...

— Очень, верно, он у тебя в печенках сидит, — благодушно посмеивался второй. Но тот продолжал честить Сандро на чем свет стоит, распаяясь все больше и больше.

— И чем он тебе так насолил? — поддразнивал друга второй. Гоги узнал в нем Шота Врданидзе, из литейного. — Еще услышит — он тебе задаст! Слух прошел, что его начальником по снабжению назначают...

Гоги поднялся со скамейки и направился к ним. Пожал Врданидзе руку. Тот познакомил его со своим товарищем.

— Чхеидзе, — представился тот.

— Гоги улыбнулся в ответ, ему почему-то сразу очень понравился этот горячий парень. Впрочем, его и парнем-то, пожалуй, уже не назовешь, — несмотря на худощавую, подобранную, сохранившую стройность фигуру и гладкое лицо, по седине, вкравшейся в черную шевелюру, видно было, что он уже в годах. Чхеидзе, в свою очередь, пристально разглядывал Гоги Ломидзе, не выпуская его руки. Гоги даже показалось, что он заметил какую-то внезапную бедность на его щеках.

— Очень уж вы тут ругали Сандро Мелия! — с улыбкой сказал он, осторожно высвобождая руку.

— С этим аферистом у меня свои счеты.

Гоги рассмеялся.

— Если позволите, хочу задать вам один вопрос, — тихо попросил Чхеидзе.

— Сколько угодно, — расщедрился Гоги.

— Отец у вас жив?

— Жив! А почему вы спрашиваете?

— Я с фронта знал одного капитана, его фамилия тоже была Ломидзе. Вы очень похожи на него...

— Георгий Ломидзе — мой отец. Он жив, и работает здесь же на автосборочной конвейерной линии.

Чхеидзе радостно притянул Гоги, обнял его, прижал к груди. На глазах у него появились слезы.

— Очень он постарел, наш Георгий?

— Мне трудно судить, но, по-моему, не очень, только поседел.

— Меня он, конечно, и не вспомнит, — столько лет прошло! Передавайте привет от меня, а там я и сам его разыщу.

— Обязательно повидайте, отец будет рад. Только как вы до сих пор не встретились, удивительно!

— Я здесь человек новый, недавно из Зестафони переехал. А до того и в Густави поработать пришлось.

— Чем вас Зестафони не устроил?

— Жена переселила, заставила переехать сюда. Супруга у него кутаанская, вот и подбиралась к родному городу все ближе и ближе, — вмешался в разговор Варданидзе.

— Ничего не поделаешь! — засмеялся Гоги. — Женщина большая сила в нашем обществе.

На крыльце детсада показалась Марина, помахала рукой — Гоги распрощался с Варданидзе и Чхеидзе, сказал:

— Завтра мы едем в Гелати, и отец там будет. Приезжайте, встретитесь.

Друзья переглянулись.

— Поехали, Шота?

— Поехали.

— Значит, до завтра. — Гоги кивнул и заспешил навстречу Марине.

Чхеидзе долго смотрел им вслед.

— Его жена? — спросил он.

— Нет, невеста.

— А ты, Шота, знаком с Георгием Ломидзе?

— Его на заводе все знают. Он главный механик.

— Очень он переменялся?

— Я же с ним не так давно знаком.

— Верно. Я помню Георгия Ломидзе, каким он был двадцать лет назад. Двадцать лет... Капитан Георгий Ломидзе, высокий, мужественный, смелый, любимец всего полка, — вот каким я помню его! Сын весь в отца. Узнает ли меня капитан? Это было в Западной Белоруссии. Там мы встретили войну. Меня скоро ранило. Потом я попал в другую часть. И не знал до этой встречи, что капитан остался жив...

СНЕЖНОЙ НОЧЬЮ...

Работа над созданием малогабаритного трактора целиком увлекла Гоги Ломидзе. Постепенно об его увлечении на заводе узнали многие и, хотя никто не мог точно предсказать, что из всего этого получится, будущего новорожденного уже нарекли гордым и звучным именем — «Риони». День проходил за днем, неделя сменялась новой неделей. Шла к концу долгая южная осень, а конца работы все еще не было видно. Главный конструктор по приказу директора выделил для Гоги особое помещение, чтобы никто ему не мешал. И нередко, до ночи засидевшись над каким-нибудь сложным расчетом или чертежом, Гоги здесь же устраивался ночевать, свернувшись калачиком на узком и коротком дерматиновом диванчике неизвестно каких времен.

Георгий не торопился, не подгонял сына, хотя и не очень был доволен затянувшейся подготовкой. По его расчетам, к следующей весне «Риони» мог уже держать испытания на горных откосах, а его пока не было даже в чертежах, как говорится — не было и в проекте. Впрочем, свое особое мнение по этому вопросу имела и дирекция завода.

Правда, разработка нового типа трактора не входила в утвержденный план работ завода над новой техникой, да и вообще она не так уж и подходила к его производственному профилю. Но слух о новой идее вышел за заводскую ограду и распространился по окрестным селам как пожар по сухостою — сразу и во все стороны. Вскоре на завод начали приезжать несколько неожиданные для автомобилестроителей гости: агрономы, полеводы, председатели колхозов, сельские механизаторы. Стало ясно: дело задумано важное и нужное, медлить было нельзя. Но ведь и свой план выполнять надо, не так ли? Вот и сидел Гоги один в комнатенке, отгороженной от конструкторского бюро, и корпел над чертежами. Правда, друзья и сослуживцы всегда с готовностью приходили на помощь, оставались после работы, выполняли за него многие расчеты. Но даже при самом благо-

склонном и доброжелательном отношении руководства выделить группу на разработку «Риони» оказалось невозможно.

Гоги работал упорно и одержимо, не отступая перед неудачами, по несколько раз переделывая один и тот же чертеж.

...В тот вечер Георгий Ломидзе допоздна задержался на заводе: то с Владимиром Джугели пришлось обсудить кое-какие вопросы перед заседанием парткома, потом заглянул в закуток к сыну. Но Гоги был в цехе.

Засучив рукава, он сам обтачивал на токарном станке какую-то болванку. Отец улыбнулся в усы:

— Совсем кустарем заделался, парень, мог бы к токарям обратиться, они тебе помогли...

Гоги рукавом спецовки отер лоб. Остановил станок.

— Теперь уже немного осталось.

— Да, провозились немало. Зима на носу, а «Риони» пока только в ватмане.

— Зимой нашему малышу особых дел вроде бы и нет. Разве что снег на полях сгребать. А уж весной непременно подготовим его к испытаниям, — я говорил с ребятами, все будет в порядке.

— Ты уже не маленький — должен понимать: директор внес разработку «Риони» в заводской план, утвердил во всех инстанциях, а теперь, кажется, и сам не рад. Ты тут возишься себе не торопясь, а с него уже — и спрос, и план, и ответственность!

— Жалеет, что ввязался в это дело?

— Он-то молчит... Один Джугели горой за тебя стоит: такие, говорит, как он, молодые коммунисты на фронте в одиночку на дот шли.

— А что директор?

— Что он может сказать? Мы, говорит, за столько времени новую модель самосвала освоили бы...

Облачко обиды пробежало по лицу Гоги. Но он ничего не сказал.

Георгий прошелся по цеху. Заглянул в конструкторскую. Поцелкал пальцем по чертежу в раздумье. Похмыкал в усы что-то неразборчивое. Гоги покорно ходил следом за ним. Ему казалось, что и отец потерял веру в него.

— Новый самосвал сделать не хитро, отец. Возьмешь старую модель, переделаешь кое-какие узлы, и побежал он с конвейера, — без забот, без хлопот. И план выполнен, и беспокойства никому никакого. А «Риони» — он ведь на пустом месте делается! Такой машины нигде не было в целом мире. Он наш, понимаешь, отец? Наш, наше детище, наше создание!

Георгий в душе был полностью согласен с горячей речью сына, вслух же сказал:

— Не хватит ли отшельником работать? Ты живешь не в пустыне, и эта комнатка — не келья. Не прячься от людей. Да и домой время от времени приходишь тоже не вредно, хотя бы ночевать.

Он в последний раз щелкнул пальцем по чертежу и, чуть прихрамывая, пошел к выходу.

Выйдя во двор, он поежился, поднял воротник пальто. Шел снег — густой, обильный, вязкий. Через минуту кепка отяжелела от снега.

Зима, снег. Снова встали в памяти картины далекого прошлого.

Западная Белоруссия. Заснеженные ели, суровая и беспокойная солдатская жизнь. Аркадий Тяпкин и его семья...

Он не заметил, как оказался перед дверью своей квартиры. Огляделся, словно удивленно спрашивал кого-то: как я сюда попал? Снял шапку, стряхнул с нее снег. Долго искал по карманам ключ озябшими пальцами. Наконец нашел.

Так же долго целился, пока попал ключом в замочную скважину. Повернул его, но безуспешно. Подышал на ладони, снова взялся за ключ. Как ни вертел его — и в одну сторону, и в другую — дверь не поддавалась. Георгий даже усомнился — может, не тот ключ? Проверил, все было правильно. На ободке замка увидел какие-то царапины, словно кто-то поковырял его. Но он не обратил на это внимания. Тем более, что дверь в конце концов все же отворилась, и Георгий окончательно забыл про замок и все свои мучения.

Приятное домашнее тепло охватило его. Георгий сбросил пальто на спинку стула и внезапно почувствовал во всем теле необыкновенную усталость. Решил прилечь. Но вспомнив о том, что с утра ничего не ел, разогрел ужин и поел. Теперь уже его не так тянуло спать. Он вышел в другую комнату, открыл шкаф, снял с полки какую-то книгу и уселся с ней в кресло. Стал перелистывать, но мысли его уже были далеко от книги и от этой комнаты. Он вспомнил чертежи «Риони». Вспомнил и о том, что Гоги хранил в своем столе их черновые наброски. Георгий встал, открыл ящик письменного стола, нашел нужные бумаги. Раз-

ложил их на столе, придавив по углам чернильницей, пепельницей, стаканом только что вынутой книгой. Стал внимательно и пристально вглядываться в ровные ряды линий и цифр.

Он снова просмотрел все расчеты Гоги. Проверил чертежи. Пересчитал цифры. Все как будто правильно. Неудачи быть не должно...

Георгий снатал чертежи и положил их на место. Погасил в комнате свет, оставив гореть только маленький грибок на письменном столе. Вышел в спальню и не раздеваясь прилег на кровать.

Долго лежал молча и неподвижно, прислушиваясь к тишине за окном, где все сыпал и сыпал снег. Ему показалось, что он даже задремал. Но вдруг сквозь дремоту до него донесся еле слышный скрип дверного замка. Георгий открыл глаза, прислушался: «Видно, пришел Гоги и тоже мучается с замком, как я». Но больше не было слышно ни звука. Георгий встал и, подойдя к дверям в другую комнату, вдруг замер, пораженный...

В проеме открытой двери на лестницу был виден силуэт. Нет, это был не Гоги... Георгий в два шага настиг незнакомца, схватил за ворот и втащил в комнату. Перед ним стоял, прислонясь к стене, высокий бледный парень. Глаза его беспокойно бегали, на лбу выступили капельки пота.

— Кто ты такой? — спросил Георгий неспрошеного гостя.

Парень молчал. Одной рукой он оперся о подоконник, словно для того, чтобы удержаться на подкашивающихся от страха ногах, и зло буравил глазами Георгия.

Георгий внимательно следил за ним.

Неожиданно пришелец оторвал руку от подоконника, выхватил из внутреннего кармана пиджака раскрытый нож и с силой метнул его в Ломидзе. Тот мгновенно отпрянул в сторону. С треском посыпались осколки стекла в дверце шкафа, возле которого только что стоял Георгий.

Он бросился на незнакомца, но тот увернулся и, подбежав к столу, скинул на пол лампочку-грибок. Оставшись в темноте, Георгий успел протянуть руку к входной двери и опустить задвижку.

Теперь противники остались с глазу на глаз, одни в пустой квартире.

Слышно было, как вор, тяжело дыша, шарил руками по полу, очевидно, разыскивая свой нож.

— Дверь заперта, тебе некуда деваться! — твердо сказал Ломидзе.

Но вор, не слушая его, швырнул в его сторону книгу, потом метнул на голос подвернувшийся под руку стул. Георгий, наступая, загнал его в угол. Обхватил рукой, стараясь стиснуть его в объятии. Но незнакомец сумел вырваться и отскочил в сторону. Георгий, преследуя его, успел на ходу включить свет. В комнате снова стало светло.

Вор стоял у двери и дергал ручку, безуспешно пытаясь вырваться из западни.

— С дороги! — закричал он, задышав, и припнулся, словно изготовившись к прыжку.

— Нет, дружок, никуда я тебя не выпущу, — также еле переводя дыхание ответил Ломидзе.

— Выпустишь!

— Это мы еще поглядим.

Георгий и вор стояли друг против друга, тяжело дыша, и перебрасывались короткими, злыми фразами, внимательно следя за каждым движением противника.

— Что тебе здесь надо? — спросил Георгий, чтобы продлить передышку.

— Денег!

— Чужих денег?

— А если нет своих?!

— Значит, надо грабить, воровать!

— Лекции читай студентам в институте, — пришелец резко замахнулся, в его руке оказался стул и он швырнул им в Георгия. Но тот перехватил стул на лету и бросил на пол.

— Дорогу! — отчаянно закричал вор. — Дорогу!!

— Никуда ты отсюда не выйдешь.

Вор в бессильной ярости укусил себя за руку, ударил кулаком в стену и закричал в истерике:

— Выпусти меня! Или позвони в милицию! Пусть придут, арестуют меня...

Ну же, звони!! — сейчас он показался Георгию таким жалким и беспомощным, этот человек, который взломал дверь его квартиры и прокрался к нему, чтобы ограбить, и который, судя по всему, не остановился бы ни перед чем, будь на то его воля...

Но не его была воля и не его сила...

Георгий вместо ответа подошел к шкафу, поднял с пола нож и покачал головой, улыбаясь.

— Ты еще смеешься надо мной! Взял верх — и смеешься. Тогда я сам! Он подбежал к телефону и схватил трубку. Но Георгий не дал ему набрать номер, подойдя, решительно вырвал трубку и положил на место.

Теперь они стояли лицом к лицу, на расстоянии шага друг от друга, не больше. По глазам пришельца Георгий понял, что он окончательно сломился, утратил волю к сопротивлению и примирился с судьбой. В глазах его не было прежнего огня, он стоял, покорно опустив голову. Не выдержав молчания, он вновь закричал, — правда, не так громко и решительно, как прежде:

— Звони, арестуй меня, не то я выброшусь из этого окна!

Георгий протянул руку и положил ему на плечо.

— Не бойся меня, — проговорил он успокаивающе.

— Я никого не боюсь. Звони в милицию, — устало повторил непрошенный гость.

— Это я всегда успею. Пока поговорим.

Сейчас Георгий уже ясно читал в глазах вора неподдельное изумление.

— Расскажи, кто ты и чего ищешь в этой жизни!

— Смерти! Собачьей смерти! — снова вскричал вор.

— Слушай, не ори так, будь человеком. Всех соседей мне переполошишь.

Неужели нельзя поговорить вполголоса?

— Ты ждешь от меня исповеди?

— Сначала садись.

Пришелец настороженно присел на краешек стула.

— Вот так-то лучше. А теперь — рассказывай.

Долго сидел незнакомец молча, пригнув голову почти к самым коленям и обхватив ее руками, долго думал об этом странном человеке, подобного которому ему нигде и никогда не приходилось встречать.

О чем ему рассказывать, с чего начать? Да и можно ли так — ворваться в дом к человеку, наброситься на него с ножом, а потом сесть и как давнему другу рассказать историю своей нескладной жизни? Правда, глаза у него сейчас добрые и внимательные, у этого старика, но как посмотреть в эти глаза. Он, наконец, поднял голову.

— Я из колонии!

— Где ты был?

— На дальнем курорте, — не выдержав взгляда Георгия, он снова устался в пол.

— Тех, кто отбыл свой срок, устраивают на работу, помогают начать новую жизнь. Ты что, не ходил никуда или же тебе отказали?

— Был я там, как же...

— Ну и что?

— Собрали нас у начальника. Беседовали, ласково так, честь по чести.

Стали учить уму-разуму, рассказывать что и как. Только я туда больше не ходок. Пусть другие идут.

— Почему так?..

— Пришел я домой, а там мать лежит больная, видать, и не встать ей больше. Отправился к старым друзьям — они мне помогли, дали денег понемногу. Так, выкинули подачку, чтобы поскорей избавиться... Вокруг все смотрят на меня, словно хотят сказать: куда тебе, бандиту, в приличное общество лезть! Я-то еще стерпел бы все это, да и прожить сумел бы. Уехал бы, где меня никто не знает, и все. Только мама, — что мне делать с ней, как оставить...

— Как зовут тебя? — спросил Георгий.

— Ладо.

— Рассказывай, Ладо.

Почувствовав в тоне Георгия искреннюю заинтересованность, Ладо совсем сник. Забыв о своей озлобленности, он стал говорить медленно, тихо, так, как будто для него самого все, что он рассказывал, было совершенной новостью или же просто вдруг открывалось с чужой стороны.

— Не знаю даже, что мне вам рассказать сначала.

— А ты все рассказывай. По порядку.

— Ну что ж, если по порядку... Был я сначала мальчишка как мальчишка, только, может, озорной и своевольный больше, чем мои товарищи-одногодки. Если втемяшится мне что-нибудь в голову, бывало, не успокоюсь, пока не выполню. Отца потерял рано. Мать пошла работать — на завод, простой подсобницей. Особой роскоши в детстве я не видел — у матери не было ни средств, ни времени баловать меня. Но правду сказать — и нужды не знал. Приду из школы голодный, сяду у окна и жду маму: знал, что из столовки обязательно принесет мне что-нибудь поесть, у себя урвет, а мне принесет...

— Дальше?

— Дальше тоже все было довольно обычно. Постепенно увлекла меня удаца, завелись новые дружки-товарищи. А потом мама заболела, почти месяц не вставала с постели, ну и стало нам совсем худо. Тогда это и случилось впервые — пошел я в магазин за нашим пайком хлеба, а заодно стащил с прилавка полбуханки — уж очень есть хотелось. Мама сразу догадалась и, не говоря ни слова, кинула весь этот хлеб соседской собаке. На следующий день я снова утащил хлеб. Мама избила меня до синяков — и откуда только силы взялись? — но хлеб больше не выбрасывала. Так и пристрастился я, — как улучу момент, тяну хлеб с прилавка, будто это законная прибавка к нашему пайку. Да и мама — те ли привыкла, то ли просто сил не было каждый раз колотить меня. Только выкарабкалась она в тот раз, поднялась с постели, вновь пошла на завод. Дальше и рассказывать нечего — покатился я по крутой дорожке под уклон и докатился до самого низу. Все испытал, все, что причиталось. И по улицам скитался, боялся домой показаться, и под забором ночевал, и в темных переулках одиноких прохожих грабил, и по квартирам работал. Ну, конец — известный... Отбарабанил свое, сколько полагалось...

— Давно вернулся?

— Дней десять уже... А здесь все то же — мать больна, люди попривличнее нос воротят, начальники всякие только лекции читают, как будто я студент-заочник, а не вчерашний каторжник. Ну, крепился-крепился, а потом махнул на все рукой, плюнул, и опять за старое. Только, видать, не та уже рука у Ладо, что прежде была, не тот глаз!

— Так вот какое дело... — протянул Георгий.

— Что вы теперь со мной делать собираетесь? — покорно и равнодушно, опустошенно как-то спросил Ладо.

— Я? Я — ничего. Иди себе на все четыре стороны. Только вот ты сам с собой что собираешься делать? Ведь тебя дома мать ждет.

— Двое суток я не видел ее. Ждет ли еще или...

Ладо нерешительно привстал и, не поднимая головы, подошел к входной двери.

— Погоди! — Георгий подошел к шкафу, выдвинул ящик, достал небольшую пачку денег. Отсчитал пять красных десятирублевков. В осколок стекла на шкафной двери наблюдал за своим неожиданным посетителем, но тот даже не пошевелился. Протянул ему деньги: — Бери!

— Я не нищий, не побираюсь!

— И я милостыню раздавать не привык — не богач. В долг даю, с зарплаты вернешь, когда работать начнешь.

— Работать?!

— Хочешь, могу помочь к нам завод устроиться? А коли не тянет на завод, у меня есть приятель в тресте столовых, могу замолвить словцо.

— В столовую я не пойду!

— Отчего? Боишься старых дружков повстречать?

— Не мужское дело хлебом-солью за деньги торговать...

Георгий рассмеялся.

— Не смейтесь надо мной. Небось, думаете: этому ли подонку еще в благородство играть.

— Я не над тобой смеюсь, а над твоими словами. Извини, но ты глупость болтнул!

— Такова моя вера.

— Сила и благородство, сынок, не в том, чтобы людей с ног сшибать или же еду раздавать им бесплатно, а в том, чтобы, увидев поверженного человека, помочь ему подняться, встретив голодного — помочь ему честным трудом на кусок хлеба заработать. — Георгий неловко поежился: очень не терпел он этого снисходительно-правоучительного тона у других, а тут сам... Тряхнул головой: — А теперь бери эти деньги, Ладо, и ступай домой, проведай маму...

— Кому же мне вернуть их? Как ваше имя? Не могу же я опять сюда приходить!..

— Нет, конечно, если ты вновь соберешься ко мне в гости, лучше заходи каким-нибудь иным способом, — от души рассмеялся хозяин. — А найти меня не так уж и трудно. Спросишь на автозаводе Георгия Ломидзе, главного механика, меня там многие знают...

Ладо сложил деньги и сунул в карман.

— До свиданья! Я вас обязательно найду.

— До свиданья, Ладо!

Дробный стук шагов пробарабанил за дверь и смолк.

Георгий подобрал осколок стекла, расставил все по своим местам, как было до этого неожиданного визита. Потом вышел в другую комнату и лег, но долго

не мог уснуть: перед глазами все стояло бледное, взволнованное лицо Ладора. Но это не такое, каким оно было, когда он припер его в угол, а другое — каким он запомнил его перед прощанием...

Беспокойный человек был Георгий Ломидзе, беспокойный, упрямый. На следующее утро, еще до работы, отправился он в отделение милиции, попросил показать список тех, кто за последнюю неделю-две вернулся из мест заключения. Легко нашел в списке Ладора Гордадзе, записал его домашний адрес. А после работы, сговорившись со своим знакомым врачом, отправился вместе с ним по этому адресу.

В маленькой, но чисто прибранной комнатке стояла только одна кровать, на которой лежала пожилая женщина. В изголовье, на простом деревянном стуле, выстроились в ряд пузырьки с лекарствами.

Врач внимательно выслушал больную, прочитал рецепты, проверил назначения. Выписал лекарство, Георгий положил рецепты в карман: — Сам занесу.

— Кто вы будете? — спросила больная на прощание.

— Другья Ладо, — ответил Георгий.

Женщина приподнялась на локте, но она была так слаба, что если бы врач не поддержал ее, вновь упала бы на подушку. Она что-то шептала, и только внимательно прислушавшись, можно было разобрать:

— Дай вам бог здоровья, ему так сейчас нужны друзья, моему Ладо...

Прошла неделя. Ладор не показывался, и Георгий решил снова навеститься к нему домой. Но не успел.

Как-то под конец дня Гоги зашел в кабинет к отцу. Тот поднялся навстречу. С хрустом потянулся. Протянул руку.

— Хотел что-нибудь, сынок?

— Нет, ничего. Просто заглянул.

— Может, помочь тебе с твоим трактором?..

— Нет, с этим сам справлюсь. Тут, в проходной, тебя спрашивал какой-то парень. А позвали меня...

— Где он сейчас, этот парень? — непривычно заторопился Георгий.

— Ушел. Пообещал завтра зайти.

— Надо было провести его ко мне!

— Я не знал, что дело такое срочное.

— Очень срочное, — кивнул Георгий.

— Я просил прийти его прямо с утра. Сам проведу его к тебе, — пообещал выходя Гоги.

Георгий в раздумье прошелся по кабинету. «Чует мое сердце, что у него — то ли с «Риони», а может, и... с ней что-то не так, — думал он. — Совсем извелся парень. Похудел, стал мрачный, замкнутый, молчаливый. Молчит... А чего молчит? Небось, будь у него брат или сестра — им рассказал бы про свои сложности. А с нами, старыми пнями, и говорить не хочет. Конечно, где нам понять дела молодых!..» Георгий в сердцах хлопнул ладонью по столу и сел. «Впрочем, без братьев и сестер прямья жалко парня. Да тут уж ничего не поправишь!..»

На следующий день, как только прогудел гудок, возвещающий начало нового дня, Гоги с Ладором уже стояли у дверей кабинета Георгия Ломидзе.

— О, Ладор, здравствуй, — радостно приветствовал Георгий парня. — Ну, как себя чувствует мама?

— Спасибо, ей лучше. — Ладор казался смущенным и растерянным, говорил отрывисто, односложно, как бы нехотя.

— Это мой сын, Гоги. Вы уже познакомились?

— Да, уже.

— Иди, Гоги, иди. У нас тут маленькое дельце, да и тебе не грех поторопиться с твоими делами! — Гоги, улыбувшись, вышел. — Ну, присаживайся, Ладор. В ногах правды нет.

Ладор так же молча сел напротив Георгия.

— Я ждал тебя, знал, что ты придешь.

Ладор сидел, опустив голову, и по-прежнему не произносил ни слова. Все эти дни он думал о предстоящей встрече с Георгием Ломидзе, об этом необыкновенном человеке. Уж, кажется, все повидал он в жизни, со всякими людьми встречался, идя своей запутанной дорожкой, которая поводила его по тюрьмам. За свои двадцать восемь лет немало нахлебался горя и беды. Привык к тому, что единственным законом для него является собственная воля, а все, что говорили ему, считал пустой «агитацией», в одно ухо впускал, в другое выпускал.

Сколько лет не ступал он по родной земле, скитался по колониям да пересялкам! Уже и позабыл, за что впервые срок получил, за какое такое преступление. Потому что дальше — как пошли цепочкой разговор за приговором, срок

за сроком! Из тюрем не вылазил, своим человеком в пересылках стал, мелкая сошка уважала его и побаивалась. И вот отсидел все. Вернулся. До отъезда — лекция, после приезда — лекция. В родной город приехал — снова лекция: вот, мол, в новую жизнь вступаешь и поэтому должен — то, должен — это... Словом, кругом в долгу. И так тошно ему было все это выслушивать, что, кажется, так и бросил бы все к черту и подался бы куда-нибудь на край света.

И бросил бы, и подался бы, думает Ладо, даже назад не оглянулся, кабы не родная земля под ногами, и знакомый с детства шум Риони, и старая, больная мать...

Сошел он с поезда в Риони и огляделся кругом — прямо слезы в глазах. Хорошо, никто не заметил, — впрочем, кому до него дело, у всякого свое. Пошел пешком к Кутаиси по тропинке, напрямик. Посидел под дубом в лесу Сагории, чтобы прийти в себя немного, а то — стыдно вспомнить, иони распустил как маленький.

Потом все было — встреча с матерью, слезы, причитания. На третий день — вызов в милицию, опять лекции, опять «агитация». Но неизвестно отчего — то ли начальник такой попался, не по-казенному говорил, а от души, то ли сама обстановка на него подействовала так, — но доходили слова до сердца. Да, очень размягчился ты, Ладо! Тебе опять: «должен, должен!» — а ты уши развесил... Разозлился на себя — второй раз не пошел, хоть и очень нужна была ему сейчас поддержка и помощь.

И венец всему — встреча с этим человеком, что сидит сейчас напротив и рассматривает его, не торопит, терпеливо ожидая, когда Ладо сам начнет разговор.

Что в нем такого? Все обычное — почти старик, хоть и силен еще, черт, по-молодому, — неужто Ладо не справился бы с ним, если бы не... Если бы не что? Да, старик как старик, лоб в морщинах, да к тому же и прихрамывает еще... А вот выжал верх над ним, стреляным волком. Чем одолел он его? Как подчинил своей воле? И не агитировал особенно, — наоборот, больше сам слушал, а вот, глядя ж ты... Сидит Ладо перед ним как послушный ученик. И думает, думает... Все эти дни думы не давали ему покоя. Да, человек как человек, — не начальник, не председатель, не секретарь. Просто человек.

Человек?!

И как он нашел мой дом?

Надо доказать — кому, Ладо, себе? Георгию? всем людям на земле? — что такие ребята, как он, умеют ценить добро. И не просто ценить — платить тем же... Что и у нас есть совесть человеческая.

Человек...

Сидит, смотрит прямо в глаза, думает, — не о чем-то постороннем, о нем думает, о Ладо, — это ясно.

— С той ночи я все о вас думаю.

— А я — о тебе.

Посмотрели друг на друга. Улыбнулись.

«Этот парень будет человеком», — думает Георгий.

— Вы даже не спросили, для чего я пришел.

— Главное, что пришел.

— Не знаю, как мне быть...

— Работать. Привыкай работать.

Ладо улыбнулся. И опять увидел на губах Георгия ответную улыбку.

— К работе мне не привыкать. По всему Северу вкалывал.

— Здесь иное — завод!

— С машинами я знаком.

— Тут одного знакомства мало. Ребята здесь сами делают машины. Понимаешь? Сами, собственными руками делают. И бегут, бегут грузинские автомобили во все концы земли.

— Знаю. Я не раз встречал вашу марку там...

— Когда вольешь в машину и свою капельку пота, по-иному полюбишь ее.

— Я работы не боюсь.

— Где хочешь начинать?

— Это уж как вы скажете!

«В литейный? — подумал Георгий. — Чтобы сразу испугался и удрал? — Он оглядел Ладо. — Нет, парень он на вид крепкий, работать хочет. Если в литейном приживется — можно считать, увеличился наш рабочий класс на одну надежную единицу!»

— Пошли! — Георгий решительно поднялся из-за стола.

...Приказ начальника отдела кадров:

«Ладо Гордадзе направляется в литейный цех. »

Георгий познакомил Ладо с начальником цеха, подвел к Гиви Чхеидзе и Шота Варданидзе:

— Принимайте, друзья, пополнение. Побудет у вас подсобником, а там, глядишь, подучится и человеком станет. Вручаю его вашим заботам и попечению! — Потом обернулся к Ладо: — Нравится?

Ладо стоял оглушенный и растерянный. Его поражало, что люди могли разговаривать здесь и слышать друг друга. Но он все же догадался, о чем спрашивал его Георгий, и кивнул головой.

— Ну, тогда — желаю удачи! — Георгий похлопал его по плечу и направился к выходу.

Металл кипел, клокотал, переливался через край, — Ладо казалось, что во всей этой сумятице не было никакого смысла и порядка. Долго приглядывался, прислушивался к шуму и грохоту, пока стал замечать, что все здесь подчинялось одной воле, одной силе, и этой силой был человек.

К концу смены Ладо не чувствовал своих рук. Он старался, чтобы никто не замечал его усталости, хотел сразу стать нужным и полезным для всех. Бойкий, споривший Гиви Чхеидзе с первого взгляда понравился ему. А когда он смотрел на высокого и сильного Шота Варданидзе, такого молодого, что казалось, он только что из-за школьной скамьи, то даже испытывал к нему что-то вроде уважительной зависти.

Пот градом катился по лицу Ладо, стекал за шею, намочил рубашку. Но он не останавливался, пока низкий, протяжный гудок не возвестил окончание смены. Ладо вместе с ребятами вымылся в душевой, вместе с ними вышел из цеха, вместе с ними протянул пропуск охраннику в проходной. Постоянный пропуск на завод.

Он шагал рядом с новыми тозарищами, и ему казалось, что все вопросительно глядит на него: а, новичок! Ну как, выдержал? Не сдрейфил? Не собрался бежать?

Только сейчас замечает Ладо, что заводской широкий двор, расчерченный полосками пешеходных и автомобильных дорожек, аккуратно и заботливо ухожен, — это было заметно даже несмотря на то, что молодые елочки, газоны и небольшие скверики на пересечении дорожек были сплошь покрыты снежным покровом.

Идет Ладо, глядит по сторонам, словно только для этого и пришел сюда и единственное, чего ему хочется сейчас, это чтобы не попался навстречу кто-нибудь из прежних знакомых, — начнутся ахи-охи, как, да почему, да какими судьбами... Ну их!

Снег все сыплет и сыплет. Но он какой-то особенный, не такой, как там, на Севере, — пушистый, мягкий, ласковый.

Ладо вместе с новыми друзьями садится в автобус. На пятой или шестой остановке Гиви неожиданно приказывает:

— А ну, ребята, пошли!

И когда все спустились с автобуса, поясняет:

— Сегодня у нас не обычный день. Надо бы в честь знакомства хоть пообедать вместе, что ли!

У Ладо загорелись скулы. Он об этом как-то и не подумал, идя на завод. В кармане у него завалилась сиротливая пятирублевка, а тут... Он оглядел двоих попутчиков. Но и отказаться нельзя.

Они перебежали улицу, зашли в какую-то столовку. Если бы еще в центре города, а то тут — ни души знакомой.

— Ты чего загрустил, новичок? Может, торопишься куда?

— Никуда не тороплюсь. Пошли!

В столовой они занимают угловой столик, Гиви подзывает пробегающего мимо толстощекого молодого официанта.

— Сию минуточку, бегу! — Через мгновение все уже в порядке, Гиви распорядается как у себя дома:

— По бутылочку на брата и поест чего-нибудь!

— Сию минуточку, — опять пропел официант и исчез, как будто испарился в воздухе.

— Вот бы нам в цех такого шустрого, — сразу бы жирок сбросил, — засмеялся Шота. Он обращался к Ладо. «К нам в цех» — это и к нему!

Маленький столик заполнялся со сказочной быстротой: зелень, молодой сыр, соленья... Ладо в душе даже присвистнул — да, его пятью рублями тут не обойтись.

А Гиви уже ловко наполнял вином толстые праненные стаканы, подмигивая: извините, мол, за сервировку! — и поднял свой стакан.

— Ну, друзья, за наш сегодняшний день и наше товарищество!

Выпили, закусили.

Гиви самочинно возложил на себя обязанности тамады.

Ладо перестал дичиться, он даже думать позабыл обо всем на свете, просто ему сейчас было здорово хорошо с этими ребятами, такими простыми и веселыми, душевными и чуткими. Слушает он их, смеется вместе с ними шуткам, глядит во все глаза. Очень они ему нравятся оба. Так бы и дружить вместе всю жизнь.

Вот пришел черед новому гостю. Тамада стал необычайно серьезным и говорил долго, без шуток и улыбок, — это за Георгия Ломидзе. Удивился Ладо — а им-то откуда про него известно, что это за человек? Но недолго удивлялся, послушал, что говорили Гиви и Шота про Георгия, только головой покачал — и молча осушил свой стакан.

Потом пальцами показал официанту, который из другого угла неотрывно наблюдал за ними. — еще две бутылки. Гиви заметил этот жест, но ничего не сказал, — пусть парень пообвыкнет в новой компании, в конце концов не каждый день такое случается.

Вначале Ладо еще ощущал какую-то неловкость, все ждал настороженно — вот развяжет вино языки и начнут они у него исподволь выведывать: откуда, мол, объявился и в каких местах скитался. Но у ребят и своих дел предостаточно, как-то так получилось, что они больше о себе все рассказывали, а ему так ни одного вопроса и не задали.

Теперь уже у самого Ладо язык зачесался. От таких друзей ему нечего скрывать, пусть знают, с кем дело имеют, чтобы потом не жалеть. Но они и слушать ничего не желают:

— Нам тебя такой человек вручил, что больше никаких рекомендаций и рассказов не нужно. Все равно мы теперь должны быть до гроба вместе — и жить вместе, и работать вместе, и дружить, а случится стаканчик вина пропустить — тоже друг без друга чтоб ни глотка!

Вот какие дела.

Обнимаются, целуются, клянутся в вечной любви.

— Будь здоров, Ладо, со всей своей семьей!

— У меня из всей семьи — одна мать...

— Дай бог ей долгих лет жизни и здоровья.

— Спасибо! — Ладо растроган до глубины души. Он верит этим ребятам, Гиви и Шота, потому что это чудесные ребята. Нет, он должен, обязательно должен рассказать им горькую повесть своей жизни...

— ...Вот таким был я до сегодняшнего утра. А сейчас — решайте сами, как вам быть со мной. — Ладо смотрит на Гиви, смотрит на Шота, весь хмель без следа выветрился из его головы, и он ждет решения своей судьбы от этих ребят, которых вчера даже не знал, ждет самого главного приговора в своей жизни.

— Как сейчас мама? — спрашивает Гиви.

— Лежит.

— Лежит? А как же врачи, лекарства? Может, надо помочь...

— Сейчас она ни в чем не нуждается. Но мне кажется, что лучшим лекарством для нее было то, что я сегодня утром пошел на работу.

Молчит Шота, думает о чем-то.

Гиви вполголоса вспоминает свое:

— Детство у меня тоже не сладкое было. Сироте-мальчишке то один сосед горбушку хлеба отломит, то другой пол-лепешки мчади даст. Так и вырос. Все по дворам да по улицам. От тряпичного мячика ноги всегда в кровоподтеках и ссадинах были. А сейчас мои дети...

Он вспоминает про Ладо, хлопает его по плечу с силой.

— Знаешь что? Надо тебе жениться! Матери помощницу приведешь. А там и детинки запищат в колыбельке.

— Жениться? — Ладо поражен, он совершенно не ожидал такого поворота.

— А что? У нас на заводе девушек сколько хочешь, одна лучше другой — красавицы, королевы! Выбирай себе по душе — и все.

Все смеются. Снова беззаботное веселье царит за столом. Ладо тоже смеется — ему не надо больше слов, он все понял.

Пора подыматься. Официант суетится вокруг, громко щелкает костяшками на счетах. Ладо забеспокоился, потянулся к карману. Но Гиви объявил:

— Сегодня хозяином буду я. Вы — мои гости. Все!

Когда они вышли на улицу, снегопад уже прекратился. Усилившийся к вечеру холод подморозил кромку на тротуаре и приятно пощипывал разгоряченные вином щеки.

На углу трое друзей распрощались и пошли по домам.

Ладо осторожно открыл дверь в комнату, — может, мама задремала, не забудь бы. Бросил взгляд на кровать и остановился, пораженный. Там никого не было.

— Мама!

Из кухни послышалось постукивание палки. Осторожно опираясь на нее, вошла старая женщина. Улыбнулась ему.

— Я попробовала подняться, сынок. Дай, думаю, ужин приготовлю, — он с завода придет усталый и голодный...

Молча обнял Ладо мать. Поцеловал в лоб.

— Ты голоден, сынок? Поужинаешь?

— Обязательно, мама.

В тесной кухоньке, по обеим сторонам колченогого столика, застеленного торжественно-белой скатертью, сидели мать и сын. Ладо подробно рассказывал матери все события самого длинного дня в своей жизни.

...На следующее утро мать осторожно тронула его за плечо.

— Не опоздай, сынок! Я собрала тебе завтрак...

* * *

— Эй, Гордадзе, где ты так вымазался? — громко кричит Гиви Чхеидзе, обращаясь к Ладо. — Иди почищу.

— Ничего, сойдет и так.

— Иди, иди. А то начальство идет. Увидят — заругают.

Ладо оглянулся и неизвестно почему вдруг подбежал к Шота, который, склонившись над опоккой, старался приподнять ее.

— А ну, Шота, взяли.

Вдвоем они быстро подняли тяжелую форму.

По цеху шли Георгий Ломидзе и Владимир Джугели.

— Кто этот второй? — крикнул Ладо, тяжело переводя дыхание.

— Джугели, секретарь парткома.

Алый отблеск раскаленного металла накладывал свой огненный отпечаток на все вокруг — на формы, на изложницы, на рабочих в масках, — казалось, все было охвачено пожаром.

В литейном цехе не говорят, а кричат.

В литейном цехе не ходят, а бегают.

Вы не встретите здесь спокойно передвигающегося человека. Рослые, крепкие парни, похожие на кузнецов из древних мифов, пронесются мимо, не оглядываясь, спеша по своим срочным делам.

Цех живет, кипит, бурлит, горит, — горячий цех, огненный цех.

Георгий и Владимир смотрят на эту пеструю, но упорядоченную рабочим ритмом сумятицу красок, звуков, движения.

Ладо оглядывается на пришедших, отирает рукавицей пот с лица, с шеи, с затылка. Он видит, что Георгий наклонился к Гиви Чхеидзе и что-то кричит ему на ухо, тот приложил ладонь к уху, — чтобы лучше слышать, — и смеется во весь голос, хотя голоса и не слышно, виден только широко открытый рот.

Искры осыпаются вокруг Ломидзе, попадают ему на брюки, на костюм. Ладо подошел и встал между ним и огнем. Никто не заметил этого его движения, и Ладо рад, что никто не обратил на него внимания. Теперь Георгий наклонился вперед, к Ладо, обхватил его за плечи, что-то прокричал. Ладо не расслышал, что, но все же согласно кивнул головой. Георгий рассмеялся.

ДАЛЕКОЕ И БЛИЗКОЕ

Гоги Ломидзе готовил «Риони» к испытаниям. Целыми днями крутился он возле небольшой, изнурительной машины, даже не похожей на обыкновенный трактор. Все реже и реже находил он время для того, чтобы повидаться с отцом и Мариной.

Комиссия должна была провести испытания нового трактора, но несколько раз дата передвигалась. Сам Гоги, проверяя творение своих рук в работе, не был полностью удовлетворен, — что-то мешало трактору быть таким маневренным и подвижным, как он предполагал. Но что — он никак не мог понять. Долго бился Гоги, вновь разобрал машину, проверил в отдельности все узлы, передачи, связи, гонял мотор на максимальных оборотах. Решение задачи не приходило. Гоги снова собирал машину, садился за рычаги и осторожно водил ее по испытательной площадке, прислушиваясь к каждому звуку, приглядываясь к каждому движению — так мать следит за первыми шагами своего младенца. Площадка почти всегда была полна людей — у «Риони» с самого начала появилось много доброжелателей, и все они заинтересованно наблюдали за его первыми прогона-

ми, старались вместе с Гоги обнаружить причину, задерживающую его выход в поле.

С главного конвейера равномерным потоком сходили все новые и новые партии грузовых самосвалов — мощных, грузных, по-своему красивых и привлекательных. Завод жил привычной, размеренной жизнью.

Но маленькая машина, созданная Гоги, уже заняла свое место в этой жизни гигантского предприятия. Директор торопил с испытаниями, главный конструктор назначал сроки приема машины, но Гоги казалось, что еще день-другой позволят ему довести «Риони» до окончательного совершенства, устранить последние недоделки.

Гоги с этими испытаниями совсем заматался. Выбегая на минутку с испытательной площадки — поесть или забегать домой, — он нарочно обходил стороной помещение детского сада, где работала Марина. Но девушка иногда сама забегала к Гоги и прямо-таки насильно вытаскивала его — в театр или в кино, или просто так погулять на воздухе. Гоги вначале пытался сопротивляться — ему дорога была каждая минута, но Марина не отступала:

— Ты, верно, хочешь, чтобы на первом же «Риони» повезли труп его создателя.

Захаживал поглядеть на «Риони» и Георгий Ломидзе, но он старался выбрать такое время, когда Гоги отлучался от своей машины. Ломидзе-старший долго ходил тогда вокруг трактора, осматривал, выслушивал его, как опытный врач пациента с непонятым диагнозом, что-то помечал в своем блокноте...

Однажды Георгий мимоходом заглянул в редакцию заводской многотиражки. На столе лежали свежие корректурные отписки очередного номера. Георгию бросилась в глаза большая фотография трактора-малютки в верхнем углу полосы и статья о нем. Он молча пробежал статью, похмыкал, тряхнул седой головой и заглянул за дочку переулку, к редактору.

— Тут у вас статья идет об инженере Георгии Ломидзе. Нельзя ли указать отчество. Не то весь свет будет думать, что это обо мне!

— Статью выправили здесь же, при Георгии.

— Так будет лучше, — сказал он и, поблагодарив редактора, вышел. Георгий торопился — сейчас особенно заметна была его хромота — он спешил в цех, где работал Гоги. Но того не оказалось на месте — срочно вызвали к директору.

— Здравствуйте, уважаемый Георгий, — услышал он знакомый голос. Это был Сандро Мелия.

— Куда торопишься, Сандро?

— К директору. Еду в Москву! — гордо сообщил Мелия.

— Самолетом или поездом?

— Поездом, только поездом! Предпочитаю, если что, погибнуть на земле, как-то, знаете, приятнее, чем гореть в воздухе.

Георгий улыбнулся.

Уж очень потешным казался этот маленький снабженец, который, задрав петухом голову, важно шагал по двору с огромным красным портфелем под мышкой.

Проследив за Сандро, пока он не скрылся, Георгий покачал головой и пошел дальше.

А Сандро...

Сандро Мелия на этот раз не соврал. Он действительно уверенно толкнул обитую дерматином дверь в директорскую приемную, просунул голову, огляделся. Сердце его стучало, как у юноши в час свидания, — он так давно не видел Лалису и вот теперь...

За секретарским столом сидела незнакомая девушка и перебирала бумаги.

«Уж не заболела ли Лалиса? А может, ее перевели?..»

Он кашлянул, чтобы привлечь к себе внимание.

— Простите, но где же?..

— Лалиса? Она в отпуске, поехала в Москву к сестре.

— В Москву?! — Сандро чуть не плясал от радости.

— Да, там у нее сестра. А вы хотели что-нибудь?..

— Когда она уехала?

— Вчера. — Девушка удивленно смотрела на странного посетителя.

Зашевелился Сандро, меньше чем за час выправил себе все командировочные документы, забежал домой к Лалисе, ловко выведал у ее отца адрес московской сестрицы и... покатыл к аэропорту.

«Будь что будет! Весь мир летает самолетом, не на мне же свет клином сошелся. Нужно спешить — сейчас или никогда. Она может и не задержаться в Москве, уехать, пока я поездом дотащусь. А тут — самолетом р-р-раз! Здравствуйте, Лалиса, вот и я, Сандро. Не ждали? Обрадуется она, увидав его, или

рассердится? Впрочем, чего ей сердиться... Подарками закидаю, по театрам музеем водить буду, сестру задобрю грузинскими гостинцами...»

Сандро срывается с места еще до того, как машина полностью останавливается, и стремглав мчится к билетным кассам. Через минуту он нетерпеливо шагает по аэродромному скверу в ожидании вылета самолета. А мысли его — неотступно там, в Москве, с Лалисой.

«Почему она уехала? Вот так, сразу, не предупредив никого?.. Простое путешествие? Или желание уйти, скрыться, исчезнуть с глаз равнодушного, холодного к ней Гоги?.. Если так, то надо воспользоваться этим настроением девушки и... кто знает! Нет, скорее в Москву...»

Сандро достал из кармана платок, развернул его и аккуратно вытер шею. Он весь вспотел. Отчего? От всех этих назойливых мыслей, которые беспокойно надвигаются все ближе и ближе. Но назад дороги нет. Сандро опасно поглядел в сторону аэродромного поля. Там, у самой его кромки, красивой шеренгой выстроились рядные самолеты, которые издали казались какими-то ненастоящими, игрушечными. Он отвернулся. И сразу бросилось в глаза другое: какая-то старушка, скрюченная в три погибели, сидела в тени дерева на краю скамейки, опираясь на палку.

«И эта карга самолетом лететь собирается?»

Сандро в сердцах сплюнул.

Объявили посадку на Москву.

К зданию аэропорта подкатил небольшой автобус. Пассажиры заторопились к нему. Какой-то молодой человек подхватил старушку на руки и прямо внес в автобус. Та подчинялась безропотно, без малейшего признака страха. Сандро, махнув рукой, шагнул за ней и уже через несколько минут обреченно шагал по самолетному трапу.

«Думай о Лалисе, — внушал он себе, — думай о ней, и ты позабудешь все страхи».

И впрямь в каждой женщине, которая поднималась вместе с ним в самолет, ему чудилась Лалиса, ее улыбка и легка окропленное веснушками лицо.

Мелия отыскал свое кресло, пролез к оконному иллюминатору, глянул на землю: «Кто знает, может, в последний раз!»

Пассажиры расселись по местам. Загудел мотор. И эхом загудело сердце Сандро. Самолет вперевалочку покатился по полю, потом прибавил скорость, еще, еще! Двигатели взревели и... тряска вдруг прекратилась.

«Все», — пронеслось в голове перепуганного Мелия. Он осторожно глянул в окно и увидел, что земля уходила все дальше и дальше вниз.

Он уже не помнил ни о чем на свете, ни о Лалисе, ни о старушке, которая уселась впереди, наискосок от него. Он заставил себя открыть глаза, огляделся кругом. Пассажиры спокойно беседовали о чем-то, неслышном за гулом моторов, смеялись, шутили, а кое-кто даже успел задремать. Будто под ногами у них не тысяча метров пустого пространства, а прочный, надежный пол собственной квартиры!

Вот прямо перед ним какой-то высохший, как тарань, мужчина рассказывает соседке смешные анекдоты, и так весело этой женщине, так весело! Она так хочется, что все обращают на нее внимание, а из двери кабины выглядывает стюардесса посмотреть, что за шум в салоне.

Злость распирает Сандро, его так и подмывает перегнуться через спинку кресла и сказать им, этим весельчакам, что-то такое, чтобы они сразу вспомнили, где находятся.

А старушка-то, старушка! Разложила на коленях какие-то кульки, свертки, банки, вынула припасенную из дому снедь и преспокойно закусьивает.

Эх, глядеть на все это противно! Сандро зажмуривается: может, ему удастся задремать. Если быть чему, так уж пусть лучше случается во сне. Но нет, не суждено ему избавиться от мучений. Только забылся на минутку, острая боль в ушах заставила его подскочить на месте. Что-то звенело, жужжало, пищало. Разве заснешь!

Худой мужчина протянул ему кисленькую карамельку. Сандро уже не в силах произнести что-нибудь — отказать или поблагодарить. Он безропотно кладет карамельку в рот, начинает сосать. И постепенно шум в ушах утихает, как будто вынули из них ватные тампоны, и он уже различает звуки, слышит голоса!

Мужчина-«тарань» (Сандро все еще злится на него, хотя и сам не знает отчего: ведь именно этот тип и спас его своей карамелькой) как ни в чем не бывало продолжает развлекать соседку всякими забавными историями. Мелия прислушивается.

— Пошли мы на взлет. Теперь-то, успокаивают нас служащие аэродрома, с вами ничего больше не случится, обязательно полетите. — Тонкий, визгливый, как у женщины, голос «тарани» прямо ввинчивается в уши Сандро. — И действительно — взлетели. Летим час, другой, третий... Уже давно Москве пора быть, а мы все летаем по небу. Наконец, садимся. Где, как бы вы думали? В Москве? Во Внуково? Как бы не так! Мы опять в Тбилиси. Потом выяснилось, что Москва не приняла наш самолет и пришлось возвращаться обратно. Смешно?.. Я чуть в обморок не упал от всего этого...

Близок к обмороку и Сандро.

«Боже, долететь бы до Москвы благополучно, а там...»

Он и сам не знает, что будет там. Но на всякий случай привстает и пересаживается со своего кресла на свободное соседнее — все же от окна подальше.

Наконец, самолет сел. Пассажиры начали собирать ручную кладь, затолпились в проходе. «Москва», — догадался Сандро и гордо расправил плечи. Как ни говори, а он прилетел в Москву. Самолетом. По воздуху.

Сев в такси, он помчался в гостиницу, где останавливался всегда, когда случалось приезжать в Москву. Здесь его знали, знакомая администраторша не заставила ждать, как других, а сразу оформила номер из каких-то своих секретных фондов.

Теперь уж Сандро Мелия совсем преобразился: знай, мол, наших!

У себя в номере он помылся, прилег на свежезастланную кровать и начал строить планы своей близкой встречи с Лалисой. Потом, не выдержав бездействия, вскочил, принарядился, на скорую руку перекусил в буфете, прямо здесь же на этаже.

Через несколько минут он уже сидел в такси и ехал по адресу, который раздобыл у отца Лалисы. Машина остановилась около большого многоэтажного дома.

Когда открылась дверь, ему показалось, что перед ним стоит Лалиса, и он глупо улыбнулся — от неожиданности. Но Сандро сейчас же понял свою ошибку — женщина, которая стояла перед ним, была очень похожа на Лалису, но это была не она.

— Вам кого? — по-русски спросила его сестра Лалисы.

— Извините меня. — Сандро предпочел отвечать по-грузински, так он чувствовал себя свободнее. — У вас должна проживать моя приятельница и мне очень хотелось бы повидать ее.

— Вы хотите видеть Лалису? — теперь и хозяйка перешла на грузинский язык.

— Да, да, Лалису! А вы ее сестра, если не ошибаюсь?

— Заходите, пожалуйста, Лалиса, к тебе.

Щеки Сандро пылали: что, если увидев непрошеного гостя, девушка сразу же прогонит его и опозорит навечно?

В конце узкого коридора показалась Лалиса — как видно, она собралась куда-то выходить и специально принарядилась.

— Сандро? Какими судьбами!

Тысячи роз распустились в душе Сандро Мелия! Даже в самых смелых мечтах не мог он рассчитывать на такой радушный прием.

Лалиса улыбается, она искренне рада, что видит Сандро, и не скрывает этого. А он стоит дурак-дураком в дверях и не может сделать ни шагу. Девушка сама берет его за руку, тащит за собой в комнату.

Но что это происходит с нашим известным говоруном и краснобаем, всегда разговорчивым Сандро Мелия? Уж не про него ли известно всему свету, что он за словом в карман не лезет? Он еле-еле заставил себя пробормотать в ответ:

— Я знал, что вы в Москве... И вот... Решил повидать...

— Заходите, заходите...

Да, ему здесь рады. Лалиса, не выпуская его руки, завела в комнату, усадила, сама устроилась напротив. Ее сестра, увидев, что пришел желанный гость, занесла вазу с фруктами, непечатую бутылку коньяка, расставила на столе рюмки.

— Ну как там наш Кутаиси, не скучает без меня?

— Про весь Кутаиси не скажу, а на заводе многие скучают, спрашивают, вспоминают...

— Правда? — радостно удивляется девушка.

— Истинная правда!

Сидит Лалиса в низком кресле прямо напротив него, положила ногу на ногу, так что из-под платья обнажилась белая коленка. И Сандро прямо глаз не в силах отвести от этой коленки, ну никак заставить себя не может и все! И это еще больше смущает его, всегда такого бойкого и самоуверенного.

Он молча, без тоста, отхлебнул коньяк из своей рюмки. Хозяйка тотчас снова наполнила ее.

Сидит Сандро с рюмкой в руках и растерянно переводит взгляд с одной сестры на другую. Обе похожи друг на друга, как две половинки разрезанного яблока. Уж не близняшки ли они?

Он постепенно приходит в себя, успокаивается. Даже находит в себе силы произнести самым светским тоном:

— Вы, кажется, куда-то собирались? Умоляю вас, из-за меня не меняйте своих планов, я буквально на минутку...

— Мне не к спеху, — отвечает Лалиса.

И действительно, спешить ей некуда. Она собралась пойти в одно место, но придет она туда в семь часов или в девять — никакой разницы. Лалиса не признается себе, но она даже довольна этой отсрочке, потому так и обрадовалась неожиданному визиту кутаисского знакомого...

Перед самым отъездом в Москву она сумела, наконец, преодолеть свою нерешительность, заставила себя разыскать заброшенные в дальний угол письменного стола письма, адресованные Георгию Ломидзе, и вскрыла их.

Вскрыла и прочитала.

Некая Тамара Родионова, та самая, что писала эти письма, была, судя по всему, давней приятельницей Георгия Ломидзе. Но по письмам явствовало и то, что их отношения были чем-то осложнены и так запутаны, что и самой Тамаре нелегко было разобраться в них.

Но кому же адресованы эти письма?

Которому Георгию Ломидзе?

Лалиса так и не сумела найти ответа на этот вопрос. Но она вычитала в письмах нечто такое, что могла при случае использовать на пользу себе. И вот она, с письмами в кармане, отправилась в Москву, твердо решив разыскать Тамару Родионову и познакомиться с ней.

Лалиса еще вчера нашла этот огромный дом возле Даниловского рынка. Свернулась с адресом на конверте — да, все правильно, это здесь. Но зайти к Родионовой она так и не решилась, походила по тротуару и ушла, твердо пообещав себе непременно вернуться на следующий день.

И вот — Сандро. Вначале она обрадовалась ему, как возможности еще хотя бы ненадолго отложить задуманный визит, а потом ей в голову пришла мысль: «Что, если и его взять с собой? Может, пригодится в чем-нибудь...»

— Пейте, Сандро.

— Боюсь, опьянею.

— Ну и что ж, вы же не у чужих!

Сандро выпил.

Двум рюмочкам коньяка не одолеть бы, конечно, Мелия. Но перегруженный и утомленный впечатлениями беспокойного дня, возбужденный встречей с Лалисой, он чувствует, что у него и впрямь кружится голова. Приятная расслабленность охватывает его, и голос Лалисы доносится откуда-то издали, как бы через плотную завесу.

— Я собиралась зайти к одной знакомой, — осторожно говорит девушка.

— Не буду вам мешать. — Сандро выбирается из глубокого кресла, встает. — Если позволите навестить вас завтра...

— А что, если нам пойти вместе?..

Это уже чересчур. Слабое сердце Сандро Мелия может не выдержать такого обилия неожиданностей и разорваться! Да, очень просто, разорвется и все... Инфаркт миокарда, как сейчас говорят.

— Может, это будет не очень удобно?

Но Лалиса не склонна менять своего решения:

— Я и сама туда иду впервые, так что ничего неудобного... Наоборот, я буду очень благодарна...

— С вами — на край света!

Лалиса поднялась.

Машина мчала Лалису и Сандро к Даниловскому рынку. Девушка была заметно оживлена, болтала, не умолкая, рассказывала, где она успела побывать и что повидать за дни пребывания в Москве. Большой театр... Кукольный театр Образцова...

Сандро с видом знатока одобрительно кивал головой. Но в душе он ругал себя последними словами. Еще бы, уж он ли не бывает в Москве, — почти каждый месяц, — а пойти хоть разок в театр — даже в голову не приходило, все по магазинам да по ресторанам таскался. А теперь вот с культурной девушкой и поговорить не о чем, кивай головой, как китайский болванчик, — и все!

Лалиса показала шоферу, где остановить машину.

Поднялись по лестнице, отыскивали нужную дверь. Лалиса, поколебавшись мгновение — Сандро даже не заметил ничего, — нажала кнопку звонка.

Через минуту дверь открылась. Перед ними стояла высокая седоволосая, но еще по-молодому стройная женщина, очень привлекательная на вид. Она удивленно разглядывала пришедших:

- Вы ко мне?..
- Мы хотим видеть Тамару Родионову.
- Это я.
- Вы?
- Да, Тамара Родионова — это я. Заходите.

Лалиса не знала, как скрыть смущение.

— Мы к вам на минутку.

— Пожалуйста, заходите в комнату. — Женщина прошла в комнату, жестом приглашая гостей следовать за собой.

Сандро, который и без того еле сдерживал любопытство, с интересом оглядывался вокруг. Комната была убрана со старинной московской роскошью, обставлена тяжелой резной мебелью. Ему казалось, что он попал в музей. Сандро нерешительно топтался в дверях, поглядывая на Лалису: что, мол, дальше делать?

А хозяйка провела гостей в другую комнату, предложила низкие покойные кресла. Усевшись сама, она вдруг спросила:

— Вы из Грузии?

Лалиса от неожиданности подскочила на месте. Сандро смешно вытаращил глаза и уставился на хозяйку: Тамара Родионова произнесла эти слова по-грузински, с еле приметным акцентом.

— Вы знаете грузинский? — вырвалось у Лалисы.

— Знаю, — спокойно ответила Тамара. — всю жизнь я посвятила изучению языков народов Кавказа. А грузинский знаю даже лучше других, — на это есть свои причины. — На губах Тамары играла еле приметная, но от этого еще более привлекательная улыбка. И не понять было, чему же улыбалась — то ли каним-то своим далеким воспоминаниям, то ли растерянному виду Сандро Мелия. Потом она тряхнула головой — Лалисе это движение показалось удивительно знакомым, но девушка никак не могла вспомнить, откуда оно ей было знакомо, — и спросила:

— Чему я обязана вашему посещению?

Лалиса окончательно растерялась, словно не ждала, что придется отвечать на такой прямой вопрос. Она не знала, что сказать, беспомощно посмотрела на Сандро, как будто молила: помоги, скажи что-нибудь! Но тот и сам чувствовал себя не в своей тарелке и не знал, куда деваться от смущения. Наконец, он протянулся за альбомом, который лежал на круглом столе, и стал разглядывать фотографии. Потом спохватился и с опозданием попросил у хозяйки позволения.

Тем временем Лалиса немного пришла в себя, ей показалось, что она нашла наконец, с чего начать разговор:

— Мы из Кутаиси. Вы слышали о таком городе?

— Кутаиси? — Тамара с интересом поглядела на девушку. — Конечно, слышала.

— Простите, пожалуйста, за такой детский вопрос. Ну кто не слышал про Кутаиси! Мы с Сандро работаем там на автозаводе... — Девушка внимательно наблюдала за Тамарой, и ей казалось, что прямо на глазах лицо женщины покрылось мертвенной бледностью, выдававшей внутреннее волнение.

Сандро, позабыв про свой альбом с семейными фотографиями, который он продолжал безотчетно листать, весь обратился во внимание. Такое начало разговора насторожило его.

Девушка между тем говорила все спокойнее.

— Я работаю личным секретарем у директора. Принимая дела, я обнаружила в своем письменном столе ваши письма...

— Да, да, я писала туда, — голос Тамары дрогнул.

— Видать, ваши письма не дошли до адресата.

— Я получила телеграмму, что человек, которому я писала, на автозаводе не работает, но письма мои не вернули.

В это время Сандро наклонился к Лалисе и взял ее за локоть. Когда девушка посмотрела в его сторону, он молча показал глазами на какую-то фотографию в альбоме.

— Гоги Ломидзе?! — воскликнула пораженная девушка. — Откуда он здесь?

Да, с карточки улыбался Гоги Ломидзе в форме капитана. Но приглядевшись, Лалиса поняла, что на фотографии был изображен не сын, а отец, еще молодым, совсем юным офицером. Это был Георгий Ломидзе-старший.

— Наш Георгий, — подтвердил ухмыляясь Сандро, — наш главный механик.

Взглянув на Лалису, он по ее виду сразу догадался, что сболтнул что-то лишнее, и прикусил язык. Про себя же решил, что с этого мгновения не произнесет ни слова, а будет только подтверждать все, что бы Лалиса ни сказала. Он заговорчески улыбнулся девушке, подмигнул: все, мол, понял.

Тамара быстро подошла к гостям, взяла альбом в руки.

— Так, значит, Георгий Ломидзе работает у вас!

— Да, — кивнула Лалиса.

— Для чего же понадобилось кому-то обманывать меня?

— Возможно, что в то время Георгий Ломидзе еще и не работал на заводе, так что вины того человека, который посылал вам телеграмму, может быть, и нет.

— Где же Георгий работал до того?

— Не могу вам сказать. Теперь же он — главный механик у нас, его знает и уважает весь завод.

Тамара Родионова вытасила фотографию из надрезов альбомного листа и вертела ее в руках. Лалиса успела заметить на обороте карточки какую-то надпись. Приглядевшись, разобрала:

«Дорогой Тамаре от Гоги Ломидзе. 1940 год».

Попросив у гостей извинения, хозяйка торопливо вышла из комнаты.

— Видите, что происходит? — повернулась Лалиса к Сандро.

— Вижу, но ничего не понимаю. Сизу и поражаюсь.

— Главное, не сказать ничего лишнего.

— В этом отношении можете положиться на Сандро Мелия — могила!

Высоко неся седую голову, в комнату вернулась Тамара с большой вазой фруктов в руках. Потом достала из буфета несколько бутылок и бокалов, расставила все на круглом столе. Сандро с одного взгляда отметил про себя: коньяк, ликер, шампанское...

— Не беспокойтесь, уважаемая Тамара, — замахала руками Лалиса. — Мы на минутку, сейчас бежим.

— Что за беспокойство, дорогая. Вы сегодня принесли мне такую радость... Я считала, что окончательно потеряла того человека. Человека, который для меня... Подсаживайтесь к столу, выпьем по бокалу шампанского за вашу прекрасную Грузию.

Она ловко раскупорила шампанское, подержала бутылку горлышком книзу, чтобы отошла пена, разлила по фужерам.

— Меня многое роднит с вашей страной. В Тбилиси бывала, ездила по районам. И самое главное — меня с Грузией облизало счастье. Недолгое, но настоящее счастье... Мне никогда в жизни не забыть ваш край. Пусть живет и цветет он во веки веков!

Сандро благодарно поклонился и взял фужер:

— Да вы заправский тамада! Никогда бы не подумал, что услышу здесь настоящий грузинский тост, да еще произнесенный на таком хорошем грузинском языке. Мы от души благодарим вас за теплые слова о нашей родине. — Сандро гордо поглядел на Лалису: и мы, мол, тонкое обхождение знаем, перед людьми лицом в грязь не ударим.

Тамара задумалась на мгновение, потом, приняв какое-то решение, сказала:

— Вы, земляки и друзья Георгия, имеете право знать историю моей жизни. Только давайте предварительно познакомимся по-настоящему, а то ведь я даже не знаю ваших имен.

— Лалиса, Беридзе Лалиса, — как-то по-школьному назвалась девушка.

— Сандро Мелия, — по-военному представился мужчина.

— Ну вот, теперь мы знакомы... Так вот, Лалиса и Сандро, поймите меня: сегодня у меня день большого счастья, я просто не могу молчать, мне необходимо поделиться с кем-нибудь своей историей... Правда, все это дела давно минувших дней и к тому же — очень личные, может, вам вовсе не интересно будет слушать все эти признания пожилой женщины.

— Что вы, что вы, — с искренней заинтересованностью перебила ее Лалиса и сама застыдилась своей смелости.

Тамара улыбнулась ей.

— Итак, друзья мои... Ведь мы непременно будем друзьями, не так ли?

Мне припомнилась сейчас последняя наша встреча с Георгием — тогда для меня он был просто Гоги. Это было в июне 1941 года, в первый день войны. Все кругом было охвачено пожаром, и огонь пожара горел в моем сердце. Гоги Ломидзе служил в одной части с моим зятем — мужем сестры, полковым комиссаром. Они очень дружили... Там мы и познакомились, в семье моей сестры. В первый раз я увидела его... Впрочем, это вам, конечно, скучно слушать! Я жила в Москве, но пользовалась малейшей возможностью, чтобы, отпросившись на работе, поехать повидаться с ним. Так было и в то утро, проклятое утро 22 июня, Георг-

гий встречал меня на вокзале. Но я уже не смогла выйти из вагона: станция горела, кругом был настоящий ад, самолеты пикировали на самые дома, сея ужас и смерть. Тем же поездом мы вырвались обратно. Тогда я в последний раз видела Георгия, хоть и издали, из вагона... А потом потеряла его. Со мной осталась лишь дочка, моя маленькая Марийка. Да и с ней мы были вместе недолго. Новая бомбежка, и я лишилась дочери...

Тамара замолчала. Потом, проведя ладонью по глазам, словно отгоняя темные призраки прошлого, продолжала:

— С тех пор прошло двадцать лет. Двадцать лет я разыскивала Георгия и свою Марийку. Двадцать лет — днем и ночью, в будни и праздники... И вот — такое счастье — сегодня вы принесли мне весть о Георгии. И еще... Не знаю, можно ли верить в это, но мне кажется, что я напала и на след дочери... — Даже эта суровая, сдержанная женщина не смогла удержать слез и отвернулась, чтобы гости не заметили ее слабость.

— Вы нашли дочь? — всплеснула руками Лалиса.

— Не знаю, нашла ли, но сердце подсказывает, что я напала на верный след. И знаете, что самое поразительное? Мне кажется, что и она должна жить у вас, в Грузии.

— Не может быть... — Лалиса не могла прийти в себя от удивления. В ее ушах все еще раздавался ровный, сдержанный голос этой удивительной женщины: «Двадцать лет... Георгий... Марийка...»

Мария?

— Вы уж извините меня, заморочила вам голову своими воспоминаниями и переживаниями! — Тамара улыбнулась. — Только с кем еще мне было поделиться своими надеждами и радостями, если не с вами. Вы-то меня поймете. Хотя бы потому, что знаете Георгия... — Каждый раз, когда она произносила имя Георгия, глаза ее начинали блестеть каким-то удивительным блеском, словно к ним подступали слезы, и женщина только усилием воли сдерживала их.

Лалиса достала платочек из сумки и всхлипывала без всякого стеснения.

— Так вы говорите, что и дочь ваша может оказаться в Грузии?..

— Мне сообщили, что несколько лет она воспитывалась в Тбилисском детдоме. Правда, потом слезы ее затерялись, но достаточно и того, что у меня в руках конец нити, теперь я не выпущу его.

Не знает Лалиса, что ей сылят все те новые сведения, которые свалились на нее, как снег на голову. И насколько оправданы ее подозрения. Что из всего этого может выйти? Кто знает... Но за Тамару она искренне рада:

— Поздравляю вас от души и желаю удачи!

— И я тоже присоединяюсь, — решил наконец напомнить о своем присутствии Сандро, окончательно сникший и ступевавший от всего происходящего.

Лалиса сердито глянула на него, словно ей было неприятно, что он даже эти несколько слов произнес без ее разрешения. Потом вновь повернулась к хозяйке:

— Очень рада за вас и еще раз желаю счастья. Вы его достойны.

— Эх, дорогая, запоздало мое счастье, задержалось в дороге. Но скажу по совести, очень я рада, что вы принесли мне сегодня хорошие вести.

Поднявшись с кресла, Лалиса обняла обрадованную неожиданным счастьем женщину.

— Двери этого дома всегда открыты для вас как для самых дорогих гостей! — Тамара снова стала разливать в фужеры шампанское.

— Ох нет, ради бога, больше не наливайте, не то мы с моим кавалером до дому не доберемся. — Лалиса замахала руками и смеясь посмотрела на Сандро.

Тот вообще уже не мог понять, что от него требуется, и сидел, окаменев, в своем кресле.

Тамара поглядела на Лалису, потом на Сандро, но ничего не сказала. Потом твердо, не терпящим возражения жестом вручила гостям фужеры с вином.

— Ну, раз уж я сегодня за тамаду, хочу выпить за вас и заверить, что всегда рада буду видеть вас. Уеду я не раньше, чем через неделю, и очень прошу вас прийти еще хоть раз за это время. От души...

— Постараемся прийти, Сандро, не так ли?

Мелия с готовностью закивал, подтверждая слова Лалисы:

— Как же, как же, обязательно постараемся.

От радости он не чуял ног под собой: они с Лалисой уже принимают совместные приглашения! Неотрывно глядя в глаза своей повелительнице, он пытался предугадать любое ее желание, чтобы не попасть впросак и не вызвать ее гнев.

Проводив гостей до лестницы, Тамара вновь обняла и расцеловала Лалису, повторила приглашение заходить.

Сандро на прощание еще раз щелкнул каблуками и бросился останави-
вать проезжавшее такси. Но Лалиса удержала его:

— Лучше пройдемся пешком.

Молча шагая рядом с Сандро Мелия, она снова и снова вспоминала все, что
узнала сегодня.

На небе Москвы мерцали звезды.

Тихо покачивали ветвями-лапами молоденькие сосенки вдоль тротуаров.

Откуда-то сверху из открытого окна доносились негромкие переборы гита-
ры, кто-то напевал «Подмосковные вечера», и примолкшая улица прислушивалась
к тихой песне.

Раздался перезвон кремлевских курантов.

Лалиса прислушалась, стала считать про себя: «...восемь ...девять ...десять!»

Сандро семенил рядом с девушкой, придерживая ее под руку и заглядывая
в глаза, но все же не решался первым заговорить с ней. Каким-то шестым чув-
ством, интуицией человека, привыкшего подстраиваться к любому собеседнику,
он понимал: Лалисе сейчас не до него. Думает ли она о сокровенном? Или отда-
лась мечтам? И есть ли в этих мыслях и мечтах место для него, Сандро? Не зря
эта встреча, и радость при виде его, и откровенное внимание — и там, в доме
сестры, и у Тамары Родионовой...

Он снова взглянул сбоку в глаза своей спутнице. Да, несомненно, в ее душе
сейчас происходит что-то необыкновенное, хоть она и старается не выдать своего
волнения.

«Тамара и Георгий»... — думала между тем Лалиса. — Что было между ни-
ми? Простое знакомство, увлечение?.. Или даже любовь? Может, они даже были
мужем и женой. Иначе чем объяснить волнение и радость этой сдержанной жен-
щины, слезы в ее глазах, дрожь в голосе каждый раз, когда ей приходилось про-
износить имя Георгия. Гоги... Для нее он был просто Гоги! Она и сейчас необык-
новенно красива и привлекательна — настоящая русская красавица, величая,
прекрасная. А двадцать лет назад... Да, несомненно, их объединяло нечто боль-
шее, чем просто дружба.

И вот сейчас она нашла его, разыскала потерянного в военной буре. И его,
и дочь... Марийка, Мария. Или...»

Одна странная, неожиданная мысль давно уже преследовала Лалису, и сей-
час, после встречи с Тамарой Родионовой, засверлила мозг с новой силой.

Как-то раз, сидя в скверике, что недалеко от их завода, Лалиса случайно
услышала беседу двух воспитательниц детского сада, которые вывели своих детей
на прогулку. Тогда она даже не обратила на это особого внимания, но потом
вспомнила, и вот сейчас...

— С детьми надо говорить на хорошем грузинском языке, чтобы они с ма-
лых лет привыкали к правильной речи, — наставляла одна из них другую, по-
моложе. — Вот наша Марина, хоть и русская, а как прекрасно говорит по-гру-
зински! Не сюсюкает, не ломает языка, чтобы ребятам понравиться, учись!

«Марина — русская».

Чего только не представит взбудораженное воображение... Впрочем,
случается, что жизнь обгоняет самую необузданную фантазию! И упрямая мысль
бьется в виске, не хочет отступить.

«Русская девушка Марина...»

«Марийка — Мария — Марина...»

«Русская девушка Мария...»

«Марина — Мария — Марийка...»

Пораженная девушка сбилась с шагу, споткнулась, чуть не упала, но Сандро,
как многоопытный кавалер, вовремя пришел на помощь, поддержал под локоть.

— Что с вами, Лалиса?

— Ничего! Ничего...

«Надо немедленно ехать в Кутаиси. Надо...»

Окончание следует

СНЕГ

Б. Ахмадулиной

Было утро.
Самый обычный день
утло
в комнатах занимался.
Чередю самых обычных дел
спозаранку он занимался.
Как обычно,
гостей принимали мы.
(День был в шторах,
он брезжил, зыбкий.)
Ты пришедшим
светила из полутьмы
утомленной полуулыбкой..
И как раз в это время
ринулся он
всеобъемлюще
и прозрачно —
потолок
раздвинулся
в небосклон,
и окно
разрослось
в пространство!
Он людей вокруг себя собирал,

был у всех на устах
и таял,
шел и пел,
и сам себе подпевал
и, как пешки, деревья ставил..
И как добрый гений неба и птиц,
просветленный, городом
шел он,
и глаза всех встречающих
глядели с лиц
ясно так
и так отрешенно..
И когда я смотрел на тебя, мой друг,
его голос звучал мне с неба.
И я знал тогда, что однажды вдруг
рано утром
не станет снега.
Так и вышло.
Самый обычный день
сто забот принес самовольно,
и прощально
бежала по крышам
тень
улетающего самолета..

* * *

Женщина лежала на песке.
От нее цепочкой шли следы.
Белый город брезжил вдалеке.
Чайка шла степенно вдоль воды.

На веранде пили моряки,
поднимали взгляды от столов.
С кружками в руках, как знатоки,
наблюдали женщину без слов.

Солнце грузно шло за окоем,
багровела неба полоса,
пахло рыбой, солью и вином,
в отдаленье пели голоса.

Моряки, привычные к беде,
пили крепость шторма цвета слез.

...Мокрые следы веди к воде
или вводили в царство грез..

Таял в море крохотный карбас.
Таял порт в сиреновом гудке.
И никто не грезил в этот час —
женщина лежала на песке!

И, вообразив ее своей,
так же, как любой из моряков,
даже дым плывущих кораблей
шел над нею облаком — без слов.

...И, пересекая все подряд,
розовым, изломанным лучом,
солнце

грузно плюхалось
в закат.

...Пахло рыбой, солью и вином.

ПАМЯТИ ГАЛАКТИОНА ТАБИДЗЕ

Дождь наполняет грустью комнату,
а у меня иная грусть.
Курю, лицо в ладонях комкаю.
Все с силами не соберусь.

В причинах разобраться надо бы
да отнести на чей-то счет..

А дождь
ломает крышу
надвое
и мне за шиворот течет!

От этих рук трезвею, будто бы,
на улицу бросаю взгляд,

где дождь
недорогими бусами
умело охмуряет сад.

Я не припомню с дрожью в голосе,
в какой любви не преуспел,
когда
на всех платанах
в городе
колоколами
дождь висел,
и я со всеми
шел, потупившись.

Дрожало небо в мостовой.
Старинной люстрой
потухшею

плыл гроб
над мокрую толпой.
Дождь о живых не беспокоился.
Не замечая никого,
он шел.
И пел заупокойную.
И смерть смотрела из него.

Перевод с грузинского В. Л. Лугового

Георгий ДЗУГАЕВ

ЗЕМЛЯ

Моя родная мать-земля
Своей туюю грудью полной
Меня вскормила в косаря —
И вырос я, и это помню.

Клянусь белейшим молоком,
Что в моих жилах стало кровью,

Клянусь чистейшим родником,
Что отплачу земле любовью.

Хочу я теплый хлеб ломать,
Вдыхать его — он жизнью пахнет...
Земля, моя родная мать!
Я твой косарь, твой вечный пахарь.

* * *

О, радость — быть поэтом!
Учиться у орла
Взлетать над белым светом,
Раскинув два крыла.

У водопадов белых
И светлых родников
Искать лишь самых смелых
И самых светлых слов.

Шагать широким лугом
По хрусталу росы
И слушать чутким ухом
Веселый свист косы...

Перевод с осетинского Р. Казаковой

Колхида

1. СОТВОРЕНИЕ ЗЕМЛИ

Сюда приплывали аргонавты. Это легенда. Здесь бросали якорь корабли древних греков. Это история.

Кто бы ни прибывал, вначале глядел обалдело: вот так страна Золотого Руна! Земля плоская, как блюдо. Реки текут выше низменности; чуть паводок — они выплескиваются, затопляя округу. Почва не всасывает влагу, и потому болот больше, чем суши. Постоянно, монотонно льют дожди.

Торговать с Колхидой было выгодно, жить в ней — опасно. Сменялись тысячелетия, бурей пронеслись завоеватели — римские легионеры, конницы арабов и турок, воины и кучуц-генуэзцы... Победители строили города вдоль побережья, а соваться в глубь Колхиды остерегались. И непонятно было, кто же, собственно, победитель и кто побежденный. На морское дно рядом ложились развалины Диоскурии, обломки турецких крепостей; песком и забвением затягивало остатки некогда шумных торговых колоний.

А народ жил.

Отец античной медицины Гиппократ писал о Колхиде: «Страна болотистая, жаркая, сырая и лесистая. Там во всякое время года много бывает сильных дождей. Люди проводят всю жизнь в болотах... воду они пьют теплую, застаивающуюся, гниющую от солнечного жара. Поднимающийся от вод густой туман окутывает всю страну. Люди высоки ростом и чрезвычайно тучны. В их теле не заметно ни сочленений, ни жил. Цвет кожи у них желтый, как у страдающих желтухой».

По Аполлонию Родосскому, древние колхидцы еще исстари умели чертить на дощечках морские и сухопутные дороги. Дощечки были сперва деревянные, потом каменные. Нет сомнений — то были предшественницы ландкарт, и сам Геродот пользовался ими в своих путешествиях.

Богатства мифического края Запад-ной Грузии Колхиды не были сказкой.

Спокон веков женщины Колхиды тка-ли красивые полотна из местного во-локна, добывали чудесный мед. Мужчи-ны охотились, сражались, занимались мореходством, торговлей. Население по-бережья было грамотным, говорило на нескольких языках. В IV веке нашей эры широко славилась Колхидская фило-софская академия; туда ездили учиться надменные римские юноши.

На диспуты Колхидской академии прибывали морским путем прославлен-ные ораторы — риторы Византии.

Тема любого из диспутов, скажем, «Платоново ученье о душе», приковыва-ла внимание всего мыслящего мира Ев-ропы и Ближнего Востока.

Ученых степеней тогда не присужда-ли, но и за ошибки на кострах не сжи-гали — ведь шел всего лишь IV век христианской эры!

А народ жил — в тяжелом, но благо-дарном труде.

Отвоевав у болота пядь земли, кре-стьянин тащил в плетеной корзине пло-дородный ил на свое крохотное поле. Сказочно начинала плодоносить обога-щенная им земля, давая тройной уро-жай.

Но кругом царили плен болот, блокада джунглей, малярия. Это блестяще пока-зал в своем романе «Санавардо» писа-тель Демна Шенгелая, уроженец Запад-ной Грузии. «Санавардо» написано не-сколько десятков лет назад. Мы, чита-тели 30-х годов, помним «Санавардо»: безнадежность — лейтмотив этой силь-ной вещи. Безвыходность. Горе народ-ное...

Но выход был! Выход единственный, и мы помним его блистательное начало: великое возрождение советской Колхи-ды в тридцатых годах. Помним призыв: «Все на борьбу с болотами!». Ночами по холмам горели костры. Возле них сушили одежду, закусывали, пели. Из-

редка стреляли в темноту, отпугивая шакалов и диких котов.

Фронт работ был многообразен: поворот величественного Риони по новому пути, обузданье Ингури, Кодори, Хоби, Сусы. Строительство и нарезка сотен километров каналов. Сложным становился в те годы путь вод, бегущих с гор, и путь рек, ползущих низиной. Ибо человек поставил себе основной целью не только ввести потоки в новые русла, но и отнять у них «мусть», эти взвешенные частицы драгоценного ила, втрое более плодородного, чем знаменитый нильский. Одна только Риони ежегодно несет в себе 10 миллионов тонн ила — это сокровище, не имеющее себе равных! Как перехватить его вовремя, пока не унесло в море?

В юности мне довелось увидеть знаменитый колхидский кольматаж. «Технический парадокс!» — писал о нем Паустовский в знаменитой повести «Колхида». Остроумный способ ликвидации болот с помощью... воды. На моих глазах в огражденное высокими валами пространство впервые впускали мутные воды Риони. Осветленную воду через сбросовый шлюз отправляли в море, а жирный ил ложился на поля. Течение при этом должно быть быстрым, чтобы оседала только крупная мусть.

Таково было начало сотворения земли.

Но человек-строитель должен создавать не почву вообще, а почвы разной структуры для разных плантаций. Агрономы и почвоведы Потийского филиала Всесоюзного института чая и субтропических культур сказали инженерам-мелиораторам:

— Вы дали нам тысячи гектаров осушенных болот, но это еще не та земля, которая нужна, скажем, чайному кусту или цитрусам! И эфирносам, и благородному лавру нужны другие почвы. Особой земли требуют тунговые деревья и особой — фейхоа.

Издrevле известные в Грузии куполообразные гряды — «квали» были отличной агро-мелиоративной находкой здешнего крестьянства. Квали создавали водно-воздушный режим для самых прихотливых субтропических растений. Земля становилась более рыхлой, легко обрабатываемой. Аэрацию — воздухопроницаемость и усиление мощности корней плодовых деревьев — вот что давали маленькие земляные купола. Высоким шпилем поднималось из сердцевины каждого квали деревцо апельсина или грейпфрута.

Сейчас квали — пройденный этап. Группечкой выглядит агротехника тех лет, пусть и построена она на правильной основе! Директивы XXIII съезда КПСС положили начало новым крупнейшим мелиоративным работам. Гигантскому треугольнику колхидских земель — 220 тысяч га — суждено стать осно-

вой влажно-субтропического земледелия в СССР.

...В Тбилиси мы встретились с заместителем министра водного хозяйства Грузии Андреем Габуния, с которым тридцать лет тому назад во время наводнения беседовал Константин Георгиевич Паустовский в потийском духане «Найдешь чем закусить». Молодой техник превратился в государственного деятеля, объездившего полмира. Стройный, высокий, «седой юноша» с тонкой усмешкой и энергичной речью, очеркивая на карте Колхиды осушенные места, Габуния начал свой рассказ, привычно, в технических терминах:

— Теперь нами запланирована застройка 66,6 га и создание новых площадей — 23,4 га. Значит, к концу этого пятилетия получаем 90 тысяч га новой плодородной земли...

Но тут же, не утерпев, всегда увлекавшийся колхидскими проблемами Андрей Габуния перешел на язык поэтов: толковал о достоинствах колхидского чая, о тонком вкусе плодов фейхоа — смеси ананаса с клубникой. Объяснял, какая ценная вещь бамбук — мы ежегодно ввозим из-за рубежа тысячи бамбуковых стволов: требуются спорту, туризму, дачам! Но очень скоро и у нас зашумят бамбуковые леса.

Возле селения Патара-Поти на седьмом километре работает, оглушая грохотом и содрогаясь в отчаянной спешке, маленькая насосная станция. Четыре с половиной тысячи тонн воды в сутки умудряется перекачать она из болот. Ближе к морю строят другую, в десять раз более мощную. Та «отожмет» 46 тысяч тонн болотной воды ежесуточно. Большая станция вступит уже этой осенью в строй. Дюкеры-тоннели под руслом рек... Кротовый дренаж... Не перечислить всего того ценного, что дает сегодняшняя мелиорация Колхиде. Как огромную губку, выжмут люди эту землю, сбросив лишнюю воду в море.

Значит, конец болотам? Нет, еще не конец...

Не знаю, знаком ли читателям термин «вторичное заболачивание». Колхидцы знакомы с ним по горькому опыту тяжелых лет войны, когда строители ушли воевать. Позже сказались некоторые неумелые методы в хозяйствовании, а также отсутствие генерального плана мелиорации. А значит, и средств.

Но строители Колхиды энергичны, предприимчивы. Справляются и со вторым заболачиванием. Только регулярные совещания в тихом городе Поти стали чем-то напоминать военный совет перед боевой операцией. Представители самой мирной профессии на свете — агрономы и мелиораторы — выражаются сегодня агрессивно: «Усилить наступление на лес! И не корчевать пни! Иначе получится «третье заболачивание»!

Новичок с непривычки ошарашен. «Разве можно наступать на лес, когда его, наоборот, надо беречь, охранять?»

— Да, там, где нужно, — отвечают ему, — охраняем, бережем. Делаем посадки, улучшаем древесные породы, расширяем площадь насаждений на холмах и в горах. Всего 25 тысяч гектаров лесов в Колхиде. Оберегаем и гордый абorigенный лес, его осталось не так уж много. Но джунгли — гнилые и губительные, — им объявлена война!

Вскоре мы увидели очень близко этот болотный лес, которому «объявлена война». Зрелище уродливо!

Навным людям кажется, будто природа дикая, без человека, всегда прекрасна: могучие кроны деревьев, поляны с цветами, ценные неугнанные птиц...

Как бы не так! Колхидский болотный лес — наглядное тому опровержение. Убив когда-то человека, болотный лес уничтожил и свое будущее. Все здесь гниет. Ничто не плодоносит. Деревья растут «вверх ногами». Толстые воздушные корни старых лиан переплелись в высоту. Другие тоскливо клонятся книзу: валится ольха, задуманная колючим ломоносом, спеленутая плутом. Только филины и тысячи летучих мышей населяют эти леса, да ползают по кочкам гадюки и ужи. Тишина небитая, черная одурь мрака. Ни луча солнца, ни звука. Такой лес никто не назовет «зеленым другом».

И механизаторы Колхиды, яростно прорываясь сегодня в джунгли, сметая с лица земли последний вражий бастион, делают великое дело.

2. БРОНЗОВЫЙ ОЛЕНЬ

Весна Колхиды благоухает с неистовой силой. Неожиданно в оркестр разнообразных ароматов вступает — как соло на скрипке — нежный и робкий запах. Это зацвел чайный куст.

Ничто не сравнится с сиянием радости на опаленных солнцем лицах строителей новых совхозов Колхиды, когда на бывшем болоте впервые зацветает юный чайный куст. Это их праздник.

Мы отправляемся на вездеходике в Хобский район, в совхоз «Колхети», родившийся всего полтора года назад.

Плантации «Колхети» выглядят кочковатыми и неприбранными, некоторые поросли сорняком. Неприбранность — иллюзия: чайный куст (при всей его застенчивой скромности) дьявольски упрям, силен и одолевает любой сорняк самостоятельно. Чай отлично растет на «кислых» почвах, столь опасных, для других привередливых культур-иностранок.

Нас водит по чайным плантациям «Колхети» Марлен Табагуа, младший научный сотрудник потийского филиала ВНИИ чая и субтропических культур. Жители Потти называют это учреждение

кратко: филиал. Сейчас необычайно расширились рамки тематики филиала. Ученых касается решительно все: судьба завезенного, было, сюда степного скота, который гибнет в низинах. И то, почему недостаточно быстро увеличивается поголовье буйволлов, привольно чувствующее себя в сырости и на грубых кормах. Кто же не знает, что молоко буйволицы — нежно, питательно и дает высокий процент жирности, а масло из буйволиного молока спокон веков считается деликатесом. Ученых филиала интересуют и необъятные залежи торфа на Палеостомском озере — мощность пласта 10 метров — нигде в мире подобного нет! И еще многое, многое другое. Руководитель филиала Александр Виссарионович Моцерелия ведет огромную экспериментальную работу. Это — ветеран Колхиды. Он изучал осушение Ломбардской низменности (Италия), каналы Северного Вьетнама. Перенимал опыт меллиораторов всего мира. Сейчас он готовит докторскую диссертацию. Знает иностранных языков, Александр Виссарионович читает много и художественной литературы, любит спорт и, забыв про свои 56 лет, играет в теннис рано утром до работы.

Улыбаясь, Моцерелия дал нам в провозах Марлена Табагуа:

— Этот все знает о Колхети, можете смело спрашивать!

Марлен Табагуа, светлоглазый и светловолосый, похожий на флегматичного северянина, экспериментируя, призвал на помощь химно, нащупал метод борьбы с водяным перцем и чернобыльником — сорняками, наделенными феноменальной способностью к размножению. Они засоряют каналы, канавки, лезут даже в трубы — куда попало! Эти враги плодородия карабкаются по откосам, норовят проникнуть в осушительную сеть и забить ее отверстия. Похоже, результаты опытов Марлена Табагуа хорошие. На рабочий стол младшего научного сотрудника филиала стали сыпаться письма — из Индии, Канады, Швейцарии, ГДР. Запросы о том, как побеждены в Колхиде злейшие враги культурных растений.

— Когда я сказал на выставке одному немцу, что нам приходится применять десятикратную дозу гербицида, тот заинтересовался, а какова влажность колхидской атмосферы? Когда я ответил: иной раз 200 мм в сутки, немец даже присвистнул..

Марлен с таким увлечением рассказывает о своей работе, что мы не сразу замечаем крупно шагающего к нам по полю грузного мрачного человека. Это был директор совхоза «Колхети» Иоаким Картозия.

О старом агрономе Иоакиме Картозия потийцы рассказали нам много интересного: молодой совхоз «Колхети» уже успел получить Красное знамя за успехи в ра-

ботах, а сам Картозия — орден Трудового Красного Знамени. Совхоз перевыполняет план, Заработок рабочего здесь 150—200 рублей в месяц. Совхоз построил в долине озеро, а на горе строит санаторий. Директор неутомим, энергичен, хотя нездоров, страдает одышкой. «Очень сердит, говорит отрывисто и никогда не улыбается», — так говорят потийцы. А люди за ним идут, верят ему, поддерживают его начинания... «И, знаешь, другой раз он кричит, а они ему улыбаются».

Иоаким Картозия хмуро поздоровался с нами и пригласил посмотреть новые угодья, посевы и посадки. Мы шагали по землям, которые еще недавно были древней топью, потом родились на свет в виде сырых, тяжелых почв, и, наконец, получили структуру и аэрацию после того, как над этим поработали специально для того посаженные здесь кукуруза и соя. А теперь на «построенной земле» сажают чай, хурму, фундук, пекан, инжир, шелковицу — и те отлично идут в рост!

Мы любовались молодыми виноградниками, новыми плодовыми рощицами, энергично поднимавшимися отовсюду. Террасы для мандариновых деревьев прорезали холмы с безукоризненным изяществом и точностью.

— Это сделали сваны! — сказал Картозия.

Сваны! Сыновья и внуки тех, кто тридцать лет назад спустился с гор — строить первую Колхиду.

И на этот раз, как их отцы и деды, они из заоблачных колхозов Сванетии пришли в долину в своих мягких шапочках со шинурком сбоку, с киркой на плече. Пожалуй, в работе молодые сваны оказались посильнее дедов и отцов: выполняли по 2—3 нормы. Отдыхая, они пели горские песни низкими, как у контрабасов, голосами. Или бегали смотреть работу экскаваторов в низине — все парни до единого собирались зимой учиться на механизаторов.

Осенью парни получили расчет: каждому досталось по 300—400 рублей. Но на предложение остаться сваны отвечали дружным цоканьем: отказ.

— Душно здесь, директор! Извини, директор. Форель в горах живет, дорогой директор!

Форель, конечно, в «Колхети» не водится, а вот кефаль действительно развелась в озере, построенном совхозом.

Новозданное озеро спокойно лежало, отражая в своем зеркале синее небо Колхиды, паруса облаков, контуры Гурийских предгорий. Казалось, хотело оно вобрать в себя отражение всего, что есть на земле: молодые рощи и цвету-

щие сады, плоды неутомимого труда людей, их подвига, их созидания.

...Когда вездеход, рыча от натуги, поднялся спирально новой дорожкой на вершину высокого холма, где к осени будет выстроен дом отдыха работников совхоза «Колхети», Иоаким Картозия внезапно выпрямился, посветлел и порлиному окинул взглядом долину.

— Две тысячи гектаров — не шутка! — заговорил он молодым, без одышки голосом, — две тысячи, да прибавьте еще угодья прежнего колхоза — был здесь такой... слабосильный — на его базе возникло наше хозяйство. Теперь глядите: шестьсот гектаров осушенной земли под чай, сто тридцать — под фрукты. Какую сливу разведем, какой вырастим орех! Дайте только техники побольше! Люди теперь сами идут к нам, хватает людей. Нужны «муравьи-механизмы», поворотливые, прочные. Машины-великаны Колхиде не нужны! Гиганты только мнут, дают и портят почву, которую мы построили с таким трудом. Новую технику дайте, специально колхидскую, и мы поднимем к большой жизни этот край!

Директор, казалось, обращался к кому-то на горизонте, кто мог его услышать и понять. Внезапно смутился, оборвал себя и сказал шоферу: — Домой!

В ослепительно чистом и скромном кабинете директор показал нам маленькое чудо, статуэтку оленя бронзового века.

Нашли ее рабочие на вершине того самого холма, с которого мы только что спустились. Прокладывали дорогу, лопата звякнула, и он явился на свет, этот олень, после долгих тысячелетий сна, пришел из бронзовой эпохи! Переплетенные высоченные рога, странная, расширяющаяся к низу морда, похожая на топориче и украшенная бляхами, искусно переданный резцом древнего мастера нарост шерсти на крупе — быть может, это животное вымершего типа, каких уже больше нет на земле?

Мы попросили разрешения директора взять удивительную находку в город. Показать ее историкам, археологам. Достать оленя обратно взялся Марлен.

Директор разрешил это, только еще более помрачнел.

— Но... вы вернете его, — заговорил он тихо, — обязательно вернете. Пускай бронзовый олень живет там, где его нашли!

Когда-нибудь в наших рощах снова будут бегать олени. Это их родина, страна Золотого Руна...

И, честное слово, суровый директор рассмеялся.

Поти — Хоби.

КРИТИКА

Георгий МЕРКВИЛАДZE

Заметки о современной грузинской прозе

1

Состояние современной грузинской прозы во многом отражает общее состояние грузинской советской литературы последних лет. Как в прозе, так и в поэзии и драматургии произошли значительные изменения. Стало характерным заметное расширение тематики, смелое выдвигание новых проблем, поиски новых средств художественного решения, новых стилевых приемов и форм отражения правды эпохи. Все это дает возможность показать жизнь во многих ее аспектах, с ярко выраженной тенденцией реалистического раскрытия всей сложности бытия.

Грандиозность масштабов строительства новой жизни и ее героический пафос, новый герой с его богатым духовным миром и быстро меняющейся окружающей обстановкой, сложный и многогранный процесс изменения психики людей — все это, как великая правда новой эпохи, — и поныне оказывает решающее воздействие на современную грузинскую литературу в целом, на прозу последнего периода в частности.

В литературу пришли новые творческие силы, обогатившие ее новыми темами и образами, актуальность которых диктуется большими переменами в жизни нашего общества.

Эти значительные изменения в современной грузинской прозе весьма очевидны, бесспорны и вполне естественны. Спорным может быть только вопрос о некоторых тенденциях развития прозы, об актуальности и идейной заостренности некоторых тем, о художественном решении целого ряда проблем.

Одна из сложных проблем грузинской прозы сегодня — это проблема современного героя. Освобождение от известных штампов и схем, безусловно, дает большие возможности художникам сделать образ героя богаче, многограннее и интереснее. Но порой, в практи-

ке некоторых малоискушенных молодых прозаиков оно приводит к выхолащиванию образа героя, лишению вышших человеческих идеалов, к увлечению микромиром изолированной личности.

Поиски современного героя, так остро ощущающиеся почти во всех жанрах художественного мышления, своей напряженностью в какой-то степени напоминают нам аналогичный литературный процесс 20-х годов — процесс поисков тогдашнего героя, хотя внутренняя закономерность этих процессов коренным образом отличает их друг от друга. Поиски современного героя — это явление совершенно иного аспекта. Современный человек становится в центре литературы не как новая утверждающаяся в жизни социально-психологическая организация, а как оказавшаяся в новой обстановке личность с богатыми душевными переживаниями.

Духовный мир такого героя разнообразен и интересен. Это, разумеется, в основном, цельная личность, для которой чужды раздвоенность или рабская покорность судьбе, но в своем внутреннем духовном проявлении она гораздо сложнее, как слияние психологической индивидуальности с общенародным.

В грузинской литературе теперь особенно ярко намечаются две тенденции осмысления пути современного героя. Я бы не сказал, что они резко противоположны друг другу. Тем не менее они все же различны по своему характеру раскрытия цели и назначения, места и поведения личности.

С одной стороны, мы наблюдаем новое, весьма интересное развитие традиционного героического пафоса, яркое проявление новых качественных свойств подобного героя. Разумеется, его внутренний мир куда сложнее, чем это представлялось некоторым литераторам прошлого; теперь, в основном, преодолены как прямолинейность и поверженность, так и изолированность от действительности романтика и ложный пафос. Все деяния такого героя подчи-

нены сложному процессу преодоления окружающих трудностей, а зачастую и возникших внутри его психики противоречий. Это — герой со своим глубоко персонализированным духовным миром и реальной окружающей обстановкой, со своими высокими целями и ясной перспективой. Таким видим мы героя в последних романах, повестях, новеллах К. Гамсахурдиа, К. Лордкипанидзе, С. Клдашвили, Д. Шенгелая, А. Кутатели, Г. Абашидзе, М. Мрвлишвили, Р. Джапаридзе, Л. Готуа, А. Белишвили, Н. Думбадзе, О. Иоселиани и др.

С другой стороны, внимание одной части прозаиков привлекает в основном так называемый «маленький», «простой», «незначительный» человек с его «скромными» будничными делами и зачастую — сугубо личными переживаниями. Здесь основное место занимает молодой «герой», только вступающий в жизнь, но еще не осознавший, какова она.

Было бы ошибкой отрывать творческие искания таких писателей от лучших традиций советской прозы, но факт, что в творчестве некоторых прозаиков явно чувствуется увлечение модными течениями западных литератур, излишним психологизмом, доминантностью подсознательного, иррационального, «бестенденциозностью» передачи «потока жизни» и «потока сознания».

2

В истории литературы немало примеров того, что создание широкого этического полотна требует десятков лет напряженного творческого горения. Порой такие творения охватывают различные эпохи или различные этапы общественного развития и приобретают функцию эпопей, широко охватывающей эпохальные явления.

Недавно была опубликована вторая книга романа К. Лордкипанидзе «Волшебный камень», с героями которого мы расстались десять лет назад. И вот произошла новая встреча читателя с людьми, оказавшимися в новой обстановке и в новом окружении.

Вторая книга романа примечательна прежде всего тем, что в ней особенно расширен круг актуальных проблем сегодняшнего дня. Правда, эти проблемы были очерчены еще в первой книге, но со всей яркостью и широтой они поставлены и решены именно теперь, когда сюжетная линия романа сама потребовала значительного расширения рамок повествования за счет показа новых человеческих взаимоотношений. Если первая книга «Волшебного камня» производила впечатление некоторой «сюжетной герметичности», то во

второй книге сюжет романа целиком подчинен принципу широкого охвата явлений эпохи; в фокусе оригинального художественного видения романиста оказались узловые проблемы послевоенной грузинской деревни и принципиальное обличение многих недостатков действительности того периода. Рамки истории жизни Надибаидзе, Угрехелидзе или же Канчавили, раскрытые в первой книге романа, теперь раздвинуты широко и уже вмещают в себя новые сюжетные потоки — многие новые судьбы. Еще ярче стал проявляться глубокий объективизм принципиальной позиции романиста.

Новый роман К. Лордкипанидзе также пронизан пафосом утверждения активного-положительного и отрицания пассивного-мешающего. Романист занимает верную позицию обличителя, для которого главное не в отрицании, а в утверждении; раскрывая сущность отрицательного, он всегда ясно видит перед собой тенденцию здорового и развивающегося, показывает их закономерный характер, их неодолимость.

Роман К. Лордкипанидзе — это большой принципиальный разговор, глубокие раздумья писателя о нашей действительности. Во второй книге романа, пожалуй, на первый план выдвигается проблема массы и руководителя. Семен Чохели — весьма сложная фигура как руководитель и как человек. Его дуалистическое духовное состояние должно определить в будущем его же судьбу, судьбу человека, хотя и чистого в моральном отношении, внутренне честно и будто правдивого перед своей совестью, но бесхребетного и мягкого, недальновидного партийного руководителя. Вовлеченная вокруг атмосфера парадности и субъективизма постепенно убивает в нем дух руководителя масс, отрывает его от народа, от реальной жизни. Так незаметно выходит из строя его компас, и он утрачивает способность ориентации в сложных явлениях, теряет чутье руководителя.

Образ Чохели, как и другие образы героев К. Лордкипанидзе, — одно из значительных явлений в современной грузинской романистике. Своему герою писатель противопоставляет представителя трудовой массы — Тадю Райнаули, олицетворяющего в себе честь, прямоту, непосредственность и принципиальность народа. Откровенная беседа Райнаули с Чохели, — это, фактически, позитивная позиция писателя. В ней раскрыты как противоположность характеров Райнаули и Чохели, так и пагубные результаты ложного благополучия и парадной шумихи. Чохели не может не почувствовать искренность и истинность слов своего бывшего друга, но уже поздно; его все глубже засасывает трясына.

Многие произведения современных грузинских прозаиков привлекают внимание ярким показом процесса роста героя, его активизации. Особенно присуще это именно романам и рассказам К. Лордкипанидзе. В «Волшебном камне» показана судьба рядового крестьянина Захария Надибандзе, постепенно превращающегося в деловитого руководителя колхозных масс. Примером такой активизации служит также яркая история Гоголы Угрехелидзе — женщины сложной и интересной судьбы.

Новый роман К. Лордкипанидзе своей тематически-проблемной масштабностью представляет собой эпопею жизни грузинского крестьянства 30 — 50-х годов, а по широте охвата действительности продолжает лучшие традиции первых грузинских советских романов монументальной формы (романы М. Джавахишвили, К. Гамсахурдиа, Ш. Дадияни, Л. Киачели и др.).

3

Говоря о романе-проблеме и проблемной повести, следует отметить, что произведения такого характера, такого типа сегодня занимают ведущее место в грузинской литературе. В основу таких произведений, как «Пепелище» (II книга) С. Клдашвили, «Клад» Д. Шенгелая, «Вдова солдата» Р. Джaparидзе, «Дети львиного поколения» Л. Готуа, «Велхиа Халибаури» А. Велиашвили, «Жизнь впереди» Г. Абашидзе, «Роковой поворот» М. Мрвлишвили, «Солнце мертвых» Г. Шатберашвили, «Звездолет» О. Иоселлиани, «Я вижу солнце» Н. Думбадзе, «Новый горизонт» Л. Авалиани, «Золотая рыбка» А. Сулакаури, «Плотина» О. Чхеидзе, «Полдень» Т. Чиладзе, «Только один шаг» А. Гецадзе, «Умба» Т. Маглаперидзе и др., положена та или иная острая проблема общественной жизни.

Если раньше проблемность была характерной в основном для новеллы или рассказа, для малых этических форм вообще, то ныне она все больше перемещается в широкие эпические жанры.

Для романа-проблемы характерны постановка и решение какой-либо одной, ярко подчеркнутой проблемы общественного бытия, взаимоотношений людей, социальной, национальной, морально-этической, духовной жизни общества. Такого рода произведение не требует сложной сюжетной канвы, параллельных сюжетных линий, широкого фона множества явлений, и стало быть, сравнительно большой галереи образов, героев, персонажей. Вместе с тем оно отличается напряженным и углубленным, весьма конкретизированным психоанализом. При этом важное зна-

чение приобретают внутренние динамика и кратковременность действия.

В такой манере написан, например, последний роман Л. Готуа «Дети львиного поколения». В основе его лежит проблема взаимоотношения поколений — отцов и детей, их внутренние противоречия, поиски молодежи новых путей в жизни. Это — роман сложного конфликта с весьма напряженным сюжетным решением. Великая правда отца, отдавшего жизни все, не осмыслена, не понята дочерью; она ищет, колеблется, борется сама с собой, и в этой борьбе иной раз даже противопоставляет доброму началу. Художник-реалист, безусловно, имеет право на такие осложнения; они — отзвуки больших изменений в нашей общественно-политической жизни. Героине романа Натии многое надо испытать, чтобы в конце концов найти свое место в жизни.

Оставшись «одна» лицом к лицу с жизнью после смерти отца, она с большей ясностью осознает свои заблуждения, активнее ищет свой путь и, преодолевая трудности, приходит к ясной цели. Глубокие раздумья Натии о жизни, о месте человека в ней — это единый своеобразный внутренний «монолог» молодой, волевой девушки, пришедшей самостоятельно, вследствие влияния и воздействия всей окружающей действительности, к порогу большой жизни, откуда должен начаться процесс ее активизации.

При этом, думается, что пафос этой весьма актуальной проблемы современности в романе Л. Готуа заметно ослаблен и в какой-то степени обесцвечен голдой декларативностью, невольно врывающейся в повествование. Мастерски раскрываемые душевные переживания главной героини романа иной раз досадно обрываются сухой риторикой Гаги Ахобадзе, сверстника Натии, выполняющего, по замыслу автора, глубокую идейно-философскую функцию доброго начала.

Иную проблему поставил М. Мрвлишвили в своем новом романе «Роковой поворот». Он показывает трагедию молодого Отара Нозадзе, «испорченного» беззаботной жизнью и сллишком занятым делами отцом. Писатель беспощадно обнажил порок жизни и реалистически раскрыл трагическую судьбу заблудившегося молодого человека. М. Мрвлишвили начал в своем романе принципиальный, откровенный разговор на тему о воспитании духа подростка, деловитости и простоты в психике молодежи. Пафос обличения в романе объективно перерастает в пафос утверждения.

Вместе с тем, на наш взгляд, скудность в использовании изобразительно-художественных средств, поиски микроэпической формы (писатель называет

свое произведение «маленьким романом») отчасти скрывает обличающий голос романиста.

4

Надо считать вполне естественной различную трактовку проблем молодежи и современности, молодого героя наших дней в произведениях Н. Думбадзе, А. Сулакаури, О. Иоселиани, Г. Рчеулишвили, Р. Инаншвили, Р. Бежанишвили, Г. Гегешидзе, Р. Чейшвили, Г. Кечакмадзе и др. Правда, их романы и повести объединяет одна общая тема — судьба молодого человека, но она поставлена и решена в различных аспектах.

Весьма сложным кажется нам мир героев недавно опубликованного нового романа А. Сулакаури «Золотая рыбка». Слов нет, здесь ярче проявлено растущее мастерство молодого прозаика. Роман написан в манере глубокого психологического противопоставлений образов и реалистической символики. Главный герой Дато только входит в самостоятельную жизнь, но он находится в сложной противоречивой обстановке. Фокусом этих противоречий представляется семейный круг, где ему приходится жить: комбинатор и аферист отчим — Платон Барамидзе, мещанка мать — Мариам, вернувшийся из ссылки, обиженный на жизнь, замкнутый в себе старший брат Мириан, взбалмошная капризная сестра Тэона.

Старший брат как-то однажды приносит домой маленький аквариум, в котором живет оторванная от всего и безразличная ко всему золотая рыбка. Эта символично-параллельная линия особенно ярко раскрывает общий замысел автора — показать судьбу оторванных от большой общественной жизни людей. И когда намечается выход братьев — Мириана и Дато — на большую дорогу, приходит конец скучной жизни изолированной, теперь уже выброшенной из разбитого аквариума золотой рыбки.

Но и здесь многое недосказано. Перспектива в романе будто нацелена на светлую будущность, но ее не только не видишь, не ощущаешь, даже ясно не представляешь, настолько отуманена она мрачной обстановкой. Не может не озадачить и не огорчить растерянность героев романа, подавленных столь сгущенными красками нарисованной действительностью. Вот грустная история необоснованно осужденного Мириана или же трагичный конец измученной, несчастной в личной жизни учительницы Бубы Эмба, безнаказанный разгул комбинаторов — «Черного Колы» и Платона Барамидзе, вечные скандалы кассирши гастронома Лолы или злоречивость и бесшабашность «дяди» Ва-

но, мещанское гнездо Бено Чичка или сентиментальная история духовности материально опрабланных Мамистваловых... Знакомиться со всем этим порочным миром порочных людей и поневоле задаешь себе вопрос: что же остается светлого в этом мире?

Когда читаешь роман Р. Джапаридзе «Вдова солдата» или же повесть Г. Абашидзе «Жизнь впереди», и там находишь яркое отражение трудностей нашей жизни. Но герои Абашидзе и Джапаридзе преодолевают их с помощью именно окружающей действительности, большого человеческого мира.

Героине повести Г. Абашидзе — женщине, потерявшей несправедливо наказанного любимого человека, жизнь преподносит жестокое испытание, неумолимо гонит ее к отчаянию, неверию, но внутренняя сила и тепло окружающих добрых людей помогают ей вновь подняться на ноги, чтобы включиться в активную жизнь.

Еще тяжелее судьба Хатуны Миндели — героини романа Р. Джапаридзе «Вдова солдата». Мать с высокими моральными убеждениями, которая жертвует всем личным ради будущего своих детей; супруга с чистыми душевными качествами, которая борется с горькой и тяжелой долей оставшегося одиноким человека; твердая опора семьи, лишенной хозяйина, — такой видим мы грузинку-мать в новом романе Р. Джапаридзе. Романист особенно заострил внимание на проблеме человеческого достоинства, долга матери, поисков места в общественной жизни. Судьба Хатуны — это типичная история многих, овдовевших в результате войны женщин-матерей, их личной трагедии, когда чувство материнства и долг перед обществом часто подавляют женские инстинкты.

Острый конфликт Хатуны с родителями и со многими окружающими ее людьми решается художником как с большим тактом соблюдения национальных традиций, так и с учетом новых общественных отношений. Вдова солдата, глубоко травмированная гибелью мужа, возвращается к своему очагу и, преодолевая многие препятствия и трудности, активно включается в водоворот большой жизни послевоенной деревни. Ценой огромных усилий удается ей вновь занять свое место в жизни, свято хранить память о первой своей любви и отдать все детям, будущим героям жизни.

Образ Хатуны Миндели в романе раскрывается многогранно. Ее судьба осознана как переплетение сложных явлений и борьба за их преодоление. Вместе с тем — это обособленная линия. Она резко выделена из общих явлений, хотя с этими явлениями и со-

многими другими судьбами связана неразрывно, обусловлена ими.

Здесь особенно хочется подчеркнуть именно веру в жизнь, в людей, в будущее, пронизывающую сложный и столь запутанный путь героини. В этом отношении образ Хатуны, как цельную натуру, можно свободно противопоставить целому ряду героев и персонажей современной грузинской литературы, не знающих, куда им идти, что делать.

Но, может быть, это «лакировка»? Отнюдь нет! Романист правдиво отражает острые конфликты, дает смелую критику недостатков, не выпуская при этом из виду реальную перспективу нашей жизни. И этот роман имеет свои серьезные недостатки; например, незаконченность ряда портретов (Борис Лодадзе, Лашхи, Мунджия, Чинчиладзе и др.), условные, мало реальные пассажи и т. д., но все это прощается читателем романисту, подкупающему как искренностью и реальным видением всей сложности человеческих характеров, так и основным пафосом утверждения в новой действительности.

Сложен путь и героев рассказов, повестей, романов Н. Думбадзе, О. Иоселиани, А. Гецадзе, Г. Кечакмадзе и др., но это не путь, показанный без интерпретации автора. Когда герой повести О. Иоселиани «Звездопад» Гогита оказывается под влиянием подсознательно, неосознанного, инстинктивного, мы все же верим, что это происходит от неимоверного напряжения сил в трудные дни войны. Обстановка диктует ему быстрое превращение из беззаботного мальчишки в возмужалого парня, хотя внутренне он еще не готов для такой быстрой метаморфозы. Или же возьмем юных героев повести Н. Думбадзе «Я вижу солнце» — Сосою и Хатио. Как ни труден их путь и невыносима горечь утраченной детской беззаботности, но их никогда не покидает вера в будущее. Победа Н. Думбадзе-романиста именно в том, что он в лице своего героя Сосою Мамаладзе раскрывает становление характера через преодоление огромных трудностей.

5

Обозревая грузинскую прозу последних лет, мы должны особо подчеркнуть тот приятный факт, что теперь она по-

сти целиком занята актуальными проблемами современности. Историческая тематика, всегда занимавшая столь большое место в творчестве грузинских прозаиков, постепенно отходит на второй план. За последние пять лет грузинская романистика пополнилась только двумя историческими романами («Долгая ночь» Г. Абашидзе, «Удел героев» Л. Гогуа). А хороший цикл рассказов Г. Леонидзе примечателен в первую очередь тем, что раскрывает самобытно-национальных характеров прежней Грузии подчинено принципу приближения их к современной действительности. Такое же весьма интересное сближение эпох осуществлено в романах, повестях, новеллах маститого прозаика С. Квдиашвили. В частности, в его романе «Пепелище» показаны epochальные явления как старой полуфеодальной, колониальной Грузии (I книга, вышедшая 35 лет тому назад), так и новой Грузии 30-х годов (II книга, вышедшая недавно). На примере жизненного пути семьи Арбеладзе писатель рисует две различные эпохи и их влияние на психику людей. Роман еще не закончен. В настоящее время С. Квдиашвили работает над III книгой. По замыслу автора, это будет широкое эпическое повествование о судьбах грузинского крестьянства на различных исторических этапах ее жизни.

Проблемы современности в основном осмыслены прозаиками Грузии в сложном комплексе актуальности и всесторонности, идейности и гуманности, психологической углубленности и масштабной обобщенности.

Жизненная правда представлена с особой силой обобщения, путем раскрытия главных и характерных сторон действительности, больше всего выражающих суть жизни.

Ведь большое искусство всегда является творчеством великих мыслей, больших эмоций, высоких идей, что, в свою очередь, не может не содержать в себе большую правду бытия, как основу творчества. Отражение действительности для художника — это единый процесс преодоления, осмысления и создания этой действительности. Это значит видеть жизнь в ее сложном единстве, осилить ее в художественном освоении, создать верные, реалистические картины художественной правды.

Этери ГУГУШВИЛИ

Шалва Гамбашидзе

За несколько дней до смерти Шалва Гамбашидзе передал редакции грузинской «Литературной газеты» свою статью о выходящем актере Грузии Александре Имедашвили.

Быть может, в любом ином случае статья Гамбашидзе была бы воспринята как обычная дань уважения актера к своему старшему коллеге и старшему другу, как знак преклонения художника перед художником.

Но по странному велению судьбы статья эта оказалась для Гамбашидзе посмертной. Редакция газеты опубликовала ее рядом с траурным некрологом на смерть самого Гамбашидзе. И тогда каждая строчка статьи обрела вдруг какой-то неожиданно многозначительный смысл. В ней ярче и отчетливее стала вырисовываться личность автора. Он ощущался в каждой фразе, в каждом слове, с его гамбашидзевским отношением к жизни, к искусству.

Шалва Ксенофонтович Гамбашидзе был необыкновенный актер и необыкновенный человек. В нем соединилось все — удивительный талант художника, человеческое обаяние, благородство натуры, красота душевная, прозорливая мудрость. Природа оказалась щедрой по отношению к нему — всеми этими качествами он обладал сполна. Он был ими попросту богат, и можно было говорить о великолепном гармоническом сочетании в одном человеке актерских и личных качеств. Можно было, не кривя душой, говорить о гармонии и цельности личности.

Шалва Гамбашидзе сыграл на своем веку очень много ролей — больших и маленьких, значительных и «проходящих».

Некоторые из них не составили для него события в жизни. Подавляющее большинство же вошло неотъемлемой частью в историю грузинского советского театра как ее блестящие страницы.

Статья печатается в сокращенном виде.

Первой ролью, которую Гамбашидзе сыграл в спектакле режиссера Марджанишвили, была роль Эставана в пьесе Лопе де Вега «Фуэнтэ Овехуна».

Роль эту Гамбашидзе получил не сразу. Она пришла к нему уже после премьеры, после шумного общественного признания знаменитого марджановского спектакля.

Старик Эставан в исполнении молодого Гамбашидзе был прежде всего гражданином. В нем не было той традиционной крестьянской простоты и неотесанности, которые часто становятся непременными «атрибутами», характеризующими простого человека из народа. И вместе с тем это был именно человек из народа, из самой его гущи, наделенный народной мудростью и благородством души. Внешне степенный, статный, всегда подтянутый, он был сдержан в выражении своих чувств, он не расплескивал свою радость и суров был в горе.

Быть может, для какого-либо другого актера было бы «удобнее» и проще играть Эставана на резком противопоставлении контрастных черт характера, обусловленных превращением Эставана — простого и беспечного крестьянина — в Эставана — неистового и беспощадного мстителя.

Гамбашидзе не пошел этим путем. Характер Эставана-Гамбашидзе не менялся. Менялся лишь ритм его поведения. Он становился резче, напористее, жестче. В Эставане-Гамбашидзе и в минуты страшного негодования жил все тот же степенный и гордый человек, величественный в своем горе, беспощадный в своем осознанном негодовании. Он вовсе не выглядел побитым жизнью и меньше всего вызывал к себе сострадание и жалость. Он поднимался в своей мудрости и в своей гордости за пределы личных обид и оскорблений. В нем воплощалась вся сила социального протеста народа, потому, что он, Эставан, был совестью этого народа.

Молодой Гамбашидзе сыграл в эти годы умудренного опытом почтенного и

сильного де Сильву («Уриэль Акоста» К. Гудкова) — роль трудную и по своей идейно-художественной нагрузке и по тому потенциалу, которым наделял де Сильву режиссер спектакля Котэ Марджанишвили.

Де Сильву легко было превратить в сухого и сурового резонера, читающего риторические сентенции своему непокорному ученику.

Гамбашидзе — актер огромной сценической правды, не мог ограничиться таким прочтением роли. Осуществляя замысел режиссера, он шел путем постижения того сложного раздвоения де Сильвы, которое, собственно, и превращало этот образ в фигуру живую и действенную. В этой сложности черпал Гамбашидзе для себя источник вдохновения.

Его де Сильва был, прежде всего, мудр той самой житейской мудростью, которая позволяла ему подняться выше неумолимых законов схоластики и упрямых догм, сковывающих все живое, смелое, трепетное. Прозорливостью своею он доходил подчас до самых глубинных истин, — постижение их внутренне укрепляло его, но предать огласке он их не смел. И тут был заложен ключ к той внутренней борьбе, которая все время жила в его де Сильве. Борьбе между мудрецом, шагнувшим далеко вперед своих собратьев по оружию, и служителем церкви, закованном в панцирь догматизма, схоластики и религиозного мракобесия. Связь этот внутренний конфликт все время пробивалась наружу огромная сила человеческого обаяния, благородства и человеколюбия де Сильвы. Причем абсолютно лишенных хотя бы малейшего намека на этакое благодушие, слезливость и сентиментальность.

Де Сильва-Гамбашидзе не скрывал своих симпатий по отношению к Уриэлю. Мудрый учитель, он вел не только борьбу с учеником, но и боролся за него. Боролся с позиций своих высоких принципов, с позиций сознания своего религиозного долга и своей ответственности перед младшим. Он мог становиться суровым, негодующим и ожесточенным, мог потрясать своей непримиримостью и пневым протестом в адрес Уриэля-противника. Но и в этих влетах гнева он не отказывался от своего преклонения перед мудростью и смелостью ученика, перед его мятежностью и неуспокоенным духом. Каким надо было быть тонким и правдивым актером, чтобы сыграть де Сильву на такой тонкой грани психологических нюансов и сложных переходов душевных состояний! В де Сильве-Гамбашидзе звучали ноты трагедийного пафоса. В нем жил шекспировский дух. И именно этот образ стал для актера подступом к образу шекспировского Отелло.

Трагедия вообще не была стихией Гам-

башидзе. И, тем не менее, именно ему поручил Марджанишвили роль Отелло. Что подсказало режиссеру безошибочность этого выбора? Что заставило его дать одну из самых трагедийных ролей мирового репертуара актеру, который по своим внутренним данным вовсе не претендовал на положение трагика? Очевидно, все те же беспредельная чистота, просветленность и непосредственность в натуре Гамбашидзе, его открытое и честное отношение к жизни, его доверчивая влюбленность во все прекрасное, то есть именно те качества человека, которые и составляют самую суть шекспировского образа.

Марджанишвили искал в актере Гамбашидзе выражения своего замысла, добивался утверждения гармонически прекрасного мира человека. Этой гармонии лучше и полнее всего он добивался там, где Гамбашидзе-Отелло любил и верил, верил и любил. Неудивительно поэтому, что и Гамбашидзе наиболее удалась первая половина роли, где внутренний покой в душе Отелло еще не столкнулся с той страшной, разведующей силой коварства и зла, которая, как грубая и нетесанная глыба, вторглась в душу Отелло, посеяв там смятение, неистовство и хаос.

Отелло-Гамбашидзе весь светился в сенате. Счастье и торжествующая радость буквально захлестывали его, хоть он и старался их скрыть. Эта сдержанность в изъятии чувств шла от стыдливой робости южного человека, не желающего отдавать на суд окружающих свое, сокровенное, личное.

Как трогательно наивно не понимал он, чего от него хотят и сенаторы, и док, и Бранчио! Не мог постичь, в чем провинился он и за что его судят! Он волновался так, как волнуется ребенок, когда его журят за то, что он совершил какой-то промах, а ему и невдомек, что поступок его заслуживает осуждения. И это непонимание собственной вины шло не от «простецкости», не от ограниченности «африканца» или его «недалекости», а от гиперболической наивности и чистоты человека, неспособного совершить в жизни дурное.

Вот почему Отелло-Гамбашидзе не оправдывался, не пытался что-либо доказать или объяснить или попросту защитить себя. Покой и умиротворение его торжествовали в сенате свою победу.

Отелло-Гамбашидзе боролся с мязвичивым соперником своего покоя и счастья, боролся долго, честно, с открытым лицом, все с той же наивной и прекрасной детской доверчивостью. И там, где злой соперник настал его, где взрыв сомнений и неверия омрачал его душу, за эти минуты в нем снова жил большой оскорбленный ребенок, способный не только горько плакать от боли и обиды,

но и постоять за оскорбление своих иллюзий.

Большой ребенок совершил тягчайшее преступление. Это не был аффект или необдуманный порыв неистовства. Уязвленный, обиженный, потерявший доверие и веру, он пришел мстить за то, что люди разрушили его хрустальный замок, посеяв там грязь, запятав его черной копотью. Потерявший самого себя и все свое богатство, появлялся он теперь обескураженный, побитый и жалкий — человек без мечты, без будущего. В душе его было темно и пусто, руки безжалостно обвисли. Он весь как-то сник, лучистые глаза его померкли. И когда унавал он о невинности Дездемоны, он словно оживал. Именно оживал, возвращаясь к жизни, а не просто прозревал. Лицо его снова озарялось счастливой улыбкой ребенка, которому вернули его детскую веру, мечту о прекрасном мире. Вернули в целостности, сохранности, незапятнанной, не разрушенной. И смерть он принимал как успокоение все с той же детской улыбкой, в которой снова светилась счастье, покой и умиротворение.

Гамбашидзе был слишком индивидуален как актер. И не только потому, что образы, им созданные, выражали чистоту его человеческого нутра, его благородства и теплоты (не все среди этих образов были по своему внутреннему складу идентичными характеру Гамбашидзе-человека — среди героев Гамбашидзе немало и отрицательных персонажей), а потому, что в каждом, даже самом отталкивающем его герое, было нечто особенное, рожденное его актерской волей.

Большая, тучная, даже громоздкая фигура Гамбашидзе, некоторая неторопливость, размеренность движений и жестов неизменно рождали вокруг него состояние внутреннего покоя. Особенно в ролях благородных, почтенных и душевно порядочных людей. А их Гамбашидзе сыграл на своем веку немало. Более того, именно они, эти благородные и порядочные герои, были его стихией, его страстной привязанностью. Он умел делать их необыкновенно привлекательными, наделял их обаянием, достоинством, горделивой осанкой.

Но Гамбашидзе не занимался слащаво-приторным смакованием их положительных черт, не устранил сироп из их благодетельной, не снижал социальной остроты конфликтов, не сглаживал острые углы, не шел на компромисс и сделки с реальной действительностью. Героя его вовсе не были «добренькими» и «миленькими» старикашками с шаркающей походкой и доброй, всепрощающей внешностью, или эталонными идеально-правильными, ни в чем не заблуждающимися, «чистенькими» руководителями.

Рождение хорошего в человеке принималось актером как борьба, как разрешение конфликта, как преодоление сложных душевных переживаний. Там, где не было этих сложностей и препятствий, Гамбашидзе домьслывал их. Иначе он попросту не мог и не умел лепить образы.

Большой творческой победой актера явилась его работа над образом профессора Бородина в «Страхе» А. Афиногенова. Вот где поистине мог развернуться счастливый актерский дар Гамбашидзе, одолевая всю сложность постижения далеко не простого душевного мира благородного и честного ученого!

Бородин-Гамбашидзе ошибался. Но приходил он к осознанию своих ошибок не сразу, не вдруг. Такой актер, как Гамбашидзе, ни на йоту не мог покряхтеть душой перед зрителем. Он убеждал своим исполнением, что процесс осознания своей неправоты — сложный и мучительный для его героя.

Такой Бородин, каким играл его Гамбашидзе, мог не бояться ни упреков в поражении, ни обвинений в слабости. Из поражения своего он выходил по существу победителем, потому что и здесь, в мужественном признании своих ошибок, он оставался самим собой — искренним, прямым, благородным и честным человеком и ученым.

В другой пьесе А. Афиногенова — «Далекое», осуществленной на сцене театра имени Марджанишвили режиссером Додо Антадзе, Гамбашидзе сыграл роль генерала Малько. Актер и здесь шел путем открытых, бескомпромиссных решений. Его Малько меньше всего думал о своем физическом недуге. И вовсе не потому, чтобы бравадовать своей смелостью, не для бахвальства и позы. В насмешливо-пренебрежительном отношении Малько-Гамбашидзе к своим собственным болячкам было что-то горькое, грустно-трогательное. Он умел как-то особо, тихо и бесшумно улыбаться краешком рта, и в этой усмешке отражалась и ирония все понимающего человека, и желание его не сдаваться. Малько-Гамбашидзе не столько не хотелось умирать (это было так естественно!), сколько **хотелось жить**. Он был жизнелюб, открытый, размашистый, голосистый и боевой. Смертельно больному, ему все было интересно в этом мире, хотелось развернуться шире, распахнуть свои могучие, богатырские крылья и совершать большие дела. Невольно думалось: Гамбашидзе идет «от противного», играет жизнь там, где речь идет о смерти, подчеркивает силу там, где силы по существу иссякают. И в этой стихии жизнеутверждения ему, актеру, влюбленному в жизнь, как никогда было хорошо и удобно.

Шли годы. Гамбашидзе пополнял свою творческую биографию все новыми и новыми образами героев-современников. Двое из этих героев чем-то отдаленно напоминали зрителю его Бородина. Это были Серго Магалашвили из пьесы Д. Антадзе, Ш. Думбадзе и Г. Чиковани «Простые люди» и профессор Говетиани из пьесы В. Патарая «На набережной».

Неудивительно поэтому, что Гамбашидзе в своих новых работах многое использовал из накопленного ранее. Не повторяя и ничего не копируя, он однако взял за основу самое существенное — подступы к решению проблемы перестройки человеческой психики. Как и в образе Бородина, Гамбашидзе и здесь не решал схему с налета, уходил от некоторого схематизма и так называемой «бесконфликтности» этих пьес. Он искал, и искал упорно, сложности на пути постижения образа инженера Серго Магалашвили, который должен был обрести в себе силы, чтобы суметь отойти от личных обид, встать выше них во имя большого общего дела. Он утверждал, что его Говетиани не просто «перестроившийся» элемент, не просто «кающийся грешник», а человек думающий, глубоко переживший свою драму. Стоя на трибуне, его Говетиани не декларирует, не бьет себя в грудь, не произносит промких слов покаяния. Он рассуждает. Рассуждает скорее сам с собой, нежели с окружающими, потому для него — честно и прямого человека — гораздо важнее разобраться в своем собственном душевном конфликте, нежели в конфликте с теми, кто ему противостоит. И то, что в минуты раздумий Говетиани-Гамбашидзе далек был от лояного пафоса и выпренности, свидетельствовал весь его вид — угрюмый, сникший, когда он оставался наедине с собой; мужественный и исполненный достоинства, когда он появлялся на людях. В эти минуты общения с окружающими в нем появлялась даже строгость и некоторая надменность, за которыми он старался скрыть свой внутренний разлад и внутреннюю робость.

Великолепен был Гамбашидзе в роли инженера Забелина в «Кремлевских курантах» Н. Погодина. Запоминался мягкий, чуть грустный взгляд человека, задумавшегося над судьбами России, ищущего в жизни верного пути. Взгляд человека думающего, глубокого, даже мудрого. И — полного внутреннего достоинства.

Он, этот Забелин, не был озлоблен на судьбу, так внезапно, круто и решительно изменившую течение его размеренной, благополучной жизни. Скорее растерянность и беспокойство, недоумение и пылливость вопроса излучала его внушительная и тучная фигура. Зритель понимал: человек этот на перепутье.

Должно случиться что-то решительное, большое, крупное, чтобы определить всю его дальнейшую судьбу.

И этот толчок наступал. Сцена встречи с В. И. Лениным становилась для Забелина-Гамбашидзе решающей. Он приходил на эту встречу подтянутый и собранный. Здесь не было уже растерянности, блуждающего, задумчивого взгляда. Теперь он был, как натянутая струна — весь на нерве, весь — ожидание. В нем соединилось все — и осторожность, и надежда, и предчувствие чего-то значительного, и недоверие, и некоторая попытка «отгородиться» от непонятого, неведомого, еще не постижимого.

Исполненный достоинства и гордости, стоял Забелин-Гамбашидзе перед незнакомым ему человеком. И было непонятно, что же он решил. Поверил ли Ленину? Сомневается? Остался ли на перепутье? Или вовсе не принял сделанного вождем предложения, начисто отрезав для себя пути сближения с новой властью?

Перелом в Забелине-Гамбашидзе наступал не здесь, не в этой сцене. Этот перелом приходил к нему потом, когда уже дома он обдумывал и анализировал все — и то, что случилось с ним только что, и свою собственную жизнь.

Гамбашидзе — психолог, актер без фальши, играл эту сцену прозрения необыкновенно тонко, взволнованно, глубоко драматично.

Шалва Гамбашидзе был рожден для утверждения высоких чувств и благородных порывов.

С этими пристрастиями актера, с его тягой к гармонии прекрасного в людях связаны и его увлечения историей, рождение в его творческой биографии мужественных и благородных героев исторического прошлого, которые несли людям светлые идеалы свободы и правды.

Среди исторических героев Гамбашидзе — Георгий Саакадзе, Кутузов, католикос-патриарх Антон, Паата Батонишвили. Каждого из этих героев он старался приблизить к современности, искал и находил в них черты и приметы, сближающие их с нашей эпохой.

Кутузов-Гамбашидзе был вовсе не музейной копейкой, не сухой, прилаженной схеме. В нем предстал прежде всего живой человек, наделенный всеми обычными житейскими прихотями — немного суровый, немного угрюмый и ворчливый, но по существу мягкий, добродушный и уютный старик, в котором прочно жили стойкая уверенность бойца, мужественный дух солдата и необычайная прозорливость стратега.

В этом образе снова приходили к актеру неторопливость, степенность, размеренность интонаций. Его большая, грузная и несколько неповоротливая фигура излучала покой, уверенность и внутреннюю собранность человека, на которого можно было положиться в самых крутых перипетиях и который молча, без шума и бахвальства мог привести народ к победе. Но сдержанность и медлительность Кутузова-Гамбашидзе не вступали в противоречие с той живой и пронизательной мыслью полководца, которая двигала вперед не только его собственные действия, но и действие пьесы в целом.

В Кутузове-Гамбашидзе все время kloкотала жизнь. Жизнь человека думающего, обеспокоенного судьбами России, пытливого и зоркого. При внешней собранности и даже внешней статике Кутузова-Гамбашидзе, порывы эти были словно скрыты от глаз наблюдателя, актер нигде не старался их акцентировать, не бравировал ими. Бравлада вообще не была характерна для его Кутузова. Он был сосредоточен и сдержан, порою суров и неприсоединен и не расплескивал наружу своих эмоций, пристрастий и антипатий. Во всех проявлениях своего характера Кутузов у Гамбашидзе был необычайно естествен и прост. И было почти непостижимо, как умудрялся актер при этой беспредельной достоверности, обыденности и жизненной простоте, добиваться такой огромной значительности образа Кутузова, граничащей с художественным символом. Кутузов был одной из лучших ролей Шалвы Гамбашидзе. В нем происходило то самое слияние художественности и жизненности, которые ведут актера к вершинам совершенства.

Гамбашидзе умел быть максималистом в изъятии своих чувств и эмоций. Не всегда степенность и сдержанность верховодили его сценическим поведением. Порою стирались в исполнении актера сковывающие границы импозантности, и тогда становился он откровенно раскрепощенным в своей безудержной вспышке эмоций, в переливчатой гамме порывов. Тогда излучал он гром и молнии, грузный, большой, неомного мешковатый.

Шалва Гамбашидзе познал стихию комического. Он ощущал разнообразную фактуру этого жанра — от смешного до остро сатирического, доходящего до сурового, обличительного пафоса.

Характерность, комедийное в Гамбашидзе тоже отражали в себе черты его индивидуальности. Они были лишены игривой заразительной легкости, изящного, тонкого юмора и ажурной эксцентричности. И вместе с тем в них жил и юмор, и заразительность. Но только

окрашивались они в особые витонационные краски, принимали его, гамбашидзевское, обличье.

В его комедийных персонажах была какая-то трогательная незащищенность. Его Менго из «Фуантэ Овехуна» был веселычак и балагур, но веселычак и балагур с грустинкой, с душой лирика-поэта. Его Какута из «Кваркваре Тутабери» П. Какабадзе был угловат и неуклюж и вызывал к себе затаенное чувство жалости и сочувствия.

Туповатость и неуклюжесть часто становились его «служебными атрибутами» при характеристике комедийных персонажей. Он апеллировал к ним, когда хотел вскрыть несоответствие между их представлениями о жизни и общепринятой нормой человеческого поведения. В этом несоответствии он видел как раз причины нелепости, причудливости и однозности своих героев из комедии. И из сатиры тоже.

Так родился его Рипафратта («Хозяйка гостиницы» К. Гольдони) — этот сочный, жизнеобильный и земной образ эпохи итальянского Возрождения.

Играя Рипафратту, Гамбашидзе окунулся, как говорится, в свою стихию. Здесь в этом образе ему было просторно и волготно. Он ухивался брызжущей эмоцией своего героя, даже смаковал его бесшабашность и причудливость. Актер достигал максимализма в выявлении этих эмоций, и они неизбежно приводили его к форме укрупненных и гиперболических ракурсов.

Рипафратта-Гамбашидзе отличался круглыми, размашистыми и шумными повадками. Ему повсюду сопутствовали беспорядочность и хаотичность целой цепи поступков. Поистине от него исходил прохот, он сеял сумбур и нелепое, неуклюжее смещение. Во всем его поведении было что-то уморительно-беспомощное, даже беззащитное. Грубый мужлан, он снова напоминал нашкодившего ребенка — упрямого и глупого, который, сам того не сознавая, совершал нечто непоправимо скандальное.

Но Гамбашидзе был присущ и дар обличения. Актер-реалист в самом точном и самом высоком смысле слова, Гамбашидзе понимал, что значит быть беспощадным в своем осуждении дурного. Добродушный, мягкий Гамбашидзе мог становиться неумолимо суровым.

Обличая, он всегда старался проследить причину возникновения дурного и, если возможно, объяснить, в чем вина, а может быть, и в чем беда его героя. Он не оправдывал своих отрицательных персонажей. И вовсе не жалел их. Но место для собственных психологических раздумий оставлял всегда. И именно эти раздумья, неизбежно порождая раздумья зрителя.

Гамбашидзе-сатирик был сатириком-гуманистом. В своих обличениях он ис-

ходил все из того же горячего и страстного желания людям добра. Он порицал зло во имя человечности и в этом своем порицании был таким же взволнованным и трепетным, как и в утверждении добра.

Гамбашидзе сыграл гоголевского Городничего. Может показаться удивительным и странным, что именно ему, человеку, отличающемуся в жизни почти идеальными личными качествами, не мыслящему себе какого бы то ни было неблаговидного поступка, никак не тяготевшему ко злу, была поручена одна из самых злых, беспощадных и жестоких сатир мирового репертуара.

И снова напрашивался вопрос: что общего мог увидеть режиссер А. Такайшвили между этим гиперболическим пороком и человечностью Шалвы Гамбашидзе? Где искал он те самые точки соприкосновения, которые привели в итоге к желаемой сценической гармонии между актером и персонажем и заставили поверить в чудо?

Встреча Гамбашидзе с Городничим была подготовлена всей предшествующей биографией актера. В разные годы создал он целый ряд сценических образов, в которых утверждал свое неприятие уродливых сторон жизни, осуждал дурное. Фон Вальтер и Президент в спектакле «Коварство и любовь», Казарин в лермонтовском «Маскараде», пушкинский Сальери, Соломон Меджигануашвили (в одноименной пьесе Л. Ардазиани), Кнуров из «Бесприданницы» и Дариспан («Невзгоды Дариспана» Д. Кидиашвили) — таков далеко не полный перечень героев Гамбашидзе, которые в той или иной мере подготовили в его творческой биографии рождение Городничего.

В образе гоголевского Городничего Гамбашидзе, как уже отмечалось, давал безудержный размах своим эмоциям, направляя их всякий раз на максимальное, укрупненное выражение той или иной стороны характера героя.

Он начинал спектакль с самых высоких нот. Знаменитую первую фразу комедии он произносил, сидя за круглым столом, с важным, суровым и строгим видом человека, готового к предстоящему бою. Четко отчеканивая каждое слово, он вовсе не казался испуганным или растерявшимся. Руки его были сжаты в кулаки — мощные и грубые, они словно готовились в любую минуту применить свою силу. Губы стиснулись в злобой складке, и от этого во взгляде и во всем его облике появилось что-то зверное, нечеловеческое.

Куда девались добрые и ясные гамбашидзевские глаза? Куда ушла его улыбка, где скрылось человеческое обаяние, теплота душевная? Все в поведении ак-

тера свидетельствовало о полном отходе от своего «я», о его душевной и физической трансформации, именуемой на языке театра искусством перевоплощения. Но Гамбашидзе не был бы самим собой, если бы ограничился только этой одной характеристикой своего героя. Мастер постижения сценических сложностей, он не мог остановиться на полпути. Ему надо было вести героя дальше, вскрыть его нутро, развенчать несостоятельность его напыщенности.

И Городничий у Гамбашидзе недолго сохранил этот бравый и наглый вид. Бравость и напыщенность, жестокость и наглость солдафона постепенно отходили на второй план. Их одолевали тупость человека, его животная ограниченность. И тогда злые глаза Городничего становились вдруг беззащитно глупыми, пустыми и блуждающими, руки беспомощно обвисали. Эти глаза и руки уже не выражали готовности к бою. В памяти очевидцев он навсегда запечатлен в финальной сцене с большой плеткой в руке, с беспомощно оттопыренной, обвисшей губой, растерянный, обескураженный, так и не понявший, что же в сущности с ним произошло. Мыльный пузырь разлетелся в брызги, и в такие минуты невольно становилось жаль эту грандиозную, монументальную и такую ничтожно-обмякшую глыбу. Снова образ нашкодывшего дитяти венчал блистательное исполнение актера.

Гамбашидзе постигал природу Городничего в разных ракурсах, при этом всякий раз подчеркивая в его повадках нечто граничащее с звериными инстинктами. Он мог фаскатисто гоготать, громко горланить, грубо по-солдафонски ликовать, так же грубо орать на подчиненных, подобострастно лебезить перед Хлестаковым, и повсюду в его поведении сквозила тупая и страшная суть человека, потерявшего человеческий облик.

«Ничего не играть! Как этого добиться? А вместе с этим быть необычайно театральным...» — записал однажды в своем дневнике Н. П. Хмелев¹.

Великий актер советской эпохи мучился этой проблемой. Его беспокоила самая суть вопроса о взаимоотношении сценической правды и сценической образности.

Шалва Гамбашидзе разумеется тоже не смог бы дать исчерпывающего ответа на этот вопрос. Но своей творческой практикой и он не раз демонстрировал реальность постижения этой проблемы.

В конце жизни он снова столкнулся с этой реальностью. В пьесе В. Габески-

¹ Цит. по кн. «Ежегодник Московского Художественного театра 1945 г.». Том II, М., 1948 г., стр. 75.

рия «У пропасти» он сыграл старика Антимоза.

Впрочем, Гамбашидзе ничего не играл. Он просто жил на сцене. Жил, действовал, пришел сюда из грузинской деревни — обычный дедушка, отец, старейший в роде, как говорится, совесть семьи.

Антимоз в пьесе переживал глубокую душевную драму. Он потерял на фронте сына, всю любовь к которому перенес на внука и невестку. Невестка выходила замуж за человека недостойного, внук умирал...

Какое нагромождение злоключений! Как настаивают они Антимоза! И как необходимо было актеру не только глубоко осмыслить и пережить все это, но и оправдать с точки зрения синтеза двух правд — житейской и театральной, избегающей при этом мелодраматического прикваса и выпренности.

Гамбашидзе понимал: зритель не простит ему малейшего нарушения «пропорций», пусть даже самого невинного отступления от большой правды чувств. Слишком уж интимны были эти чувства, слишком сокровенны и святы для каждого сидящего в зале. Такой актер, как Гамбашидзе, не имел права не учитывать всех этих тонкостей. И помня об ответственности, он всякий раз, играя Антимоза, словно отрывал от себя частицы своего сердца, отдавал их щедро людям, поверившим его правде.

Антимоз-Гамбашидзе был до невозможности прост и будничен. Все, начиная от костюма — простой деревенской рубахи и таких же простых деревенских чувств, кончая неторопливой, размеренной послушно усталого, горемычного старика — все в этом Антимозе говорило о его причастности к той категории людей, которые в общем ничем не примечательны в жизни, не совершили ни геройства, ни подвига и чей удел — нести на своих плечах бремя повседневных забот, обычных и заурядных, как и сама их жизнь.

И вместе с тем было в этом Антимозе нечто такое, что заставляло не только уважать его, но и попросту преклоняться перед ним. Это нечто заключалось в его невероятном человеческом обаянии. Он весь светился добром и благородством. Удары судьбы не убили в этом человеке главного — достоинства и чистоты душевной. Напротив, рожденные в борьбе с трудностями и тяготами жизни, эти его качества выглядели еще прекраснее. Именно здесь, в нахождении тончайших переходов от обычного, будничного к высоким, возвышенным проявлениям человеческого нутра, находил актер Гамбашидзе те сложные «пропорции» синтеза, постижение которых приводит к великолепной сценической гармонии и театральной образности.

Дедушка Антимоз был сценическим шедевром Гамбашидзе. Антимоз был как бы квинтэссенцией его благородства, мягкости, человеческой уютности, чистоты и честности, высокой моральной стойкости и душевной красоты. Быть может, ни в одной из сыгранных ранее ролей не испытывал актер такого полного и беспредельного слияния своих индивидуальных качеств с изображаемым героем. Быть может, ни один из образов грузинского советского театра не обрел на сцене такой беспредельной жизненной достоверности и человеческого обаяния, как это было налицо в гамбашидзевском Антимозе. К такому дедушке хотелось приласкаться, зарыть лицо в его нежную бороду, ощутить тепло его дрожащих, растерянных и усталых рук, защитить его от ударов судьбы, помочь в беде и плакать, плакать вместе с ним его же горячими, почти детскими слезами над непоправимостью горя, обрушившегося на слабые старческие плечи.

...Внук умирал на руках Антимоза. Сцена смерти была в пьесе довольно растянута — целая картина. Невозможно было решать ее одними слезами, одними стенаниями. И Антимоз-Гамбашидзе не стонал, не кричал, не впадал в истерику. Он хлопотал у кровати внука, давал ему лекарства, гладил по головке, ждал невестку откуда помощи и спасения. Словом, он все время был занят делом. Все, даже самое незначительное, все в этот момент обретало для него характер важности и необходимости. Он боролся за жизнь внука, один, как умел, с глазу на глаз с неумолимой смертью — и в этой схватке обретал веру в возможность чуда. Вот начинал он танцевать. Он танцевал для умирающего внука, танцевал из последних сил, потому что ему и впрямь казалось, что танец этот может доставить радость ребенку. Почти не сходя с места, негромко прихлопывая в ладоши в такт своему притоптыванию, он бормотал какие-то невнятные слова — не то напев мелодии, не то молитву. Танец этот был криком его истерзанной души. Здесь слилось все — и бездна любви, и бездна страдания, и безысходность, и надежда, и еще многое такое, что снова позволяло разглядеть в игре актера «пропорции» земного и обыденного, возвышенно-патетического и образного, граничащего даже с образностью шекспировских масштабов...

Вскоре после Антимоза Шалва Гамбашидзе сыграл роль Шрусбери в трагедии Шиллера «Мария Стюарт».

Шалва Гамбашидзе сыграл Шрусбери всего один раз — на премьере. Во время спектакля на сцене он почувствовал себя плохо, вдруг запнулся, глубоко вздохнул, чуть-чуть покачнулся.

По залу прошел тревожный шорох.

Зритель на минуту замер. Но актер не потерял равновесия, не покинул сцену. Он продолжал играть. Играл, как говорится, на пределе сил и доиграл спектакль до конца.

В тот вечер он фактически расставался с жизнью. Больше он не вернулся в свой театр, который, собственно говоря, и был для него смыслом существования.

Через несколько дней грузинский народ провожал его в последний путь. И случилось невольно: так уходят из жизни только большие художники, те, кто отдает театру свое пылкое сердце, всю свою душу — дотла. Вспоминались Хмелев, Добронравов...

О таких говорят просто: умер, как воин, на боевом посту.

Хроника

ЛИСТАЯ ЗАРУБЕЖНЫЕ ГАЗЕТЫ...

В Англии с большим успехом прошли гастролы Государственного ансамбля народного танца Грузии. Английская пресса широко комментировала выступления ансамбля. Мы публикуем некоторые отклики из английских газет с незначительными сокращениями.

Газ. «Таймс» 26 июля 1966 г.

Для тех, кто видел Грузинский государственный танцевальный ансамбль во время его предыдущего визита в Лондон в 1959 г., двухнедельный сезон, открытый им вчера вечером в Фестивэл Холле, вряд ли нуждается в восхвалениях. Это — один из лучших танцевальных ансамблей в Европе. Он обладает своим собственным неповторимым стилем, программа его хорошо построена, причем ее не прерывают никакие утомительные хоровые интерлюдии.

Представление отличается от предыдущего лишь в нескольких деталях. И это — не упрек в адрес ансамбля. Ансамбль нашел свой стиль, так сказать, удачную формулу, и не было никакого смысла от нее отказываться.

Грузинский танец основан главным образом на движении двух видов: одно — неистовое, стремительное, второе — медленное и плавное. Но самыми впечатляющими моментами являются те, которые объединяют эти противоположности, и тогда ноги танцора движутся с поразительной быстротой, в то время как сам он остается на месте или же движется вперед медленно и горделиво.

Мужчины, стремительные, как орлы, торжествуют победу. Фехтуют на мечах, они буквально высекают искры; многочисленные состязания, в которые они вступают, смотрятся с огромным интересом. Женщины, хотя в общем они менее бросаются в глаза, держат себя с очаровательной грацией.

Было, бы конечно, более эффектно, если бы декорации состояли не только из простых белых полотнищ, а также если бы была увеличена сила звучания находящихся за сценой аккордеонов и барабанов, но это — всего лишь незначительные недостатки вдохновляющего дивертисмента.

Газ. «Дейли Мэйл», 26 июля 1966 г.

...Нино Рамишвили, темноволосая женщина с орлиным профилем, вместе со своим мужем является основателем и дирек-

тором ансамбля. Она не принадлежит к числу тех темпераментных директоров, каждый жест которых чрезмерно экспансивен. Согнутым пальцем она может привлечь больше внимания, чем иной голливудский директор поднятым хлыстом для верховой езды.

Газ. «Дейли Телеграф», 26 июля 1966 г.

Выступления Грузинского государственного танцевального ансамбля, открывшиеся вчера вечером в Фестивэл Холле, подтверждают исключительные национальные качества грузинского народа.

Танцевальные сценки отражают тбилисский быт, обычай кавказских горцев или жителей долин Грузии.

Бурная военная история вызвала огромное внимание к военному искусству и развлечениям на привале. В этих военных танцах, полных пышности и гротеска, мужчины, гордые, стойкие, благородные, совершают самые невероятные акробатические подвиги.

Женщин нужно защищать и почитать, и блестящие жесты рыцарской вежливости в танцах обладают простотой и мужеством.

Женщины же, подобные непуганым газелям, исполняют танцы, в которых проявляется удивительная плавность и мягкость движений.

Но главное, что обращает на себя внимание в программе — это высокие качества мужского танца, почти потрясающего благородством и мужеством, что довольно редко встречается в наши дни.

800 лет Руставели

Илья РУРА

На палестинской земле

Зарубежные поездки в наши дни стали делом обычным, а путевыми записками хоть пруд пруди. И я не стал бы отнимать время у читателя рассказом о нашем путешествии в Палестину, не будь на то некоторых причин.

Надеюсь, мои слова не будут восприняты как «дипломатические» извинения.

Итак, во-первых, посещение группой сотрудников грузинского телевидения Палестины связано с празднованием восьмисотлетия Шота Руставели, а этот юбилей находился в центре внимания всего нашего народа.

Во-вторых, за время пребывания в Палестине, а мы там гостили более месяца, нами было увидено многое, что не лишено интереса. В этом нас еще раз убедили встречи с представителями общестственности и отклики даже на скупые газетные информрмации.

И наконец, грузинский народ не так уж избадован сведениями о деятельности наших далеких предков за границей, описанием связанных с их жизнью исторических мест и памятников.

Ведь до недавней экспедиции в Израиль видных грузинских ученых Георгия Церетели, Акакия Шанидзе и Ираклия Абашидзе наши представления о древних грузинских памятниках в Палестине ограничивались описаниями путешественников восемнадцатого-девятнадцатого столетий, причем они носили, в основном, специальный характер. Поэтому можно без преувеличения сказать, что поэтический цикл «По следам Руставели» и захватывающий «Палестинский дневник» Ираклия Абашидзе открыли нам мир новых представлений, помогли сегодняшними глазами увидеть грузинские древности.

Это поэтическое видение истории оказалось настолько впечатляющим еще и потому, что было связано с именем Шота Руставели.

По следам Шота Руставели направились и мы, работники грузинского телевидения.

А началось все это так.

Однажды, когда мы составляли план подготовки к юбилею Руставели, возникла мысль создать полнометражный

фильм о гениальном поэте. Эта идея, данная главным режиссером телевидения Гурамом Патарая, многим показалась слишком дерзкой. Смущали не только сложность поставленной задачи, ограниченные материальные и технические возможности, но и то, что грузинское телевидение не знало до этого прецедента создания полнометражного фильма. Однако, несмотря на все трудности, руководство комитета поддержало это предложение.

Идея создания фильма о Шота Руставели была одобрена также юбилейным комитетом и руководящими органами.

Правительство обеспечило работающую над фильмом творческую группу всем необходимым. Немалую помощь оказал и Всесоюзный комитет радиовещания и телевидения.

Приступая к работе над сценарием, мы в первую очередь решили четко определить цели и характер будущего фильма. А если учесть, что он должен рассказать о самом светлом и высоком для грузинского народа образе — Шота Руставели, то станет понятным, что это было делом нелегким.

Фильм, названный нами «По следам Руставели», задуман как лента о потерянной биографии Шота, фрагменты которой почерпнуты из народных легенд и преданий, документов той эпохи и замечательных памятников материальной культуры.

Подготовительная работа требовала много времени и сил. Нам пришлось изучить огромное множество материалов, исколесить почти всю Грузию.

Работая над литературным, а затем и над режиссерским сценарием, мы часто обращались за помощью и получали полезные советы от И. Абашидзе, А. Шанидзе, Г. Церетели, Г. Чубинашвили, Ш. Амирашвили, А. Варамидзе, В. Беридзе, П. Закарая, И. Абуладзе, Е. Метрели, Ш. Месхия, Г. Ломтатидзе, Л. Рчеулишвили, Г. Гаприндашвили, Н. Натадзе, С. Цаншвили и других.

Народные предания, как известно, связывают последние годы Руставели с Палестиной, куда он, согласно легенде, был послан со специальной миссией и

где провел последние дни своей жизни. Во всяком случае, сохранившиеся в Крестном монастыре изображение Шота мечурчлетухудеси, которое считалось потерянными и только благодаря стараниям А. Шанидзе, Г. Церетели, И. Абашидзе было в 1960 году возвращено к жизни, считается подлинным портретом великого Руставели.

Документальный фильм о поэте, конечно, не мог обойти стороной Крестный монастырь и фресковую живопись на одной из его колонн — этот факт вошел одним из основных эпизодов и в сценарий. Поэтому было решено направить творческую группу — режиссера-постановщика, оператора и автора сценария — в Палестину.

До вылета в Палестину мы провели несколько дней в Москве и, воспользовавшись случаем, побывали в гостях у известного драматурга, нашего земляка Георгия Мдивани. Он уже знал о цели нашего путешествия и встретил нас в дверях радостным возгласом.

— Вам просто повезло, друзья. Ведь послем в Израиле мой близкий друг.

Правда, в Комитете по радиовещанию и телевидению нам уже говорили, что все вопросы улажены и посол в Израиле Дмитрий Чувахин окажет нам помощь, но все же мы охотно взяли дружеское письмо Мдивани.

— Если что понадобится, не стесняйтесь, звоните. Я сделаю все, что в моих силах, — пообещал он на прощанье. Забегая вперед, скажу, что Георгием Давидович сдержал слово и во многом помог нашей группе.

* * *

В дождливое утро 14 апреля наш «Ил», покругив над Шереметьевским аэродромом, взял курс на Кипр.

Понемногу мы освобождаемся от нервного напряжения, которое всегда сопутствует ожиданию интересной поездки, однако на смену ему приходят новые заботы, волнения.

Наша цель, если можно так сказать, предельно локальна — снять то, что необходимо для будущего фильма, то есть Крестный монастырь и фреску Руставели. Казалось бы, что в этом трудного, какие непреодолимые препятствия могут встать на нашем пути? Но в душе мы надеемся на большее, думаем намного раздвинуть рамки поставленной перед съемочной группой задачи.

Гурам Патарая везет десять тысяч метров цветной пленки. — Вот увидите, — таинственно поделился он с нами, — мы снимем еще кое-что.

А пока у нас такое ощущение, будто весь этот груз — более четверть тонны пленки и аппаратуры — мы тащим на своих плечах. Ведь если привезти всю эту пленку нераспечатанной (а та-

кое вполне возможно), как покажется людям на глаза?

Гиви Мелкадзе — нашему оператору — достанется тогда на орехи. Правда, едва мы устроились в самолете, как объявили себя его ассистентами, однако бодрости это ему не прибавило. Шутка ли, таскать на себе тяжеленный киноаппарат, перематывать столько пленки, заряжать кассеты... Словом, забота не из легких. Прибавьте ко всему еще режим съемки и ее качество, о чем, честно говоря, я имею очень смутное представление.

Этот плотный молчаливый юноша, словно читая мои мысли, сидит в кресле и улыбается добрыми голубыми глазами.

Гурам, самый разбитый и общительный из нас, быстро вышел из «состояния невесомости». Он запросто перезнакомился вначале с соседями по ряду, а потом уже и со всеми другими пассажирами. Его умение завязывать знакомство и мгновенно находить общий язык с собеседником очень помогло нам в работе на палестинской земле. И мы не жалели, что «окрестили» его своим руководителем.

Вместе с нами в самолете летят навещать родственников и близких в Палестине несколько евреев из разных уголков Советского Союза.

Самолет зарылся в туман, и нас не покидало ощущение, будто он висит в воздухе; лишь по гулу моторов можно было судить о большой скорости полета. Только над Крымом мы увидели в форточке, пробитой в тучах, кружок повесеннему сияющей земли.

Вскоре под нами распласталось бескрайнее море.

В самолете совершенно по-иному ощущаешь время и пространство. Я не отрываю глаз от иллюминаторов. Там, по левую сторону, так близко и в то же время далеко, угадывается Грузия. Я думаю о Батуми — городе моего детства и юности. Наверное, потому, что в сознании моем глубоко запечатлелись дивные картины заката солнца и впервые там я ощутил величие гордой морской стихии.

Стюардесса предложила газеты и журналы. Вероятно, каждый, кто летал самолетом, испытал к стюардессам удивительно нежное, почтительное, а бы даже сказал, трепетное чувство. Мне пришлось заметить, что даже самые отъявленные ловеласы в самолете предпочитают отложить для другого случая свои избитые комплименты. Может, это действует близость синего неба?..

Так или иначе, но каждый раз я проникаю самым теплым чувством к этим мужественным девушкам. Видно, не случайно написано о стюардессах столько хороших слов.

Огромное пространство от Москвы до Кипра наш самолет преодолел всего за четыре часа. Под нами возник вдруг лагунный морем остров Афродиты — яркий оранжевый кружок в голубой оправе. Самолет резко опускается вниз — бесчисленные квадраты обработанной земли создают иллюзию многоцветности.

Приземляемся на Никозийском аэродроме.

Давно не слышал я громкого и оживленного разговора греков. Всплывают воспоминания детства, и кажется — вижу перед собой знакомые лица греков, моих друзей по Багуми.

В Никозии нам пришлось ждать недолго, менее часа.

Дальше мы летели уже самолетом авиаконпании Кипра. Слышалась английская, французская, греческая речь, и мы только сейчас осознали, что находимся на чужбине.

В глубине души я расканивал, что так несерьезно вел себя на уроках французского языка в школе, не прислушивался к советам учительницы Веры Чедия.

— Ю спик инглиш?

— Парле ву франсе, — старается завязать знакомство Гурам. И обе стороны удивлены: Гурам тем, что собеседник, оказываясь, одинаково хорошо говорит и по-английски и по-французски, а его новый знакомый тем, что этот элегантный и общительный молодой человек не знает ни одного иностранного языка. Но наш режиссер не унывает — он рационально применяет навыки, полученные в театральном институте на уроках пластики, и умудряется вести оживленный разговор. Время от времени он бросает на нас беглый взгляд и, уловив ироническую улыбку, обещает:

— Вот увидите, к сентябрю я буду шпарить по-французски.

— Дай бог, Гурам, — отвечаем мы, — ты и сейчас отлично объясняешься. Мы летим над Средиземным морем.

* * *

Показался берег библейской земли.

Летание с нами евреи не отрываются от иллюминаторов. Их волнение мне понятно. Ведь далекое прошлое, сохранившееся в легендах истории, — неотъемлемая часть их национального существа. Поэтому велика радость ступить ногами на многострадальную иудейскую землю. Землю, которая только через две тысячи лет вернула в свое лоно многих прошедших нацистский ад сыновей и дочерей.

На берегу моря между раскаленными холмами лежит белый Тель-Авив. Современные высокие дома, утопающие в зелени коттеджи, площади и шоссе дороги, по которым ползет вереница машин. Даже с такой высоты можно заметить, как растет и строится этот город.

Впрочем, Яффа, ставшая частью Тель-Авива, хранит старый облик.

На аэродроме нас ждали двое соотечественников: корреспондент ТАСС в Израиле Иван Стовбун — подвижной, на редкость лобезный украинец, и помощник советского консула Юрий Павлвс.

Обычный таможенный осмотр на этот раз прошел легко и быстро, хотя наш багаж, состоящий из киноаппарата, пленок, кассет, был необычно тяжел и мог вызвать подозрения. Однако нас только спросили, что мы возем, и любезно пропустили. Наверное, таможенники были предупреждены о нашем приезде.

Мы направлялись к машине, у которой, широко улыбаясь, стоял еще один наш соотечественник — Михаил Иванович, сотрудник отделения Академии наук СССР в Израиле. Впоследствии Михаил Иванович взял на себя все заботы о нас, и его гостеприимству и помощи мы многим обязаны.

Гиви Мелкадзе со всем своим багажом поехал на машине Михаила Ивановича прямо в Иерусалим, а мы задержались в Тель-Авиве, так как на вечер была назначена встреча с советским послом.

Иван Стовбун и его супруга Валентина Сергеевна с первого же дня начали нас баловать вниманием и гостеприимством.

Словоохотливый Стовбун живо и заинтересованно говорил о Руставели. И понятно, ведь он уже несколько лет изучает связанные с Руставели исторические материалы. И хорошо знаком грузинскому читателю по статьям, опубликованным в нашей прессе. Он показал нам перевод новой статьи доктора Зева Вилана, перепечатанный на ремингтоне. И его жена оказалась неравнодушной к этой теме. Она попросила рассказать коллегам посольства о современном грузинской литературе и юбилее Шота Руставели.

В пять часов вечера мы были в посольстве. При встрече с человеком, которого тебе так хвалили, невольно сравниваешь личные впечатления с отзывами. Как мы вскоре убедились, Георгий Мдивани ничуть не преувеличивал — советский посол в Израиле, Дмитрий Степанович Чувакин сразу же покорила нас простотой и сердечностью, непринужденностью в беседе.

Он позаботился о том, чтобы нам выделили тихую и уютную квартиру в здании академии. Кроме того, в нашем распоряжении была легковая машина.

— Мы только тогда согласились на ваш приезд, — сказал он, — когда греческий патриарх дал письменное разрешение снимать все интересующие вас объекты.

Мы поблагодарили посла.

Гурам не удержался и тут же поделился с ним нашим намерением побы-

вать в Иордании, чтобы снять на пленку и другие древние грузинские памятники.

— Что ж, надо подумать о возможностях, — сказал посол так, что у нас появилась надежда.

Дружескую беседу мы продолжили за столом, накрытым супругой посла, Евгенией Васильевной. Посол расспрашивал нас о том, как идут приготовления к юбилею Руставели, о его грузинских друзьях. Оказывается, он не был в Грузии вот уже тридцать лет.

— В этом виновата моя работа, — сказал посол.

Мы попрощались с любезным хозяином и перешли в просторный зал, где показывали новую ленту израильской киностудии — веселую комедию. А ночью гуляли по улицам Тель-Авива.

Город и ночью поразил нас. На улицах множество людей, преимущественно молодежи. Но никакой суеты, толкотни. Люди гуляют спокойно, деловито. Вдоль тротуаров выстроился бесконечный ряд машин и мотоциклов. Машины оставляют прямо под открытым небом — где взберед в голову. Лишь бы только не мешали движению.

Магазинов — тьма тьмущая. В ярко освещенных витринах с броскими рекламными картинками только хочешь товары всех стран и континентов. Однако все дорого, очень дорого.

Как нам объяснили, израильское правительство с целью преградить путь потоку иностранных товаров и защитить интересы национальной буржуазии, облагает все завозное огромной пошлиной.

Мы заглянули в кинотеатр. Здесь, в основном, крутят иностранные, ковбойские фильмы. В них много стреляют, убивают, культивируют патологию и извращение. Но нам повезло. Первый короткометражный фильм, удостоенный премии Оскара, высмеивал машиноманию. Затем показали другой фильм.

Содрогаешься, глядя на происходящее на экране. Ценой каких унижений, скольких слез, крови зарабатывает человек в мире капитала на хлеб, на пропитание. Во всяком случае, не такая уж там сладкая жизнь, какой она кажется некоторым недорослям.

Когда мы выходили из зала, Гурам Патарава сказал:

— Меня охватывает чувство гордости за свою страну, где не может произойти подобное.

И слова эти не звучали патетично.

Утром за нами заехал Михаил Иванович, и на его «Шевролете» мы помчались в Иерусалим.

Семидесятикилометровый отрезок пути лежит между Иудейскими горами и бескрайней равниной. Каждое местечко

или населенный пункт здесь связан с историей.

Вот Рамла — арабский городок средних веков, ставший административным центром после завоевания Палестины арабами. В этом городке, между прочим, некогда провел ночь наш видный ученый и путешественник Александр Цагарели.

Рамла считается одним из промышленных центров Израиля и растет в этом направлении.

За цитрусовыми садами и оливковыми деревьями следуют еще не освоенные массивы, на которых пасется скот бедуинов. Затрепанные и дырвые, как сито, палатки говорят о нищенском положении бедуинов. Здесь нет даже намека на ту романтику, которая представлялась нам по книгам. Не видно и резвых коней... У палаток играют голые ребятки, суетятся рослые женщины в пестрых платьях. А сам глава семьи, лежа на коврике, смакует кофе или курит опium.

Дорога взобралась на склон горы, и мы увидели по обе ее стороны бронемашин. Они служат напоминанием о недавней войне. Видимо, эти трофеи превратили здесь в символ Победы — машины тщательно выкрашены и в дни праздников увешиваются гирляндами цветов.

На овечьих легендах земле основным нашим гидом являются книги, рассказывающие о палестинских древностях. Хотя многие из этих книг сегодня стали библиографической редкостью, но с помощью директора нашей Публичной библиотеки Павле Канделаки мы смогли их все же достать. Книжки эти сослужили нам хорошую службу, но все же ориентироваться по данным в них описаниям оказалось не так-то легко. Ведь с тех пор многое изменилось — в водвороте современной жизни редко удается старому сохранить нетронутым свое лицо.

Палестина и сегодня служит ареной жестокой борьбы политических, экономических, национальных и религиозных страстей.

В такой обстановке трудно переопределить помощь, которую оказали нашей группе сотрудники Советского посольства. Однако пришлось искать ее и у духовных лиц — нас интересовали памятники древности, а они находятся в распоряжении духовных властей.

Сразу же по приезде в Иерусалим мы вошли в миссию русской православной церкви в Палестине. Ее глава — архимандрит Гермоген, оказывается, уехал в иорданскую часть Иерусалима. Нас принял дьякон Борис. Не будь на нем рясы, этого высокого, чисто выбритого человека не отличить от представителей современной молодежи. Борис знал цель нашего приезда и без долгих

церемоний пошел с нами в Крестный монастырь.

Сразу же за дверью, втиснутой в огромные каменные глыбы, перед нашими глазами возникли такие знакомые и родные виноградные лозы и бережно обступившие их апельсиновые и лимонные деревья.

Пройдя мощный камнем дворик, потом туннель, мы очутились у церкви и вдруг высоко на стене увидели выведенную нашим древним «асомтаврули» грузинскую надпись.

Таковыми же большими буквами исписаны тронутые временем каменные плиты у порога монастыря.

В церкви же глаза сами находят на правой колонне уже знакомую фреску, изображающую благородного старца с окладистой седой бородой. Отсвет пурпурной мантии падает на его лицо, и оно живет вполне земной жизнью, затеняя фрески более поздних времен, выполненные в однообразных серых тонах.

Крупными белыми буквами, которые легко принять и за орнамент, написано: «Шоте, расписавшему это, да простит бог. Аминь!». А чуть ниже — «Руставели».

Затаив дыхание, стоишь перед колонной и словно издалека слышишь голос Иоакима — молодого настоятеля монастыря. Он рассказывает туристам легенду о грузинском поэте, конечно, в своей интерпретации. Здесь еще очевиднее становится, что и сегодня образ великого старца окутан туманом древних легенд.

Но могут ли стены монастыря развеять этот туман и, вообще, что они в состоянии нам поведать?

К сожалению, они почти немые, так как века и страдания изменили их до неузнаваемости.

И все же в чем-то они хранят еще свой первозданный грузинский дух.

Вот грузинская надпись над главным входом, рядом с греческой:

«Расписан и возобновлен сей святой и всечестный храм животворящего Креста по соизволению Леона Дадзиани. Рукою и большими стараниями всенедостойного игумена Креста и св. Голгофы Никифора, сына Омана Чолокашвили, уповающего и преданного сему монастырю, который возобновил купол и алтарь на свой счет, хроникона 331 (1643 г.)».

А немного ниже уже мелкими буквами: «Кресте, помилуй грешного дикая Григория. Аминь!»

На стене, в которой вырублена главная дверь, уже не видно фресок грузинских царей Мириана, Горгасала и Ваграта с подписями.

Но если провести в монастыре целый день, в определенные часы свет

падает так, что начинает чудиться, будто эти фрески оживают.

Мы изучаем колонны. На второй справа, как раз напротив той, на которой фреска Руставели, время не до конца стерло изображение старика и младенца. Рядом угадывается другое изображение духовного лица, над которым читаем: «Расписавшему сей Гавриилу Патрадзе, архидиакону из Дранда и родителю его — да простит господь грехи, аминь!»

На первой колонне, по левую сторону, выведено черным «асомтаврули»: «Всечестный Кресте и святые архангелы Михаил и Гавриил, помилуйте Омана Чолокашвили и сына его моурава Кайхосро, и супругу его Варвару, аминь».

В самом низу второй, левой колонны, под скамьей псаломщика, читаем: «Архангелы Михаил и Гавриил, помилуйте Мамисимеди».

На полу перед алтарем — фрагменты древней мозаики, утонченные сплетения грузинского орнамента, поэтично стилизованные изображения павлинов и рыб...

Там же среди мозаичных фигур — бронзовый диск с изящной чеканкой. На нем написано: «Стойте твердо и непоколебимо и поминайте меня, грешного Никифора — Николая игумена Крестного монастыря. 1643 г.»

И это все, что сохранилось до наших дней.

Затем мы осмотрели многоэтажный комплекс монастыря снаружи. Откуда ни глянь, это величественное и впечатляющее сооружение. Среди множества культурных строений Иерусалима грузинский монастырь выделяется своим особым, неповторимым стилем. По всему видно, создатели этого гармоничного здания учли, что оно должно служить не только местом тихой молитвы, но и крепостью — на маленькую грузинскую колонию обрушивалось множество вражеских ударов. Наверное, поэтому Крестный монастырь похож и на цитадель, а прочные опоры несут на себе тяжесть каменной ограды и к огромному комплексу ведет одна-единственная узкая и низкая дверь, пробитая в каменной глыбе и заложенная на щеколду.

Мы согласовали с Иоакимом все связанные по съёмкой вопросы и до возвращения к себе решили посмотреть на Иерусалим с высоты колокольни русской церкви.

Внизу, по обе стороны границы Израиля и Иордании перед нами как на ладони лежал один из древнейших в мире городов, современные здания в стиле «модерн» соседствовали здесь со старинными храмами, церквями, синагогами.

Из подковы, образуемой невысокими холмами, глаз первым долгом выхватывает утопающий в зелени Сион... четырехугольную башню со шпилем Элеона... Под ними Гефсиманский сад... Еще ниже известная Иерусалимская стена... Мечеть Омара... «Могила Христа»... Голгофа... Просто глаза разбегаются!

Михаил Иванович и его супруга позаботились о нашем жилье.

Мы уже успели соскучиться по родине. Включили радиоприемник и... слышим голос нашего любимого актера и диктора Эросия Манджгаладзе, заканчивавшего репортаж со стадиона «Динамо». Я невольно вспомнил шутку другого популярного артиста — Додо Абашидзе, который однажды обратился к товарищу по профессии с дружеским упреком:

— Эросий, дорогой, от тебя никуда не убежишь. Я не могу даже уют включить — из всех штепселей раздается твой голос.

Как приятно было слышать гул тбилисского стадиона в далеком Иерусалиме!

Поздним вечером мы вышли побродить по улицам. К нашему удивлению, они были пустышны. Оказывается, со второй половины дня в пятницу здесь, в Израиле, начинается отдых — всякая работа прекращается, и на всю субботу израильские замыкаются в своих квартирах, как улитки в скорлупе.

И все же на главной улице мы увидели одну машину — она мчалась с бешеной скоростью.

Резко затормозив, из машины выскочил Борис, наш знакомый. Он застенчиво объяснил, что учится водить машину, а для этого лучших условий, чем сейчас, и не придумаешь. Можешь быть уверен, что никто и ничто не встретится на улице, да и полицейский не станет в такой день свистеть. Борис помахал нам рукой и умчался на своем черном лимузине.

* * *

С самого же начала съемок Крестный монастырь заметно ожил. Ловкие, знающие обо всем на свете репортеры, оказывается, успели напечатать в газетах и передать по радио о цели нашего приезда.

И кинодокументалисты не сидели сложа руки. Следом за осветительной техникой, которую мы взяли напрокат для съемок внутренней части церкви, прибыли целый отряд кинооператоров и фоторепортеров. Через несколько дней на экранах израильских кинотеатров промелькнули наши лица. А Иоакима, который учится в университете, студенты встретили как кинозвезду.

К монастырю святого Креста потянулось множество людей. Всем хотелось

своими глазами увидеть фресковый портрет гениального грузинского поэта — газеты уже успели напечатать Иоакимовскую версию биографии Шота Руставели.

Думаю, читателю будет небезынтересно познакомиться с продолжением известной у нас легенды. Я приведу некоторые выдержки из репортажа, напечатанного в одной центральной газете, конечно, ничего не меняя и не исправляя:

«...800 лет тому назад со склонов Кавказских гор спустился некий старец. Ему предстоял долгий путь к стиснутой горами иерусалимской равнине, где и сегодня стоит монастырь Креста.

А сейчас по его следам идут сотрудники советского телевидения. Их цель — запечатлеть на пленке все, что связано с последними днями некогда жившего в стенах монастыря, находящегося в долине распятия, старца, который является национальным поэтом грузинского народа.

В ближайшее время все человечество по инициативе ЮНЕСКО будет праздновать 800-летие со дня рождения Шота Руставели. Грузинская республика, входящая в Советский Союз, конечно, станет центром этого торжества. К празднику готовится 70-минутный фильм о поэте, о его творении, о дороге его страстей, которые начались в селе Рустави (от него и произошла фамилия старца) и кончились в иерусалимском монастыре. Хотя, согласно традиционному преданию, поэт здесь и умер, однако до сегодняшнего дня его могила не найдена.

Крестный монастырь с древними фресками и лампадами ярко освещен рефлекторами, принадлежащими студии «Херцль», и уподобился киностудии. Настоятель монастыря Иоаким Меймарис — священник православной греческой церкви — артистично открывает древние двери храма. Из множества ликов святых, среди которых изображены и наши Абрам и Сарра, работников Тбилисского телевидения интересует больше всего их герой — Руставели...

Четыре дня снимали трое грузин красивые и интересные уголки этого монастыря. Но они до сих пор так и не нашли келью Руставели, и никто не ведает, где она находилась. Единственное, что смог посоветовать им отец Иоаким, это снимать все подряд, в конце концов какая-то из келий непременно должна была принадлежать Руставели.

Существует множество легенд о происхождении монастыря святого Креста. Название его связывает с деревом, которое росло на этом месте. Из этого дерева римляне сколотили крест, на

котором распяли Христа. Такова христианская легенда.

Согласно другой легенде, византийский военачальник Басинариус завладел в VI столетии Римом и вернул Иерусалиму клад, похищенный у него ранее римлянами. Этот клад хранился в Крестном монастыре. Монахи, дабы он не попал в руки мусульман, закопали его в землю. В VIII столетии мусульмане перебрали всех монахов до единого, но клад не нашли.

Среди крестоносцев, которые двинулись на Восток, чтобы очистить святые места, были целые отряды грузинских воинов. Предания древних лет повествуют о том, что грузины-крестоносцы поселились на святой земле, несколько отрядов — вокруг Иерусалима, в том числе и в монастыре святого Креста. За воинами пришли и грузинские монахи.

Отец Иоаким рассказывает, что в этом монастыре жили 400 монахов, они перевели на грузинский язык труды греческих философов. В то время царем Грузии был Давид Третий, а затем Тамар (между 1184 и 1213 годами). Эта царица, говорит Иоаким, всячески помогала монахам в их праведных трудах, платила им большие деньги.

Шота Руставели, сообщает предание, был влюблен в царицу Тамар. По другой версии, ей очень нравилась его поэма, и она всячески покровительствовала ему.

Некоторые утверждают, будто Шота потому и постригся в монахи, что царица не разделяла его чувств. И, решив вырвать из своего сердца любовь к Тамар, поэт уехал в Иерусалим.

Отец Иоаким считает, что царица Тамар послала своего любимого поэта в Иерусалим, чтобы он руководил работой над переводами.

Было ли все так или иначе, одно не подлежит сомнению, что в Иерусалимском монастыре Шота написал свое самое значительное произведение «Вепхисткаосани». Эта поэма имела огромнейшее влияние на грузинскую литературу, она переведена на многие языки мира.

Шаул Черниковский перевел на иврит несколько глав поэмы Руставели. Этот эпос повествует о герое, который страдает от любви, странствует по свету и ищет свою возлюбленную.

Те, кто считает, что Шота любил свою царицу, утверждают — в этом произведении поэт описал свои чувства...»

Когда мы прочитали в газетах статьи и информации о Руставели, то, честно говоря, даже пожалели, что не дали интервью журналистам. (Мы с самого же начала отказались от всяких интервью, не желая создавать вокруг нашей работы лишней шумихи.)

Однако, поразмыслив, все же решили: нет хуже без добра. Может быть из этого множества легенд и версий местного происхождения удастся извлечь что-то новое, достойное внимания.

Во всяком случае, приятно было видеть людей, хлынувших к монастырю. Крестный монастырь, ныне принадлежащий греческой церкви, имеет очень мало прихожан — в Палестине греков уже не так много.

Поэтому вызванное нашим приездом оживление в монастыре так обрадовало Иоакима.

Велика была и наша радость, когда в Крестный монастырь к нам в гости пришел известный советский писатель Константин Симонов, недавно приехавший в Израиль. Вместе с послом Д. Чувахиным К. Симонов осмотрел монастырь и там же, у фрески Шота, он говорил о величии и значении поэзии Руставели, о необходимости сохранить Крестный монастырь и другие памятники древности, связанные с именем великого поэта.

— Руставели — это целый мир, его поэма — целый мир, обнимающий все то время, всю ту эпоху. Как невозможно вырвать его из той эпохи, так и невозможно представить Грузию того времени без Руставели. Это очень национальный памятник, но в то же время, как всякое великое произведение национального искусства, несущее на себе печать времени и печать народа, оно и интернационально. Оно звучит в веках, оно ощущается как достоинство всего человечества. И другого пути к величию, чем путь через сердце собственного народа, другого пути к мировому величию, видимо, нет и придумать его невозможно.

Мне кажется, что каждый, кто читал его замечательную поэму, заинтересован в том, чтобы все, что связано с его памятью, было сохранено, не разрушаясь. Это в интересах не только его прямых наследников — Грузии и грузинского народа, но и всех людей, любящих поэзию и понимающих ее ныне.

Не сомневаюсь в том, что будет сделано все необходимое для того, чтобы разрыть еще новые следы, открывающие нам все страницы истории, связанные с этим великим именем. Это будет сделано, и люди любых наций, любых религиозных взглядов помогут осуществить все это и сохранить этот памятник.

Наш оператор заснял этот момент, а Иван Стовбун записал репортаж для грузинского радио.

Повидаться с нами пришел и доктор Зев Вилнаи, прекрасный знаток древних палестинских памятников, о которых написал не одну книгу. Кстати,

он же является автором путеводителя для туристов. Этот разговорчивый и энергичный человек уже несколько лет тщательно изучает палестинский период жизни Руставели и грузинские памятники древности. На эти темы он опубликовал несколько исследований и статей. Вилнаи преподнес нам израильский журнал с его статьей об истории Крестного монастыря и книжку, точнее, путеводитель. В нем особое место уделено Крестному монастырю и деятельности Шота Руставели.

Целую неделю мы работали с самого раннего утра до позднего вечера. Камера оператора обошла весь монастырь и снаружи и внутри, даже самые темные углки и глухие стены, на которых под наслоениями веков, надо полагать, дремлют старые надписи и фрески славных сынов нашей отчины.

Мы обладали весь монастырь, проникли в подвалы, заглянули (насколько хватало смелости) в темные катакомбы, превратившиеся в змеиные гнезда. В монастырской библиотеке хранятся только печатные книги, рукописей там не оказалось.

Особенно внимательно разглядывали мы пол вокруг колонны Шота. Еще в Тбилиси известный грузинский ученый Шалва Нудубидзе вдохновенно доказывал нам, что могила Шота непременно должна находиться именно под колонной с фреской Руставели.

К сожалению, ни под колонной, да и вообще нигде в церкви нет могил. Возможно, раньше они и были, но в более поздние времена, когда часть пола было заново выложена мозаичным узором, могилы оказались под слоем цветного камня. Во всяком случае, без раскопок утверждать что-либо трудно.

Особенно запомнился нам день, когда в монастырь пришли осветители и подсобные рабочие из местной киностудии. За аппаратуру, выданную нам напрокат, пришлось заплатить значительную сумму. Поэтому, желая сократить расходы, мы решили заснять всю внутреннюю часть церкви за один день. Но это намного превышало установленные договором нормы. Однако простые труженики вошли в наше положение — они безропотно работали четырнадцать часов подряд.

Этот факт тут же был отмечен одним из репортеров. Вот что он писал: «Трое тбилисцев, видно, остались довольны работой электромехаников израильской студии «Херцль» — Рубена Мейера, Абрама Вольфа и Якова Гринберга, которые обслуживали генератор и систему рефлекторов.

Люди двух стран не могли объясниться словами: гости не знают иврит, и израильтяне — грузинский или русский язык. Им только и оставалось прибегнуть к жестам. Если же возника-

ли трудности, на помощь приходил рисунок; так, например, когда грузины хотели узнать, почему опоздали электротехники с приездом в Иерусалим из Тель-Авива, Абрам Вольф нарисовал карандашом машину и перечеркнул один скат. Грузины поняли причину, и все заулыбались».

В полдень мы накрыли общий стол в монастырской трапезной наших предков.

Однокурский и соотечественник Иоакима — Филипп, стройный и прекрасный, как Аполлон Бельведерский, оказался знатым поваром.

Грузинский «Варрихе» всем пришелся по вкусу. Иоаким поставил на стол водку, настоящую по местному обычаю. А Филипп принялся почевать ею своего соседа Гиви Мелкадзе. Наш оператор опрокинул стопку и укоризненно посмотрел на Филиппа.

— Валидол, ведь это валидол!

Действительно, водка, которую здесь так любят и пьют разбавленную водой, напоминала по вкусу валидол!

Филипп растерянно улыбался. Улыбка у него была очень грустная. Филипп непрестанно говорил о родных Салониках, по пальцам считал дни, когда истечет срок пребывания в монастыре и он сможет вернуться в отчий край. У Филиппа на лице было написано, что жизнь он прожил в бедности и мучениях. Видно, и в Салониках на него не сыпалась манна небесная, но все же сердцем он тянется на родину.

Однажды при нас ему принесли письмо от родных. Филипп весь просиял, схватил его дрожащими руками и, уединившись, целый день читал и перечитывал письмо.

Когда Михаил Иванович, страстный филателист, попросил у Филиппа марку с конверта, тот отчаянно замотал головой и так крепко, прижал письмо к груди, словно у него хотели отнять сокровище.

Иоаким, хотя он настоятель монастыря и рангом выше Филиппа, тоже не производит впечатление довольного жизнью человека. Его месячный заработок — 137 израильских фунтов. Это очень низкое, мизерное жалованье. Он с трудом сводит концы с концами. А такому слабому, хрупкого сложения человеку с бронхитом нельзя жить в сырой келье и кушать что бог послал. Но Иоаким еще ухитряется учиться в университете.

Мы попытались под разными предлогами дать ему фунтов сто, но в Иоакиме проснулось достоинство истинного эллина — мы получили вежливый и в то же время гордый отказ.

Ежедневные искренние беседы и встречи с Иоакимом помогли нам убедиться в том, что он облачился в рясу не по доброй воле. Выросший в нужде

и лишениях, он страстно любил древние памятники, которые окружали его на каждом шагу и рассказывали о славно-й истории его страны, «заболел» археологией, но отсутствие средств не позволило ему продолжить учение в родной Греции. Тогда он прибегнул к окольному пути: принял монашество и поселился в Крестном монастыре. Дело в том, что в Израиле с чужестранного студента не взимают плату за обучение. И наш Иоаким каждый вечер ходит с книгами под мышкой в Иерусалимский университет. Кто знает, о каких научных подвигах мечтает втайне Иоаким. Что ж, как говорится, бог в помощь.

Однажды, Иоаким в шутку спросил у нас: — А что скажут грузины, если я найду могилу Руставели?

По блеску его глаз мы поняли: за этой шуткой скрывается мечта будущего археолога...

В монастыре мы познакомились и с другими греческими парнями, приехавшими в Израиль на учебу. В глубине души я даже немного жалел, что некоторые наши молодые люди не слышат их горький рассказ...

Какие только трудности не преодолевают их сверстники за рубежом, лишь бы получить право на образование!

Приведу такой пример. Несколько позже, на иорданской половине Иерусалима мы познакомились в армянской патриархии с молодым священником — Арсеном Айвазяном. Этот рослый юноша, полный жизненных сил, оказался постриженным в черные монахи. А это значит: ему уже недоступно то неповторимое и прекрасное, что уготовано каждому молодому человеку жизнью.

Разве по внушению небес встал Арсен Айвазян на этот путь? Да нет, просто жажда учебы вынудила сына бедного сапожника покинуть родной дом и ценой пострижения заплатить за право посещать духовное училище при армянской патриархии в Иерусалиме. Возможно, Арсену еще повезет — какой-нибудь миллионер может заметить одаренного юношу и послать его на свои средства в Кембриджский университет.

А сколько таких Арсенов, похоронив в сердце светлые мечты, замурованы на всю жизнь в стенах монастыря...

* * *

Нам надо поскорее завершить съемки Крестного монастыря, чувствуется, что кое-кого раздражает наше пребывание здесь.

Пару дней назад Гиви задержался в монастыре, заканчивая съемки некоторых деталей. Во дворе появился незнакомый человек в гражданском костюме и устроил скандал.

Иоаким встретил его в штыки. Есть распоряжение патриарха, я не имею права запрещать съемки.

Все же визит этот нас озадачил. Впереди еще столько дел, надо быть осторожнее, как говорится, береженого и бог бережет. На всякий случай мы решили еще раз посетить миссию русской православной церкви. На этот раз нас принял Гермоген. Глава миссии — человек молодой, представительный, настоящий весельчак, но стоит заговорить о деле, он сразу становится серьезным и рассудительным.

— Очень рад встретить соотечественников, — сказал Гермоген, — ведь я тоже с Кавказа, коренной бакинец.

Он жестом пригласил нас к столу и как заправский дегустатор оценил наш грузинский коньяк.

— Конечно, я знал о деятельности грузин в Палестине, — продолжал Гермоген беседу, — но не мог представить, что у них здесь столько монастырей.

Гермоген попросил нас составить полный список тех мест, которые мы хотели бы осмотреть и заснять, и пообещал: «Если вас пустят на иорданскую сторону, я тоже поеду, думаю, смогу вам помочь».

К сожалению, Гермогену пришлось вылететь в Москву, у него умерла мать. А в Иордании он действительно был бы нам очень полезен.

Мы обратились за помощью и к доктору Хаиму Варди. Наша общественность уже знает его по книге Ираклия Абашидзе «Палестинский дневник». Варди принял нас в рабочем кабинете, беседа длилась более часа. Мы передали ему привет от добрых знакомых из Грузии, Георгий Церетели просил нас сказать своему коллеге, что в ближайшее время ему будут посланы новые издания поэмы Руставели и существующая по этому вопросу литература, что в Тбилиси должна состояться конференция семитологов, и Варди получил тезисы основных докладов.

А Ираклий Абашидзе поручил нам узнать — сможет ли доктор Варди приехать в Грузию на юбилей Руставели.

— С радостью и большим удовольствием, — ответил Хаим Варди.

Среднего роста, в высшей степени интеллигентный человек, доктор Варди хорошо владеет русским языком. Говорит он спокойно, взвешивая каждое слово, придавая значение каждой фразе.

Иван Стовбун взял у него интервью для газеты «Вечерний Тбилиси».

Через несколько дней мы ехали на машине Варди в Тель-Авив, где должны были снимать его на студии. На этот раз нам открылись и другие сто-

роны его личности — патриота своей страны и человека поэтической натуры.

По обеим сторонам главной магистрали Иерусалима — Тель-Авив тянутся аллеи оливковых деревьев. Глубокие прамы на стволах говорят о их возрасте.

— Некоторым из них 300, а то и 400 лет, — задумчиво рассказывает доктор Варди, — когда эти деревья пересажены сюда, многие сомневались в том, что они выживут. Но, как видите, они оказались жизнестойкими, как и еврейский народ.

Когда-то голые, выжженные зноем склоны иудейских гор сейчас покрываются зелеными насаждениями, цитрусовыми садами и виноградниками.

— Восемнадцать лет назад, — продолжает свой рассказ сидящий за рулем ученый, — здесь вы не увидели бы ни одного деревца. Представьте себе, что здесь будет еще через восемнадцать лет. У нас установлен «День леса», когда все сажают деревья. Детям мы всячески прививаем любовь к растениям, бережное к ним отношение....

Хаим Варди рассказывает о населенных пунктах, которые мы проезжаем, исторических памятниках, древнееврейских рукописях, обнаруженных в Кумранской пещере.

Мы въехали в кипарисовую рощу, и вдруг Варди изменил тему разговора:

— Не знаю, почему и с каких пор, но при виде кипарисов я вспоминаю Руставели. По моим наблюдениям, ваш великий поэт любит строить деревья.

Мы заговорили о схожих словах в грузинском и еврейском языках, попытались установить их этимологию. Выяснилось, например, что «варди» как по-еврейски, так и по-грузински означает «розу».

Израильский ученый заботился о переводе «Витязя в тигровой шкуре» на иврит. Он считает, что Шаул Черниковский сделал полезное дело своим переводом нескольких глав поэмы.

Варди вспомнил, как вместе с ныне покойным президентом Израиля Бен-Цви он читал вслух нудубидзевский перевод «Витязя в тигровой шкуре».

— Мы наслаждались и в то же время сожалели, что не имеем полного перевода такого совершенного произведения. Президент посоветовал изучить кому-нибудь из нас грузинский язык, ибо иметь полноценный перевод этого величественного поэтического творения — дело чести каждой культурной нации.

В Тель-Авиве к нам присоединился работник Совкинопроката в Израиле Михаил Демин. Он рассказал о необычайном успехе в Израиле фильма «Отец солдата». Эта картина шла первым экраном в течение семи недель,

по три сеанса в день, и самые большие кинотеатры Тель-Авива и Иерусалима были битком набиты. Такого успеха не было здесь ни у одного иностранного фильма.

Во время нашего пребывания в Израиле одна из центральных газет напечатала на первой полосе статью под шапкой: «Отец солдата» приветствует израильского зрителя.

«...Перед отлетом в Израиль главный режиссер грузинского телевидения Г. Патарая встретился с народным артистом СССР Серго Закариадзе, который исполняет главную роль в демонстрируемом у нас с таким успехом грузинском фильме «Отец солдата».

Большой грузинский актер сказал, что он получил много позитивных откликов на успех фильма в Израиле, множество писем от наших кинозрителей. Серго Закариадзе был очень доволен откликами на фильм и попросил передать израильскому зрителю привет и добрые пожелания.

В Израиле национальное кино и телевидение делают лишь первые шаги. Впрочем, это скорее можно сказать о кинематографии, так как к телевидению здесь относятся скептически и с недоверием. Во всяком случае на сегодняшний день к нему прибегают только для передачи учебной программы. Расширению возможностей телевидения, насколько нам известно, в основном препятствуют последователи ортодоксального иудаизма. Они считают, что телевидение подрывает устои нравственности и разума, порождая безделье и легкомыслие. Люди противоположных взглядов, как видно, пока не могут взять над ними верх.

Делами киностудии «Хердль», куда мы пришли, ведаёт Маргита Клаузнер — женщина прогрессивных взглядов, сторонница сближения Израиля с Советским Союзом.

Крохотная киностудия Маргиты Клаузнер, созданная с большим трудом, считается лучшей в Израиле.

— Вообще наша кинопромышленность, — говорит М. Клаузнер, — очень молодая, ей нет еще и двадцати лет. Когда мы начали строить киностудию, здесь не было ни одного дома, ни одного дерева. У нас не было ни техники, ни машин, ни специалистов — режиссеров и сценаристов. Не было у нас и знаний, опыта. Одним словом, мы начали на пустом месте.

Студия, в основном снимает документальные и рекламные фильмы.

Один из документальных фильмов «Клетка из стекла» (кстати, нам его показали) рассказывает о процессе над Эйхманом, кровавым палачом еврейского народа в нацистских застенках.

Студия выпустила и несколько художественных кинокартин. Из них наи-

большим успехом пользуется лента Эфройма Кишена «Салах Шабат» с участием популярного актера Хаима Типома. В отличие от других фильмов, «Салах Шабат» показывает быт сегодняшнего Израиля без прикрас. Э. Кишен смело вторгается в жизнь, ставя злободневные вопросы. Особенно беспокоит его проблема так называемых «белых» и «черных» евреев, вражда между которыми тревожит израильскую общественность.

Нам говорили, что этот фильм сорок недель не сходил с экранов Израиля.

Маргита Клаузер собирается в ближайшее время приехать в Советский Союз и показать нашему зрителю лучшие работы своей студии. В ее планах — принять участие в создании совместно с нашими документалистами телевизионного фильма о жизни евреев в стране Советов.

Именно на студии М. Клаузер мы синхронно засняли для нашего будущего фильма доктора Хаима Варди. Вот короткая речь, которую он тут же произнес:

— В истории мировой поэзии Шота Руставели всегда казался мне одним из дивных гениев.

Я дважды занимался его творчеством: первый раз — в юности, когда искал в его поэме действия, подвига и рыцарства; во второй — несколько лет назад, вслед за указанием грузинского ученого Нуцубидзе я искал в ней архаичную мистику. И оба раза, читая «Витязя в тигровой шкуре», чувствовал дыхание великой и вечно молодой поэзии.

Меня не удивляет тот факт, что грузинский народ в течение многих веков питал свой дух глубокой мудростью и чудесной поэзией Шота.

Как израильтянин, которому близка история своего народа и своей страны, я чувствую особое удовлетворение от того, что история жизни грузинского поэта связана с историей моей родины.

Согласно древним преданиям, Шота Руставели посетил нашу страну в конце XII века и, по всей вероятности, закончил здесь свой жизненный путь.

С этим преданием связаны и другие более романтические легенды, но ученые относятся к ним с некоторым предубеждением.

Однако все эти предания возможны и достоверны.

Шота Руставели был поэтом и человеком: не исключено поэтому, что он любил царицу Тамар и посвятил ей свою поэму, что из-за этого он обрек себя на вечную ссылку и принял монашество в Крестном монастыре...

И мы, спустя 800 лет, тоже преклоняемся перед царицей Тамар и любим ее, хотя бы и за то, что она считала себя потомком царя Давида.

* * *

В условленный день мы посетили Зева Вилнаи. Он живет на тихой, уютной в зелени улице Иерусалима.

Жена Вилнаи — высокая симпатичная женщина с удивительно голубыми глазами, встретила нас радушно и даже предложила вместе с Валентиной нашей переводчицей. Она знает несколько языков и, по всему видно, живет интересами своего ученого супруга.

Зев Вилнаи, как мы узнали, раньше преподавал в греческой духовной семинарии, находящейся при Крестном монастыре. Как видный специалист по истории Палестины, он заинтересовался прошлым этого монастыря, изучил хранящуюся в нем литературу, увлекся грузинской историей.

По словам Зева Вилнаи, знакомство с материалами по истории Грузии просто удивило его.

— Во всех первоисточниках, — говорит он, — речь идет о физических и духовных достоинствах ваших предков. Не подлежит сомнению, что они, ваши предки, пользовались особым почетом и привилегиями. Некоторые были недовольны этим и доносили правителям святой земли жалобами. Но это не смогло изменить отношения к грузинам. Как видно, на это были свои основания. И еще: сравнительно хорошей сохранностью Крестный монастырь обязан именно репутации, которой пользовались грузины.

Зев Вилнаи считает, что несколько грузинских храмов вошли и в список монастырских церквей, составленный при императоре Юстиниане. Упоминаемый в списке монастырь «Святого древа» должен быть Крестным. Интересно и то, что по своей архитектуре монастырь святой Елены в Синайской пустыне очень похож на Крестный монастырь — он так же напоминает крепость.

С Крестным монастырем и его историей Вилнаи связывает обычай, сохранившийся и в наши дни. Христиане-паломники толпами приходили в Крестный монастырь поклониться Святому древу. Амулет с кусочком этого дерева они берегли как святыню. И если человек давал клятву, прикасался рукой к такому амулету, уже никто не сомневался в правдивости его слов. Этот обычай так укоренился, что и сегодня, скажем, англичанин, давая клятву, считает вполне достаточным коснуться пальцами кусочка любого дерева.

Мы спросили еврейского ученого, не слышал ли он что-нибудь о захоронении в храме царицы Тамар. Ведь существует и такая версия.

— Сейчас трудно утверждать то или иное, — ответил Вилнаи, — могилы христианских царей уничтожили в бо-

лее поздние времена. Однако вовсе исключать эту версию тоже было бы неверно. В храме предавали земле сердца самых выдающихся царей. Может, и сердце Тамар нашло вечный покой в палестинской земле.

У Вилнаи большое желание продолжить исследовательскую работу в области руствелологии. Но часто (об этом Вилнаи сказал с досадой) он не имеет под рукой трудов грузинских ученых. Да и вообще он очень хотел бы завязать с нашими руствелологами тесные контакты.

Зев Вилнаи, конечно, мечтает побывать на родине Руставели. Он намерен в августе устроить в Крестном монастыре посвященную Руставели пресс-конференцию. Было бы хорошо, сказал Вилнаи, получить от грузинских ученых некоторые материалы.

Вилнаи, не жалея ни сил, ни времени, познакомил нас с памятниками древности Иерусалима. Ему мы обязаны и посещением древнего грузинского села Малха. Оно находится неподалеку от Иерусалима.

Вряд ли можно назвать грузинского путешественника, который не остановился бы на истории этого села. И каждый из них считал бесспорным, что жители Малхи были потомками тех грузин, которых в пятом веке прислал сюда Вахтанг Горгасал. Этому гарнизону садников вменялась в обязанность охрана иерусалимских древностей и, первым делом, Крестного монастыря, что грузинские воины и делали на протяжении веков. Они же сопровождали паломников, приехавших из Грузии осмотреть святые места. Встречали их в Алепо и провожали до Алепо.

Эти сведения, видно, близки к истине. Ведь жители Малхи неизменно называли себя «гурджами», то есть грузинами. Они обращались принадлежания Крестному монастырю земли и даже пользовались определенными льготами. Да и по внешности и по обычаям они отличались от местных жителей.

Во время последней войны жители Малхи перешли в Иорданию и влились в поток беженцев. Сейчас они, наверно, живут где-то у Иерихона в наспех построенных бараках или землянках. Впечатление нищенское существование. Так исчезла, растворилась в чужом народе, на чужой земле крохотная группа наших соотечественников.

Брошенное на произвол судьбы безлюдное село все же хранит какое-то своеобразие, чем-то отличается от других.

— Я слышал, — говорит доктор Вилнаи, — ваши предки обладали даром выбирать место. Действительно, лучшего места поблизости здесь не найти. Плодородная земля, здоровый воз-

дух и куда ни глянь — открытая местность. Стратегически очень выгодное место. Каждый, кто хотел попасть в Иерусалим и Ветлем, не мог обойти стороной Малху.

И правда, небольшая возвышенность опоясана дорогой, хотя сейчас ее с трудом различить. Склоны холма покрыты террасами, на которых малхяне разводили овощи, растили дурья и лелеяли виноградные лозы. Среди недавно одевшихся в листву деревьев я приметил и алычу.

Само село состоит из двух частей. Древняя часть представляет собой сплошь развалины, но и в этих развалинах можно различить столь знакомые нам архитектурные формы и линии — остов церкви, каменные дома с типично грузинскими окнами, каминными и стенными шкапами, неотемленные атрибуты нашего быта — марани, огромные чаны для вина, увы, заполненные сегодня камнями. Под каждым зданием угадываются, а подчас и видны подвалы. Кто знает, какие сокровища хоронятся в них. Сами малхяне, якобы, утверждали — в этих подземных хранилищах скрываются богатства древних церквей и рукописи далеких предков.

Утверждать-то они утверждали, но сами сторонились этих мест — это, конечно, была отчужденность, внушенная другой верой по отношению к давно забытым, ставшим чужими и чуждыми вещам. Может, поэтому они и покинули древнее, принадлежавшее предкам место и поселились рядом, на новой земле. А главное, село уже откровенно арабское — возвышающийся посреди него минарет с грубою оглядывает безлюдную сегодня Малху.

* * *

О горькой доле малхяиан нас заставило еще раз призадуматься зрелище, свидетелями которого мы стали в Тель-Авиве. Здесь на принадлежащей русской православной церкви земле, в так называемом «русском саду» каждый год в мае устраивается какой-то религиозный праздник арабов-христиан. Название этого торжества отдаленно напоминает наше грузинское «тиороба». Может, мы и не заметили бы сходства, не увидев праздника своими глазами, не войдя в его атмосферу. Наблюдая за приготовлениями арабов-христиан, мы невольно вспомнили наши «михето-ба» или «алавердоба». Те же обычаи, те же жанровые сцены народных гуляний, та же обильная трапеза, приправленная весельем и ночным бдением...

Могучие жилистые руки бьют в барабан — доли. Мужчины не сводят горящих глаз с девушки, плавно танцующей в тесном людском кругу нечто по-

хожее на «гандаган». Люди захвачены танцевальным ритмом. Жилые руки все яростнее бьют в барабан, круг становится шире, танцующих больше. Даже старики, махнув рукой — была не была, — входят в круг, мол, есть еще сила в коленях. А рядом прямо на земле разостланы скатерти. На них хачапури, мчади, сдобренные орехами и перцем баклажаны. Как у нас, пьют вино и водка.

Поодаль коротают вечер грустные старцы. Всматриваемся в их печальные лица. Такое ощущение, что вот-вот заговорят с тобой на грузинском языке.

И вдруг кто-то обратился к нам по-грузински. Но это оказалась еврейка-фотограф, уроженка Кутаиси.

Смотришь на пеструю праздничную толпу и почему-то не можешь отделаться от назойливой мысли, что многие из этих арабов-христиан задолго до жителей Малхи волей судеб оказались людьми без роду и племени.

Откуда они, эти арабы, какому поклоняются богу? Своему «первому» или обретенному после «измены вероисповеданию»? Или, может, все это инерция чего-то древнего, почти забытого... В те минуты я даже одернул себя — не слишком ли далеко уводит меня фантазия. Но сопоставив предания старины с действительностью, рассмотрев все это с разных сторон, решил, что нет ничего невозможного.

И в самом деле, разве это единственная трагедия, которую разыграло время с нашими предками на этой далекой земле?

Нет и нет!

На наших глазах, на памяти трех или четырех поколений волей-неволей свыклись с палестинским воздухом и палестинской землей наши исторические соседи, сыны гордого Кавкасиона — черкесы. Хотя к их языку и убеждениям время отнеслось менее беспощадно. В этом мы убедились, посетив черкесскую деревню Фаркама, которая стоит у подножья исторической горы Табор, поблизости от Назарета.

Прекрасна эта деревня, раскинувшаяся на плодородной долине. Мужественные и смышленные черкесы приспособились к равнине. Они знают толк и в сельском хозяйстве.

Пустив здесь корни, черкесы не забывают родного края, языка и обычаев своего народа. Они показали нам напечатанные на ротаторе несколько номеров альманаха на родном языке. В этих брошюрах рассказывается о храбрости и гордом достоинстве черкесского рода, о тех, кто более столетия держал в руке саблю, вернопопавно защищая трон турецкого султана или арабского халифа... Этой традиции они придерживаются и в наши дни. Во всяком случае, король соседнего государства, как нам говорили, считает черкесов самыми верными телохранителями...

В Израиле от жителей Фаркамы никто не требует такой службы, и они мирно обрабатывают землю.

Черкесам здесь только и остается, что, горько улыбаясь, рассматривать выпцветшие фото и старинные гравюры, запечатлевшие во всей красе стройных, мужественных воинов с непременным кинжалом на поясе, стягивающем национальную черкесскую чоху.

Черкес не может быть равнодушным к оружию. Когда жители Фаркамы узнали, откуда мы, то сразу же попросили: устройте как-нибудь, чтобы прислали нам из родного края хотя бы штук двадцать кинжалов. Они нужны нам для ансамбля. Мы готовы заплатить любую цену.

Не угасла в них и любовь к скаку-нам.

Местные черкесы осведомлены о жизни своей далекой родины. Они слушают радиопередачи, получают книги. В Фаркаме открыта школа, кстати, достаточно благоустроенная, обучение в ней ведется на двух языках — иврит и черкесском. Больше всего фаркамцев удивило то, что у нас уже давно преданы забвению вражда и недружелюбие, разжигаемые между нашими народами царизмом, что по-братски живут и трудятся они в единой семье. Да и не понять всего этого людям, живущим в обществе, где национальная рознь и неприязнь стали нормами быта. Уж где-где, а в Палестине, казалось бы, должны были утвердиться человеколюбие и терпимость. Однако вековые мольбы жрецов разных богов по сей день остаются гласом вопиющего в пустыне...

Окончание следует

**ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ»

Орган Союза писателей Грузии

(НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ)

Журнал систематически знакомит читателей с лучшими произведениями прозаиков и поэтов, критиков и публицистов Грузии, публикует статьи и очерки об актуальных проблемах жизни республики, печатает материалы о передовиках промышленности и сельского хозяйства, о выдающихся деятелях науки и культуры, о видных мастерах грузинского искусства и литературы.

В портфеле редакции находятся новые произведения грузинских писателей:

Н. ДУМБАДЗЕ. Солнечная ночь. Роман.

Р. КАНДЕЛАКИ. Большие и маленькие. Повесть.

М. КВЕСЕЛАВА. Тысяча пудов обвинения. Документальная повесть о Нюрнбергском процессе.

К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ. Новые рассказы.

А. СУЛАКАУРИ. Золотая рыбка. Роман.

Н. ЦУЛЕЙСКИРИ. Белая гора. Повесть.

С. ЧИЛЯЯ. Екатерина Чавчавадзе. Исторический роман-хроника.

Д. ШЕНГЕЛАЯ. Новая повесть.

Новые переводы стихотворений и поэм:

Георгия Леонидзе, Симона Чиковани, Ираклия Абашидзе, Карло Каладзе, Баграта Шинкуба, Алио Мирцхулава, Алекси Гомиашвили, Григола Абашидзе, Реваза Маргиани, Иосифа Нонешвили, Мурмана Лебанидзе, Гафеза, Ваню Тарба, Хута Берулава, Отара Челидзе, Фридона Халваши, Мухрана Мачавариани, Тамаза и Отара Чиладзе, Хаджи-Мурата Дзущцати, Шота Нишнианидзе, Джансуга Чарквиани и др.

Со своими стихами и переводами в журнале обещали выступить Николай Тихонов, Павел Антокольский, Борис Слуцкий, Александр Межиров, Михаил Луконин, Евгений Евтушенко, Владимир Соколов, Булат Окуджава, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина, Юнна Мориц, Юрий Ряшенцев и другие русские поэты.

Подписная цена:

на год — 4 руб. 80 коп.

на полгода — 2 руб. 40 коп.

Подписка принимается во всех отделениях «Союзпечати» без ограничения.

Подписано к печати 18 ноября 1966 г. 6 печ. листов. Формат бумаги 70×108,1/16
Заказ № 3621 Тираж 1900 УД 03871

Цена 40 коп.

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются

ჟურნალი „ლიტერატურნაია გრუზია“ (რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ლიტერატურა და ხელოვნება“

Полиграфкомбинат издательства ЦК КП Грузии, Тбилиси, ул. Ленина № 14.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1967 ГОД

НА ЖУРНАЛЫ

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЗЕРБАЙДЖАН»

В журнале печатаются романы, повести, поэмы, рассказы, стихи видных писателей Азербайджана и других республик, очерки о наших современниках, об их героическом труде, произведения молодых авторов, воспоминания, литературные портреты, материалы по искусству, критические статьи, рецензии, обзоры книг.

В журнале публикуются ранее неизвестные документы о выдающихся общественных деятелях, литераторах, деятелях культуры, а также материалы из литературного наследия.

В каждом номере — страничка сатиры и юмора, уголок природы.

Подписная цена на год — 3 рубля.

«ЛИТЕРАТУРНАЯ АРМЕНИЯ»

В первых номерах 1967 года будут напечатаны:

Неоконченный сатирический роман Дереника Демирчяна, рассказы Ст. Зорьяна, С. Ханзадяна, В. Арамяна, Г. Матевосяна, стихи С. Капутикян, А. Сагияна, А. Граши.

В разделе зарубежной литературы: рассказы Вильяма Сарояна, Шаана Шахнура, повесть Ваге Кача «Трапеза хищников».

Очерки Виктора Некрасова и Леонида Лиходеева об Армении.

Статьи о современной армянской литературе.

Воспоминания: А. Эфрон «О встречах Ав. Исаакяна и М. Цветаевой».

Публикации: Андрей Белый — «Армения».

Информация о культурной жизни республики и зарубежных армянских колоний.

Подписная цена на год — 4 р. 80 к.

Подписка принимается во всех отделениях «Союзпечати» без ограничения.

7. 1105

ИНДЕКС
76117

Цена 40 к.